

ПАРАДОКСЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕОНИД МИЛОВ
АНДРЕЙ ПАРШЕВ

ПОЧЕМУ
РОССИЯ
НЕ СТАЛА
ЕВРОПОЙ

Парадоксы русской истории

Андрей Паршев

Почему Россия не стала Европой

«Алисторус»

УДК 355/359
ББК 63.3

Паршев А. П.

Почему Россия не стала Европой / А. П. Паршев — «Алисторус»,
— (Парадоксы русской истории)

ISBN 978-5-906817-69-3

Леонид Васильевич Милов был профессором исторического факультета МГУ, академиком РАН. Андрей Петрович Паршев — российский публицист, автор известных в России книг «Почему Россия не Америка», «Почему Америка наступает». Л.В. Милов и А.П. Паршев первыми среди российских исследователей обратились к важнейшим вопросам российской истории, ускользавшим до сих пор по тем или иным причинам от внимания ученых-историков. Основная заслуга авторов в том, что им удалось выявить влияние природно-климатического фактора на экономику России, социальный строй и российскую государственность в целом, то есть речь идет о создании некоей модели социума и его специфических черт. Об этом идет речь в книге, представленной вашему вниманию. После ее прочтения становится ясно, почему Россия так и не стала в полной мере европейской страной, была и будет самобытным государством.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-906817-69-3

© Паршев А. П.

© Алисторус

Содержание

Л.В. Милов	6
Предисловие	6
Мачеха природа (тупик или развитие)	10
Механизмы выживания	14
О происхождении крепостничества	19
Особенности генезиса капитализма в России	21
Крупное производство под опекой государства	25
Характеристика российской государственности	28
А.П. Паршев	42
Где же мы живем?	42
А как же Запад?	72
Так повезло нам или нет?	89
Заключение	122

Леонид Милов

Почему Россия не стала Европой

© Паршев А.П.

© Милов Л.В., правообладатели

© ООО «Издательство Алгоритм», 2016

Л.В. Милов
Россия – социум особого типа
(из книги «Великорусский пахарь»)

Предисловие

Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый «беспашенный период», равный семи месяцам, фиксируется в государственной документации еще в XVII столетии. Иначе говоря, на протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. К тому же из них на сенокос уходило около 30 дней. В итоге одנותягловый крестьянин (то есть имеющий семью из 4 человек) имел для пашенных работ около 100 рабочих дней. Для сравнения напомним, что в крупном (монастырском) хозяйстве в середине XVIII в. на десятину пашни (на все виды работ) расходовалось 59,5 чел. – дней и примерно столько же шло на гектар пашни в фермерских хозяйствах Севера Франции того же времени. Из них только на обработку земли тратилось 39–42 чел. – дня. Однако, делая такие затраты труда, французский фермер располагал десятью месяцами рабочего времени в год, а в Центральной России этот срок был вдвое меньше. Поэтому здесь только крупное феодальное хозяйство за этот срок, обладая возможностью концентрации барщинной рабочей силы для летних работ, могло выполнить весь минимально необходимый с точки зрения норм агрикультуры комплекс работ. Что же касается крестьянина, то он располагал в расчете на десятину пашни лишь 22–23-мя рабочими днями на все виды пахотных работ (а если он был на барщине, то временем, вдвое меньшим).

Отсюда идут все беды русского крестьянина: он мог нормально обработать лишь крайне небольшой участок пашни. Если же он должен был непременно его увеличить, то мог сделать это исключительно за счет сна и отдыха и за счет привлечения труда детей и стариков. Второй вариант расширения мизерной пашни мог быть реализован лишь за счет резкого снижения уровня агрикультуры (вплоть до разброса семян по непаханному полю), что вело к низкой и очень низкой урожайности, выпашанности почвы и постоянной угрозе голода, который в России был весьма частым гостем. Столь трагическая ситуация усугублялась тягчайшими условиями развития скотоводства, главным из которых был необычайно длительный (до 7 месяцев) период стойлового содержания скота, что требовало больших запасов кормов. А ведь период заготовки кормов буквально втискивался в напряженный и сжатый по времени цикл полевых работ и поэтому был крайне ограничен (20–30 суток). Отсюда горький парадокс российского Нечерноземья: обширные пространства, луга, перелески, а корма практически мало (и это в основном солома), поэтому и скота было мало, и удобрений для полей было очень мало, не говоря уже о пищевых ресурсах скотоводства, возможности сбыта его продукции и т. д.

Важнейшим следствием этих обстоятельств явилось широкое распространение с самых древних времен архаических приемов земледелия, становление не классического трехполья паровой системы земледелия, а некоей комбинации трехполья с периодическим забрасыванием пашни в перелог или залежь. Правда, наряду с этим наблюдается и многообразие и гибкость крестьянского опыта, его тонкий учет тех или иных местных специфических условий. В Нечерноземье важнейшим резервом крестьянского хозяйства были лесные, кратковременно используемые рощи.

Описанная ситуация сказывалась на всем укладе жизни великорусского пахаря, охарактеризовать который в сжатом виде можно как «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта». Весь быт земледельца был пронизан стремлением к крайней экономии ресурсов и времени, что отчетливо отражает исследованный в книге характер жилища, одежды, пищи, психологии сельского жителя и т. д.

Дефицит рабочего времени в цикле полевых работ вытеснил такой вид земледелия, как огородничество и садоводство, в русские города. Статус посадского человека, горожанина позволял здесь резко повысить интенсификацию земледельческого производства, что очень рано способствовало развитию торгового огородничества и садоводства, становлению хитроумных технологий выращивания теплолюбивых культур в суровых условиях исторического центра России.

Названные выше обстоятельства и прежде всего объективно складывающиеся весьма ограниченные возможности интенсификации труда вели к тому, что урожайность в целом по стране колебалась вокруг минимального уровня «сам-3», несмотря на отчаянные усилия великорусского пахаря добиться повышения этого уровня. Наиболее показательным, что чистый сбор на душу сельского населения в 40-х годах XIX в. был равен в среднем 23,2 пуда, а в 50-х годах – 21,2 пуда. И даже в самом конце XIX в. душевой сбор в расчете на все население страны, включая картофель, был равен лишь 21,5 пуда (при тогдашней норме 24 пуда на человека).

Внешний и внутренний рынки зерна создавались лишь за счет «внутренних резервов» крестьянского двора, то есть жесткого ограничения потребностей людей. При этом в XVIII в. себестоимость продукции полеводства была примерно вдвое выше ее рыночной цены при идеально высоком уровне урожайности. А при реально низких урожаях себестоимость могла быть втрое и даже впятеро выше рыночной цены. И не случайно, что в таких условиях прирост населения страны в решающей своей части поглощался сферой земледельческого производства. Будучи сугубо экстенсивным, оно распространялось на всё новые и новые территории. Именно этот фактор лежал в основе многовекового движения русского населения на юг и юго-восток Европейской России, где были более плодородные земли, хотя и постоянно подвергавшиеся нашествию засухи.

Всё это, казалось бы, создавало условия для существования в этом регионе Европы лишь сравнительно примитивного земледельческого общества. Однако неумолимые, прежде всего геополитические, факторы, диктуя потребности более или менее гармоничного развития социума, вызывали к жизни и порождали своего рода компенсационные механизмы, и им в книге посвящен особый раздел.

Крайняя слабость индивидуального крестьянского хозяйства в условиях Восточно-Европейской равнины была компенсирована громадной ролью общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности. Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного труда. Однако задача достижения гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения, как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Однако на пути этой «оптимизации», то есть объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления этой эксплуатации.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политиче-

ские механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной собственности на землю. Режим крепостничества сумел нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В книге подробно исследован на актовом материале XV–XVI вв. весьма не простой путь становления режима крепостного права как явления, порожденного не только ситуативными моментами (хозяйственное разорение, борьба за рабочие руки и т. п.), но и фундаментальными, непреодолимыми для феодального социума факторами (такими как природно-климатические условия, минимальный объем совокупного прибавочного продукта, неизбежность существования общины). В свою очередь, режим крепостничества в России стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия, имеющего глубокие исторические корни. В итоге такого рода «оптимизации» объема совокупного прибавочного продукта режим крепостничества, в свою очередь, породил и компенсационные (патерналистского типа) механизмы выживания, которые тесно переплетались с общинными механизмами выживания.

Характерной особенностью российской государственности помимо жестокого политического режима власти является необычайно сильное развитие ее хозяйственно-экономической функции. Потребность в деспотической власти исторически лишь на ранних этапах была обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом, внешняя опасность, задачи объединения русских княжеств и т. п.). В дальнейшем этот режим существеннейшим образом был обоснован экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленного и промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии экстенсивного типа и их острое отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». Это и строительство пограничных крепостей-городов, грандиозных оборонительных сооружений в виде засечных полос, строительство и организация крупных металлургических производств, огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны мастеров-металлургов, оружейников, каменщиков, купцов и т. п., наконец, без особого обширного государственного сектора экономики совершить это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, исторически сложившейся ее огромной территории функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций феноменальна сама по себе, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной надстройки над компонентами базисного характера. Господствующий класс и так называемое неподатное сословие даже в петровскую эпоху составляли не более 6–7% от населения страны (к 1861 году этот процент был около 12%). Основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества, которая неизбежно носила упрощенный характер. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резче всего, помимо организационно-экономической, проявляли себя военная, кара-

тельно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги управления уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая функция общины еще более усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении. Этот сложный и длительный процесс становления и укрепления феодальной земельной собственности так и не довел (вплоть до 1861 года) земельное владение дворянина до уровня полноправной частной собственности. Решающую роль в этом сыграли неистребимые традиции общинного землепользования, как, впрочем, и вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства.

Вместе с тем выдающаяся роль государства в промышленном развитии страны способствовала гигантскому скачку в развитии производительных сил страны, хотя заимствование «западных технологий» архаическим социумом дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект в лице огромной категории рабочих, навсегда прикрепленных к фабрикам и заводам (так называемые «вечно отданные»).

В то же время чисто эволюционное развитие процесса отделения промышленности от земледелия в российских природно-климатических условиях имело в течение столетий лишь слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, сочетающимся с господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления (а, следовательно, и укрупнения мелкого производства). В работе исследованы основные отрасли хозяйства, в которых в период XVII – начала XVIII в. роль неадекватных форм капитала была весьма существенна. В силу этих обстоятельств в России в целом уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал по своим размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами. Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро (по сравнению с прошлым) развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться в силу высокой стоимости всей инфраструктуры народного хозяйства прежде всего крупное промышленное производство (на начало XX в. составлявшее более 70 % предприятий), почти тотчас охваченное процессами монополизации. Думается, что природно-географический фактор и, в первую очередь, необъятное пространство России сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

Названные и рассмотренные в книге моменты, характеризующие особые черты российской государственности, были исторически неизбежны и породили в конечном счете своеобразие и самого русского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих, самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для удовлетворения их гораздо сложнее и хуже. Стало быть, объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в основных западноевропейских социумах. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах.

Мачеха природа (тупик или развитие)

Коварство нашей природы не ограничивается коротким сезоном сельскохозяйственных работ, оно в еще большей мере проявляется в том, что в России часто наблюдается полное отсутствие корреляции между затратами труда и получаемым урожаем. Конечно, низкие урожаи были следствием вынужденно низкой агрикультуры крестьянского земледелия, но в гораздо большей степени они были следствием капризов мачехи-природы.

Идеальная, по крестьянским понятиям, погода – это в меру теплое и влажное («благо-растворенное») лето. Но подобное лето – редкое событие. В Нечерноземье такие культуры, как пшеница (в том числе и пшеница-ледянка), греча, конопля, не вполне вызревали от недостатка тепла («требует более теплоты»). Кроме того, пшеница побивается «мглою», «от поднимающихся от болотных рос». Вообще в Нечерноземье «много вредят хлебу» «влажные пары, поднимающиеся от озер и болот».

Но особой бедой были и дождливая затяжная непогода, когда замедлялся рост растений, и нередкие засухи. На огромных пространствах, где преобладали глинистые, суглинистые и иловатые почвы, «в жаркое время делается на поверхности пашни корка, а в дождь... вода, непроходящая сквозь глину, отнимает... от хлебного корня влажность и умножает оную непомерно. От чего корень, лишаясь части питательных соков, производит тонкий стебель и мелкий колос».

Завершает этот сложный узел парадоксов обилие неплодородных и просто худых почв.

Столь суровые, неблагоприятные условия хозяйствования, действовавшие в течение многих столетий, безусловно, закалили великорусов, превратив их в великую нацию тружеников. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но незаурядную изобретательность и находчивость.

Но совсем иное дело пашенное полевое земледелие. Здесь многовековая борьба великорусского пахаря с природой не давала такого эффекта, как в городском огородничестве с его хитроумными парниками, садами и т. п.

В этой связи весьма интересны наблюдения и оценки князя М.М. Щербатова – русского историка, экономиста, публициста, депутата Комиссии о новом Уложении, члена Комиссии о коммерции и президента Камер-коллегии. В 60—80-е годы XVIII в. он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны. В послевоенной историографии за М.М. Щербатовым прочно закрепилась слава заскорузлого консерватора, ярого защитника крепостничества, ретрограда и т. д. Между тем М.М. Щербатов был личностью далеко не столь однозначно примитивной. Он прекрасно знал европейскую литературу, в том числе и работы выдающихся представителей французского Просвещения, но при этом он хорошо знал реальное состояние страны, положение крестьян и сельского хозяйства в целом. Благодаря работам французских просветителей М.М. Щербатов обращал пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и губительное влияние их на состояние земледелия страны. Отсюда его резкая оценка эффективности труда земледельца как чрезвычайно низкой. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ общую, хотя и приблизительную оценку эффективности земледелия страны. Численность ее населения была приравнена им к 18 млн душ обоего пола, то есть несколько занижена, ибо в момент этого расчета (конец 60-х годов) она была ближе к 23 млн душ обоего пола.

Число работников в земледелии М.М. Щербатов оценивает примерно в 3 млн чел., площадь, засеваемую каждым из них, в 6 десятин. При общем высеве в 96 млн четвериков (пудов) и урожайности не ниже сам-5 общий сбор ржи оценивается им в 480 млн четвериков ржи и 144 млн четвериков яровых, а чистый сбор в 504 млн четвериков. Из них на питание, исходя из расчета в 24 четверика в год на человека (24 пуда), ежегодно должно уходить 432 млн четвери-

ков. Остаток или излишек равен, таким образом, всего 72 млн четвериков, или по 4 четверика (пуда) на человека. Эта величина настолько ничтожна, что при малейшем снижении урожая населению страны угрожала нехватка зерна даже для минимальной нормы питания.

В расчетах М.М. Щербатова много неточностей, но они, так сказать, взаимно погашают друг друга (занижено число пахарей, но завышена площадь обрабатываемой ими пашни и т. д.). Приблизительность своих расчетов признает и сам М.М. Щербатов: «Независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшения в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод».

В нашем распоряжении есть типичный бюджет 80-х годов XVIII в., сделанный «по расчислению нескольких лет на каждый год». Это бюджет крестьянина «посредственного состояния» с женою и двумя детьми, «живущего домом»⁴⁹. В год ему «потребно»:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение – 4 руб. 50 коп. с половиною.
2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына – 7 руб. 49 коп.
3. На соль – 70 коп.
4. На упряжку и конскую сбрую – 1 руб. 95 коп. с половиною.
5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. – 97 коп. с половиною.
6. На земледельные инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду – 4 руб. 21 коп.
7. На церковь – 60 коп.
8. Для жены и детей – 3 руб.
9. На непредвиденные расходы – 3 руб.

Итого – 26 руб. 43 коп. с половиною.

Даже если из числа расходных статей исключить «страховой фонд» в 3 руб. и сократить расход на женщин и детей вполнину, то все равно останется сумма, даже не сопоставимая с доходами от продажи продуктов крестьянского хозяйства. По сравнению с реальными потребностями они выглядят просто смехотворными.

В конце концов, крестьянский двор беднел, хозяин его терял волю и упорство. Уровень реальной жизни большей частью, по-видимому, располагался между крайней бедностью и состоянием выживания, когда хозяин, применяя всевозможные «крестьянские извороты», поддерживал на плаву свой двор и семью. В конечном же счете речь должна идти о крайне низком уровне земледельческого производства в целом для Европейской России и в особенности для территории ее исторического ядра. Земледелие здесь практически едва осуществляло функцию простого воспроизводства.

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., А.Т. Болотов писал: «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием». «Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засеять свою пашню в способное время и для этого (из-за этого. – Л. М.) у него всегда был недород», «незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле», «имея одну негодную или две лошади, [крестьяне] с нуждою землю свою вспахать могут» – такие оценки давали основной массе крестьян XVIII в. современники.

* * *

Ситуация с развитием земледельческого производства в первой половине XIX в. была не лучше.

Первый же важнейший вывод буквально ошеломляет. Средний высев в пределах территорий русских губерний не только не увеличился, но, может быть, даже уменьшился (в 1802–

1811 г. 5,54 чत्व., а в 1841–1850 гг. 5,13 чत्व.). За этими сухими цифрами стоит трагичная судьба русского крестьянства. Надо осознать, путем какого огромного напряжения сил нашему земледельцу доставалась каждая четверть зерна. И в XVIII веке, и много раньше сельскохозяйственная пора – это «страда», страдание, тяжелый надрывный труд. Ведь русский пахарь всегда работал на пределе своих возможностей. И тем не менее, шли десятилетия, а площадь высева в расчете на тягло оставалась та же.

В советской историографии все исходные данные, которыми мы оперируем, были известны, но на них смотрели только как на свидетельства губительного воздействия на экономику крестьянского хозяйства жесточайшего крепостного права. Один из образованнейших людей конца XVIII в., И.Г. Георги писал, правда, с известной долей лакировки, следующее: «Крестьянин каждый имеет собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, который имеет силу не меньшую закона». При условии выплаты в той или иной форме ренты все, что «крестьянин вырабатывает или ремеслом своим достает, остается точно ему принадлежащим, тем владеет он во всю жизнь свою спокойно, отдает в приданое за дочерьми, оставляет в наследие своим сыновьям и родственникам по воле своей невозбранно. Без такой свободы и безопасности не мог бы крестьянин наживать по 100 тысяч рублей и более капитала. Собственность крестьянина состоит в его доме, имении, скоте и земле, сколько ему наделу с прочими той деревни крестьянами достанется, а приобретение его зависит от его рук, досужества, проворства и рачения».

Из слов этого современника, по крайней мере, следует, что, будучи «крещеной собственностью», крестьянин тем не менее оставался собственником жизненных средств. Но в отличие от промысловика, земледelec редко богател именно вследствие того, что земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки.

В предреформенное десятилетие, как уже говорилось, общая тенденция развития земледелия была связана со снижением производства. При этом в некоторых нечерноземных губерниях оно явно сопровождается переключением крестьян на промысловые занятия (в Московской губернии высевы за 50 лет упали с 5,04 чत्व. до 3,84 чत्व. на тягло, в Пермской губ. произошло снижение с 5 чत्व. до 3,56 чत्व. на тягло). Видимо, то, же происходило и в Петербургской губернии, где к 1861 году высев упал до 2,16 чत्व. на тягло. Однако весьма важно, что в главнейших местах сосредоточения крестьянской промышленной деятельности (в Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской губерниях) высев не снизился, а кое-где несколько вырос, хотя и очень незначительно. Это обстоятельство весьма красноречиво, ибо оно свидетельствует о том, что в XVIII–XIX вв. процесс общественного разделения труда (отделения промышленности от земледелия) совершался в крайних, болезненных формах. Крестьяне переключались на промысловые занятия не потому, что в земледелии в итоге роста производительности труда, интенсификации агропроизводства появлялись излишние людские ресурсы, как можно было бы полагать, не зная материала. Напротив, сельскохозяйственное производство в Промышленном Центре России оставалось по-прежнему общественно необходимым, и общество нуждалось в этой продукции. Но крайне неэффективное земледелие не способно было прокормить земледельцев, и это толкало их в города, на каналы, на фабрики, способствовало возникновению крестьянского ремесленного производства. Товарный хлеб в России – это дар капризной Природы. И товарное зерно и винокурение – это в существеннейшей мере итог дальнейшего снижения уровня питания. Дореформенный рынок – это рынок продажи хлеба из нужды, хотя независимо от этих мотивов он служил ареной действия законов товарного производства.

После реформы 1861 года товарный рынок внутри страны и экспорт зерна по-прежнему росли в значительной мере за счет суровой экономии потребления. Еще в 1888 г. правительственная комиссия специального назначения фиксировала, что в России крупные и мелкие

хозяйства «стали продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей».

Больше того, в связи с реформой 1861 г. положение крестьянства сильно изменилось. Произошло резкое обеднение основной массы крестьянства. Начался новый этап в истории русского крестьянства, этап развития капитализма, который обострил так называемое аграрное перенаселение. Однако перенаселение это было в стране, едва покрывающей своим зерновым производством самые необходимые потребности населения.

Подводя итог развития хлебного баланса страны, мы еще раз убеждаемся, что Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание, – все это находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Русского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могучих держав Европы.

Тем не менее в основе такого пути лежит специфика российского социума, заложенные в его социальной и политической структуре некие компенсационные механизмы выживания, позволявшие России, хотя и сравнительно медленно, с большими социальными издержками, двигаться по пути прогресса, имея на себе «вериги» вечной отсталости земледельческого производства.

В связи с этим представляется немаловажным попытаться раскрыть ряд особенностей исторического развития страны как общества, обладавшего из века в век лишь необходимым минимумом совокупного прибавочного продукта.

Механизмы выживания

На наш взгляд, в истории российского общества наиболее ярко проявили себя два главных компонента механизма «выживания» – община и система крепостного права. Причем, если первый из них действовал преимущественно на микроуровне (волостная, деревенская община), то второй существеннейшим образом определял характер и структуру общества в целом, одновременно являясь орудием эксплуатации.

Как известно, сельская община обладала феноменальной приспособляемостью к различным социальным условиям и к типам рент. Однако практически она всегда осуществляла и социальные и производственные функции посредством регулировки и управления механизмом перераспределения и использования надельной земли и удержания хозяйственно-бытового распорядка жизни. При всей мощи власти помещика-крепостника община и ее решения были необходимым компонентом вотчинной системы управления. Многочисленные для XVIII – начала XIX в. «наставления», «уложения», «учреждения», инструкции помещиков практически всегда предполагали право общины решать вопросы крестьянского землепользования и обеспечения тяглом, хотя помещик стремился направлять эти решения в своих интересах. В крупных поместьях, там, где формировались сложные общины, стремление деревенских общин сохранить за собой «свои» земли сталкивалось с политикой вотчинных управителей в реализации принципа уравнительности по имущественному состоянию крестьян путем систематической тягловой переобролки. Однако при «уравнивании» деревень перераспределения угодий чаще всего носили «временный» характер, ибо традиция всегда числила за той или иной деревней «ее» владения. Впрочем, уже в XIX в., когда прибыль от продажи хлеба стала всепоглощающей целью барина, он не всегда уже останавливался перед незыблемостью этих традиций.

В обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, каким и была Россия, на первом месте безусловно стояла проблема увеличения объема этого прибавочного продукта. Но одновременно для господствовавшего класса не менее важна была задача удержания основной массы производителей от разорения и гибели вследствие и воздействия природно-климатического фактора, и объективно необходимого ужесточения эксплуатации. В этой связи проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины и ее власть на все категории земель.

Обращение к материалам помещичьих инструкций может дать вполне определенное представление о том режиме и механизме регулирования жизни и труда российских земледельцев, который в недавнем прошлом оценивался лишь как жесточайший режим крепостничества. Разумеется, такая оценка вполне справедлива, ибо крепостничество – это режим грубой и суровой эксплуатации крестьянина. Но вместе с тем подобный взгляд страдает и односторонностью.

Рассмотрим основные «зоны внимания» создателей названных инструкций, сосуществующие рядом с главной заботой помещиков: изъятием феодальной ренты в любых формах ее проявления. Во-первых, в ряде инструкций четко прослеживается борьба с бедностью. Поскольку parcelное хозяйство в России и его благополучие зависели от тысячи разного рода обстоятельств и случайностей, то оскудение и нищета были постоянной угрозой для крестьян. Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество. Заинтересо-

ванность в этом усиливалась низкой эффективностью земледелия, что, в свою очередь, постоянно обостряло нужду во все новых и новых рабочих руках.

Отсюда практически общий принцип верстания крестьян тяглом: «чтоб бедные тяглом отяхчены не были». Наиболее дальновидные помещики почувствовали эту опасность еще при проведении первой ревизии. В частности, Артемий Волинский в инструкции Ивану Немчинову (1724 г.) писал: «И хотя ныне и учинена подушная перепись, и собираются подати поголовно, однако ж есть некоторые мужики в семьях многолюдны, а зело бедны, к тому ж и детей имеют малолетних, а другие, заводные, имеют у себя мало в семье мужеска полу. Того ради, есть ли не верстая их против тягол, а платить подати с голов так, что, у кого в семье есть мужеска полу, то, конечно, семьянистые и бедные в один год пропасть могут. А то [в итоге] подать вся ляжет на одних оставших. И тако и последние принуждены будут нищими быть, и, оставя свои дома, бежать». Вывод был однозначным: верстать не по мужским «головам», а по тяглам.

В инструкции Ивана Ивановича Шувалова управителю села Мыт Владимирской губернии проводится идея уравнивания на своего рода макроуровне (1795–1797 гг.): «Землю уравнивать так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве земли и выплачивала бездоимочно за оную подать». Наконец, отметим, что и в инструкции, написанной от имени Екатерины II титулярному советнику Андрею Шестакову по управлению селом Бобрики с деревнями, что в Каширском уезде, сказано: «А крестьянские покосы отдать в раздел по тяглам... по равному числу, чтоб один перед другим обижен не был», да и тяглом здесь верстали «против одиноких ровно, по числу людей».

Стремлению помещика разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тягლოსпособности активно содействовала и крестьянская община своей системой мирского расклада тягла («переверстку тягол чинить с мирского приговора между собою, самим»). При этом действовала система круговой поруки или ответственности общины за неплательщиков. В Учреждении А. Румянцева механизм этой помощи выглядел следующим образом: «За нерачительными о себе (то есть «неумехами». – Л. М.) крестьяны первостатейным, соцким, пятидесяцким и десяцким накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посева не покидали, или исполу сторонним не сеяли и в прочем дом свой не разоряли, в котором случае за всякой неплатеж государственных и моих доходов взыскивать с тех первостатейных, соцких, пятидесяцких и десяцких. И для того за два месяца до сева ярового хлеба таковым осматривать и в случае настоящих невозможностей, в чем они не сами притчиною, именныя списки с прописанием, кому что по тяглу высевать потребно, представлять первостатейным и соцким к вотчинным делам... где ж, по усмотрению моему, из моего хлеба выдать прикажу».

По инструкции конца XVIII в. гр. В.Г. Орлова («Уложение» для с. Поречье Ростовского у.) вызволение бедных из нищеты возложено прямо на прожиточных: «Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств их снимать приличное число «душ», а земли от них за снятые «души» отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безо всякой платы, могли поправиться». «Кто владел землею на 3 «души» и положено будет снять с него «душу», или две, или все три, в таком случае владеть ему землею на одну или на две или на все три без всякой платы за нее. И сии снятые «души» накладывать на прожиточных... Сие облегчение сделать бедным не в одном моем оброке, но и во всех податях государственных, и во всех необходимых и чрезвычайных мирских расходах».

Конечная цель таких мер емко сформулирована в инструкции управляющим дворцовыми волостями (1731 г.): «дабы были крестьянские тягла людством и работою удовольствованы».

Важнейшим моментом в системе мер по выживанию были помещичьи ссуды натурою: зерном, скотом или птицею. Это не было со стороны помещика актом некоей благотворительности, так как через год или два ссуда возвращалась, а иногда и с прибылью. Однако данная вовремя ссуда позволяла выжить попавшим в беду крестьянам. Так, в инструкции Артемия

Волынского предписывается: «По вся годы (то есть в удобных, необходимых случаях. – Л. М.) свидетельствовать бедных мужиков, от чего он обеднял, а ежели не от лености, не от пьянства припала ему скудость, – таких ссужать хлебом всяким», «и когда потом поспеет хлеб, оной, данной ему, от него взять, а прибыль ему отдать». «И так во всех деревнях ссужать крестьян...» «Тако же хотя которые от своего непотребства и от лености обнищали, и тех ссужать. Однако ж – с наказанием, дабы впредь даром хлеба есть не повадно было».

В.Н. Татищев считал практику ссуд крестьянам обычным делом: «Крестьяном на племя давать корову, овцу, свинью, гусей пару, уток пару, индеек пару и чрез год с каждого тягла собирать масла 20 ф., барана кладеного, борова... птиц... или деньгами».

Наконец, в помощи бедным и оскудевшим крестьянам иногда помещик выступал вместе с крестьянской общиной. Например, в инструкции П.Б. Шереметева (и кн. А.М. Черкасского, 1719 г.) предусматривается помощь «оскудалым» крестьянам в следующей форме: «Которые крестьяне похищением воровских людей... или волею Божию лошадыми и скотом опадут или каким-либо другим случаем придут в скудость... то велеть тою деревнею... всеми крестьянами вспахать и собрать... на семена и посеять ту, скудных, землю, дабы они, скудны, от того в пушью нищету не пришли... А где [деревня] менее 15 дворов... осеменить нечем... то дополнить тот сев ис пустовытного хлеба после беглых крестьян».

Весьма существенным направлением борьбы с бедностью являлся запрет вотчинником разделов крестьянских дворов. Как известно, одним из самых больших увлечений в советской историографии был поиск социального расслоения крестьянства. Причем не в XIX в., когда такое расслоение стало реальностью, а в гораздо более ранний период. Между тем, как мы видели, спецификой крестьянского общинного быта было неприменное распределение земли по «душам» и тяглам. При этом многолюдная семья (неразделенные братские и отцовские семьи) с большим числом работников (то есть крестьян-тяглецов) имела больше земли и в конечном счете имела шансы стать богатой. Да и бедная семья с большим числом детей (особенно мальчиков) с течением времени обретала солидное количество рабочих рук и также могла быть зажиточной. Однако, в конце концов, в силу тех или иных причин такие многолюдные крестьянские дворы с неразделенными семьями делились, превращаясь в несколько малых семей, одотяглых («одинаких») хозяйств.

Материал этой книги, надо полагать, с очевидностью показывает, что в условиях России и особенно Нечерноземья в XVIII–XIX вв. одотягловое хозяйство обречено было либо на прозябание, либо на разорение. Недаром большинство крестьянских дворов – это двух-, трех-тягловые хозяйства, где сосредоточено необходимое число рабочего и продуктивного скота и рабочих рук. При благоприятных обстоятельствах из таких дворов формировались зажиточные хозяйства.

* * *

Разумеется, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роль крепостного хозяйства и помещиков в создании и регулировании механизма выживания. Существеннейшую часть таких функций несли сами крестьяне-общинники. Община регулярно помогала своим членам, попавшим в прорыв в силу различных обстоятельств. Древнейшую традицию имел в России обычай помочей с его принципом «все у всех», с поочередной отработкой на других помочах. Единственная награда за труд на помочах – завершающее угощение. Коллективная помощь в этой традиционной форме распространялась на все виды сельскохозяйственных работ (пахота, возка навоза, жатва, уборка льна, молотьба, сенокос, возка леса, дров, сборка и перевозка изб, постройка дома и т. п.).

Вместе с тем крепостное право играло важную роль в своего рода коррекции ментальных последствий влияния природно-климатического фактора на земледелие исторического ядра территории Российского государства.

Весьма сложные природно-климатические условия территории исторического ядра России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, связанных с высоким нервно-психологическим напряжением, имели своим следствием не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского характера и психологии, но и особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян («на авось мужик и пашню пашет», «уродится не уродится, а паши» и т. д.), которые становились от этого отнюдь не проворными и трудолюбивыми.

В литературе XIX века не принято было активно обсуждать такие поведенческие особенности великорусского крестьянина, как небрежность в работе, отсутствие тщательности в ней и т. п. Между тем эта ментальность была заметным явлением, и прежде всего в среде барщинного крестьянства, то есть той категории населения страны, которая в условиях жесточайшей нехватки рабочего времени вынуждена была в первую очередь и в лучшие сроки работать на поле барина и в его усадьбе.

Приведем в пример одну из ярчайших, хотя и тенденциозных характеристик этой группы российских пахарей, написанную в середине XVIII столетия: «Должности (то есть должного уважения. – Л. М.) к государю (помещику. – Л. М.) и общей пользе не только не внимают, но и подумать не хотят. Лениость, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено... Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостью, ложным воздыханием, в работе – лениостию. Приготовленное общими трудами – крадут, отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить – не хотят. В приплоде своего скота и птиц от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи – лгут. Определенные в начальство, в расходах – денег, а [в расходах] хлеба – меры не знают. Остатков к предбудущему времени весьма не любят и, будто как нарошно, стараются в разорение приводить. И над теми, кто к чему приставлен, чтоб верне и в свое время исправлялось – не смотрят. В плутовстве за дружбу и почести – молчат и покрывают. А на простосердечных и добрых людей нападают, теснят и гонят. Милости, показанной к ним в награждении хлебом, деньгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят и вместо благодарности и заслуг в грубость и хитрость входят».

В свое время эти многообразные явления весьма емко были охарактеризованы как «социальные проявления антагонизма производственных отношений». Но здесь помимо проявления антагонизма ярко представлены и эмоции, и восприятия, и оценки крестьян и дворовых людей.

Главное же состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением и безразличное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи. В условиях безнадежной нерентабельности продукции Нечерноземья данное поведение весьма логично. В этом гигантском регионе крестьянский труд всегда был и сверхнапряженным, и непривлекательным, так как, по словам кн. М.М. Щербатова, «худым урожаем пуще огорчается и труд [свой]... в ненависть приемлет».

М.М. Щербатов, вполне понимая, что большая часть тогдашней России лежит в зоне неблагоприятного климата, считал, что внезапная отмена крепостного права (речь шла об обсуждении в 60-х годах XVIII в. вопроса о крепостном состоянии крестьян) приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят неплодородные земли и уйдут в земли плодородные. «Центр империи, место пребывания государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохраняют в себе лишь ремесленников...»

Следовательно, крепостничество теснейшим образом связано с характером земледельческой деятельности российского крестьянства, оно органично свойственно данному типу соци-

ума, ибо для получения обществом даже минимума совокупного прибавочного продукта необходимы были жесткие рычаги государственного механизма, направленные на его изъятие. А для этого стал объективно необходимым и определенный тип государственности, который и стал постепенно формироваться на территории исторического ядра России.

Долгое время в нашей историографии, и прежде всего в трудах Б.Д. Грекова, проблема становления крепостного права решалась как один из вариантов «второго издания» крепостничества в странах к востоку от Эльбы. Разница была лишь в том, что страны к востоку от Эльбы действительно были втянуты в складывающийся европейский аграрный рынок, развитие которого стимулировалось развитием промышленного капитализма на Западе Европы. Что же касается Русского государства, то при отсутствии в XVI в. экспорта зерна историки выдвинули идею формирования внутреннего хлебного рынка, что вызвало к жизни такую форму феодального товарного хозяйства, как поместье. Рыночная функция поместья, в свою очередь, вызвала резкое усиление эксплуатации крестьянства в виде полевой барщины, что в конечном итоге привело к торжеству крепостного права. Отсюда происходил взгляд на крепостничество, как на «нисходящую фазу» феодализма в России, что привело к лихорадочным поискам «все-российского рынка», начиная с XVII в., поискам капитализма и т. д. В этой связи представляется весьма необходимым уделить внимание специфике происхождения крепостничества в России.

О происхождении крепостничества

Поскольку крепостничество в России существовало в течение многих столетий, составляя одну из коренных особенностей русского феодализма, то причины возникновения крепостничества скорее всего следует искать не в пределах тех или иных конкретно-исторических ситуаций, а в факторах наиболее фундаментального характера, связанных с особенностями в становлении и развитии феодальных отношений, в частности феодальной земельной собственности и хозяйства.

К числу таких факторов мы в первую очередь должны отнести многовековое существование в России общины. Основной причиной жизнедеятельности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства, что обусловило ее большую внутреннюю прочность и влияние. Главной предпосылкой к этому была, как уже говорилось, специфика природно-климатических условий.

Сравнительно большая производственная роль древнерусской общины, в отличие от германского варианта марки, давала лишь простор развитию имущественной дифференциации, основывающейся, главным образом, на накоплении движимого имущества. Пауперизация, вероятно, была обусловлена, в основном, лишь сравнительно низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве. Размах пауперизации сдерживался силами той же общины, и пошедший по миру крестьянин редко оставался без земли. В Древней Руси вследствие этих причин аллодиальное владение, на наш взгляд, как исторически значимое явление не состоялось.

Процессы классового образования в древнерусском раннефеодальном обществе характеризовались по преимуществу не разложением общины, а генезисом господствующего класса в недрах государственного аппарата (например, в лице дружинного компонента), поскольку государственность в Древней Руси, по всей вероятности, развивалась как внутренняя потребность жизнедеятельности «нации», т. е. совокупности восточнославянских племен в период завершения разложения первобытнообщинного строя.

Эволюция господствующего класса древнерусского общества – это трансформация «слуг народа» в кооперацию господ над народом, процесс необычайно медленный, занимавший огромный многовековой период. Лишь в завершающей фазе этот процесс был осложнен и форсирован волнами завоеваний и покорении соседних союзов племен и государственных образований, шедшими из исторического ядра Киевского государства.

В силу этого и феодальная эксплуатация в Древней Руси зародилась как эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством. Важнейшим следствием стал феномен очень сильной государственной власти, а отсюда – и весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории. Для подавления активизации и сопротивления общинного крестьянства, для извлечения необходимого объема совокупного прибавочного продукта нужна была весьма сильная, реальная власть господствующего класса в целом. Иначе говоря, на первый план исторически выдвигались задачи укрепления и консолидации феодального класса.

В Западной Европе могучим рычагом консолидации класса феодалов была система сложной феодальной иерархии. В условиях Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодальной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса. Однако исторически эквивалентом этому был путь консолидации господствующего класса посредством усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала. По сути это разновидность феодальной иерархии.

Как известно, такая цель была достигнута созданием московской великокняжеской властью статуса служилой вотчины, а главное, учреждением широкой системы поместных держаний. Немалую роль сыграли при этом внешнеполитические и оборонные задачи складывающегося единого Русского государства.

Итак, развитие поместной системы и установление статуса служилой вотчины имели своей целью создание монолитного, могущественного господствующего класса, способного в процессе повседневной эксплуатации крестьянства обескровить или нейтрализовать защитные механизмы общины.

Предложенная схема происхождения крепостничества в России отнюдь не исключает роли тех факторов, которые наиболее тщательно изучены в нашей историографии. Однако широкое развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации, стремительный рост налогов, хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки служили конкретно-историческими условиями, лишь форсировавшими процесс закрепощения. Основной же глубинной причиной была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю в условиях общинного строя непосредственных производителей. Так создалось своеобразное единство противоположностей: неизбежность существования общины уравновешивалась противовесом в форме наиболее грубого и жесткого варианта личной зависимости каждого отдельного члена этого организма.

В то же время исходным моментом, породившим это единство противоположностей, был комплекс специфических природно-географических условий, серьезно осложнявший пути извлечения совокупного прибавочного продукта.

Особенности генезиса капитализма в России

Сразу же оговоримся, что в настоящей работе затронута лишь тема влияния природно-климатического фактора на зарождение в России промышленного производства, ибо проблема генезиса капитализма – особая проблема, имеющая большую историографию.

В советской исторической литературе проблема генезиса капитализма в России всегда находилась в центре внимания исследователей. Причем в очень многих работах предлагались концепции раннего и сверхраннего развития капиталистических отношений. Особенно много некорректного было в изучении XVII столетия, пожалуй, наиболее многострадального времени в истории Русского государства со времени татаро-монгольского ига. Как известно, в Западной Европе генезис капитализма связан с периодом расцвета цеховой промышленности и городов. Иное положение было в земледельческой стране, как Россия, где примерно с 60-х гг. XVI в. шли (с незначительной паузой) волны многочисленных социальных потрясений и, что для нас сейчас особенно важно, хозяйственных разорении. В стране в конечном счете стал реально-стью глубокий упадок земледелия, резко сократилась численность населения (особенно крестьянства), о чем свидетельствуют массовые данные писцовых книг.

Начало XVII столетия ознаменовалось новой волной ужасающего разорения, которым сопровождалась Смута. Описания писцов 20–30 годов XVII в. засвидетельствовали даже для этого времени огромное количество запустевших, едва заселенных территорий с распахан-ными клочками земли посреди перелогов, залежей и пашни, поросшей лесом. В ряде районов к 20–40 гг. XVII в. населенность была ниже уровня XVI века. Сплошной подсчет данных по пяти уездам Русского государства (Тверскому, Чернскому, Тульскому, Лихвинскому и Кур-мышскому) показал, что на 100 десятин бывшей и действующей пашни в 358 поместьях-вотчинных владениях среднего для 20–40 гг. XVII в. размера (100–300 дес. «четвертной земли») приходилось максимум 7–8 душ муж. пола. Это в 4–5 раз превышало необходимый для более или менее нормального воспроизводства крестьянского хозяйства душевой размер площади пашенных угодий. По 12 центральным уездам на 20 тыс. крестьянских и бобыльских дворов приходилось 600 тыс. четвертной земли, куда входили пашня действующая, запущенная и сенокос. Такова была глубина спада и земледелия, и плотности населения. Ориентировочные подсчеты показывают, что даже к концу первой четверти XVIII в. населенность имений увеличилась лишь вдвое.

После изгнания интервентов и замирения казацких приставств государство столкнулось лицом к лицу с пустой казной и разоренной страной. Ликвидация последствий Смуты и восстановление хозяйства были главной задачей общества вплоть до второй половины XVII в. И тем не менее в нашей историографии уже по отношению к 40-м годам давались весьма оптимистические оценки уровня развития общества, ставились вопросы о развитии капиталистических отношений, о начале мануфактурной стадии в развитии промышленности, о начале формирования всероссийского рынка и т. д.

На самом же деле глубокий спад земледелия и резкое уменьшение земледельческого населения страны не могли не сказаться на уровне и темпах развития городов. Процесс общественного разделения труда едва себя проявлял, так как его активизация напрямую зависела от восстановления земледелия, роста плотности населения, создания условий для увеличения прибавочного продукта в земледелии и скотоводстве, для появления избытка сельского населения и переключения его в другие сферы жизнедеятельности. Лишь интенсивность таких процессов могла привести и к зарождению крупного производства с разделением труда внутри него. К сожалению, в первой половине XVII в. никаких естественно-исторических предпосылок ни для мануфактуры, ни для резкого роста ремесла в стране не было.

Русское правительство, понимая, что в любой момент страна может вновь стать жертвой сильных агрессоров в лице Швеции и Польши, лихорадочно предпринимало любые меры для восстановления армии, снабжения ее оружием и т. п. Отсюда жесткая финансовая политика и нажим фиска на города. В первой половине XVII в. они несли тяжчайшее бремя регулярных налогов и повинностей, к которым систематически добавлялись чрезвычайные поборы. Это вызвало в середине века волну городских восстаний, направленных главным образом на борьбу за восстановление равномерности тяглового обложения черной посадской общины и так называемых беломестцев. Таким образом, лишь к середине XVII в. истощенная страна стала постепенно восстанавливать феодальную экономику. Однако впереди был еще нелегкий путь к подъему этой экономики. Правда, уже в 20-е годы XVII в. единичные районы, в определенной мере избежавшие опустошительных разорений в «смутное время», стабилизировали и развивали хозяйство. К ним частично можно отнести районы торгового пути от Ярославля на Вологду и далее водой до Архангельска. Но главным образом это было Нижегородское и Казанское Поволжье. Здесь активизировался процесс отделения промышленности от земледелия, на базе домашних промыслов развивалось мелкотоварное производство, формировались неземледельческие торгово-промышленные населения. Однако это развитие еще не могло компенсировать общего упадка экономики. Больше того, формирование торгово-промышленных поселений этого края в значительной мере было стимулировано перемещением в них посадского населения городов, бежавшего от непосильного гнета фиска.

Во второй половине XVII в. восстановление экономики не привело еще к сколько-нибудь существенным сдвигам в натурально-патриархальном укладе сельскохозяйственной экономики.

Как известно, капитал появляется главным образом в формах крупного производства только при особо благоприятных обстоятельствах, какие, например, сложились в конце XV – начале XVI века в некоторых странах Западной Европы. Там же, где таких условий не было, его появление связано прежде всего с необычайно медленным разложением ремесла и развитием мелкотоварного производства. Этот процесс порождает почти исключительно так называемые неадекватные формы капитала, т. е. такие формы, в которых он выступает не в противоположность труду: в мелком капитале и в промежуточных формах между прежними способами и классическим способом производства самого капитала. Формы мелкого капитала крайне неустойчивы и слабы прежде всего в силу дороговизны наемного труда, что лишает мелкого хозяйчика возможности капиталистического накопления, т. е. получения всего объема прибавочной стоимости при минимуме заработной платы наемного рабочего.

Именно такой характер развития, видимо, был свойственен России со второй половины XVII в. И здесь можно увидеть некоторое сходство процесса зарождения неадекватных форм капитала в России с аналогичным процессом в Англии второй половины XIV–XV вв., т. е. того времени, когда Англии еще не были присущи черты форсированного процесса первоначального накопления, обусловленного, главным образом, резким расширением рынка, интенсивным развитием экспорта, массовым развитием мануфактуры и т. п. В указанные нами периоды в той и другой стране зарождение капитализма носило спорадический, а следовательно, по выражению К. Маркса, «более или менее подчиненный» характер. Такая квалификация обусловлена тем, что неадекватные формы капитала не обладали качественной определенностью. Иными словами, он еще не породил адекватные ему законы капиталистического производства. Поэтому названные формы отношений в силу отсутствия их качественной определенности являются неразвитыми или «среднеразвитыми» формами. Спорадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним. Разложение «старых экономически» отношений земельной собственности происходит лишь на микроуровне. Именно вследствие названных свойств неадекватных форм капитала хозяин

и рабочий были социально близки друг к другу. Больше того, часть прибавочной стоимости попадала в руки рабочего и составляла традиционный фонд его потребления.

Начало же капиталистической эры практически связано лишь с появлением крупного производства в форме централизованной мануфактуры, ибо именно эта форма в конечном счете вызвала к жизни основные законы капиталистического способа производства, которые сначала были исторически ограничены и лишь с переворотом в механизме ценообразования получили полный простор действий.

* * *

В России второй половины XVII – начала XVIII в. неадекватные формы капитала, создающие социальную близость хозяйчика и рабочего, т. е. отсутствие противоположности труда и капитала, были обусловлены тремя важнейшими моментами. Во-первых, отсутствием сколь угодно существенных проявлений процесса экспроприации непосредственных производителей, следствием чего явился острый дефицит свободной рабочей силы. Во-вторых, господством краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве. В-третьих, высоким уровнем оплаты труда свободного рабочего, оплаты, покрывающей или почти покрывающей всю стоимость его труда.

В данном случае мы выделяем лишь факт весьма высокого уровня оплаты труда ремесленника, причем прежде всего в форме сдельной и поденной оплаты. Это принципиально важно, так как фиксирует неблагоприятные условия присвоения мелким хозяйчиком прибавочного рабочего времени квалифицированного и малоквалифицированного непосредственного производителя. Эти невыгодные хозяйчику условия продиктованы двумя обстоятельствами:

дефицитом рабочей силы, обуславливающим высоту заработка, и краткосрочностью работ. Традиционный поденный найм всегда был обусловлен ограниченным реальным объемом работы, т. е. заказом, полученным ремесленником. Поэтому в кузнечном промысле, как, очевидно, и в других отраслях экономики, господствовала сдельная формы оплаты. В «сказках» 1702 г. по Устюжне Е.И. Заозерская встретила поденный найм всего лишь в трех случаях, остальные же были сдельными, т. е. определены реальным объемом заказа. Эпизодический характер найма иллюстрируется и формулой «сказок»: «в иное время (т. е. иногда. – Л. М.) в помощь нанимают». При крупных срочных заказах, естественно, количество наймитов могло возрасти (в сковородном промысле могло быть, например, до 6 молотовых работников на одного «середового» и кузнеца). Но, подчеркиваем, реальные заработки свидетельствуют о непостоянстве таких тенденций. В Тихвине XVII в. бытовала практика, когда к кузнецам «приходя нанимаются на малое время временем ис пашенных людей, поряживающца молотом по какому кузлу побить дни на 2, и на 3, и на неделю или на две, волею, бес порядных записей».

Итак, отсутствие непрерывного производства в мелкотоварном производстве в сочетании с высоким уровнем оплаты свободного наемного труда создавало условия, неблагоприятные для самого важного процесса – накопления мелкого капитала. Это отнюдь не мешало широкому развитию ремесел и промыслов. Однако низкая прибыль в мелкотоварном производстве, в свою очередь, вела не к вложению торгового капитала в производство, а лишь к закабалению разного рода мелких ремесленников и промышленников торгово-ростовщическим капиталом.

Подобная ситуация лишала страну возможности удовлетворения ее государственных потребностей. Необходим был резкий скачок в техническом уровне производства. Он был, как известно, достигнут в XVII в. путем правительственных усилий по созданию концессионных предприятий с привлечением иностранных капиталов.

Таким образом, закономерность появления крупного железоделательного производства несомненна, поскольку оно было порождено хозяйственно-политическими потребностями страны.

Крупное производство под опекой государства

Исходя из вышеизложенного, можно определить мануфактуры XVII в. как явление спорадического характера, понимая под спорадичностью не столько их численность, сколько изолированность их появления от общего уровня экономики страны. Они еще не были органическим порождением процесса общественного разделения труда внутри данного общества. Например, бумажные или стекольные предприятия работали на узкий рынок и способны были существовать только как крупные заведения. Что касается металлургических заводов, то ведь «кузнечная мельница» или «самоков» на казенном Пушечном дворе, созданный в 1624 г. иноземными мастерами, а также железодельный доменно-молотовый комплекс Андрея Виниуса были построены еще в разоренной стране. Завод А. Виниуса, как и другие крупные железодельные, т. е. доменно-молотовые комплексы XVII в., основаны были на капиталы иноземцев-концессионеров (Петра Марселеса, Андрея Бутенанта и Филимона Акемы) при мощной финансовой и государственной поддержке правительства и были явлениями особого рода.

Рассмотрение технологических особенностей работы металлургических заводов в середине XVII в. позволяет сделать несколько важных выводов. Разумеется, это крупное производство мануфактурного типа, поскольку там было внутрипроизводственное разделение труда. Однако весь механизм этот действовал с многочисленными сбоями и остановками. Перенесенный к нам из краев с ровным климатом, практически постоянным водным режимом (ведь в Западной Европе не бывает весенних половодий, не бывает зимнего падения уровня вод, не бывает и летнего падения этого уровня), этот механизм работал едва ли вполсилы. В итоге обычный годовой цикл состоял из 120–130 рабочих дней. При громоздком, дорогостоящем и сложном оборудовании, требующем огромных средств на ремонт и постоянное обновление, такая производительность изначально была убыточной. Непрерывные поломки, ремонт, ввод в действие новых блоков постоянно нарушали ритмичную работу основных высококвалифицированных специалистов.

Главное же состоит в том, что технологическая линия производства так и не была налажена. На завершающих стадиях изготовления изделий был постоянный дефицит специалистов. Единого слаженного комплекса, работающего на вольном найме, не получилось.

Важнейшим моментом, определяющим природу подобного производственного организма, была оплата труда. Уровень оплаты в области зарождающегося крупного производства был намного выше оплаты обычного ремесленника или простого поденщика. Так, в 1647 г. самые элементарные операции «черной работы» оплачивались не ниже 5 коп. в день («в анбаре глину толкли работников 4 чел., а имели найму по 2 алтына в день», «пожеги готовили и дрова на пожег носили и руду с возов на пожег сыпали и по пожегу уравнивали и от огня оберегали», «найму им по 10 денег человеку», «да на лесу работали с угольными мастерами у угольного зженья, русские ж люди, 22 человека, а найму де на сутки давано им по 2 алтына», «руду железную били и в горы носили и всякую работу работали, а имели де найму на сутки по 2 алтына»). При постоянной занятости в течение 50 недель, это могло бы составить для каждого годовой заработок в 15 руб. В России такой заработок имел квалифицированный ремесленник, да и то удачливый.

Работники с минимальным профессиональным навыком имели оплату еще выше. Так, «в вертельных пушки сверлили работные люди... имывали по уговору» от пушки по 25 коп., и по 18 коп., и по 15 коп. При обработке двух пушек в день дневной заработок составлял от 10 до 16 алт. (30–50 коп.). Это очень немалые деньги. При сверлении запалов уровень оплаты колебался от 10,5 коп. до 21 коп. в день. Подсобные работники у плавильного горна, у чана для пушечного и ядерного литья получали в сутки по 8 коп. Подсобные кузнецы – в день по

10 коп. Плотник на заводах получал в год огромные для этой профессии деньги – от 30 до 45 руб. Занятость на всех подобных работах была 120–150 дней в году.

Наконец, труд специалистов высокой квалификации, выписанных из-за рубежа, оплачивался по невероятно высоким тарифам. Доменный мастер имел годовой оклад в 150 руб. (это, в частности, стоимость 15–19 срубов больших деревянных домов). Молотовые и кричные мастера получали 100–120 руб. серебром в год. Доменные подмастерья, дощатые мастера и подмастерья, меховые мастера, угольные мастера имели гарантированное годовое жалование, размеры которого колебались от 30 до 120 руб. Управители, приказчики получали, естественно, еще больше. По сведениям Кильбургера, П. Марселис главному управителю сверх годового жалования приплачивал еще 300 руб. (баснословные деньги!).

Причина столь высокой оплаты труда, видимо, не только в том, что на крупном, оснащенном вододействующими устройствами, производстве эффективность работы была много выше, чем в обычном ремесле. Сказывалась и острая заинтересованность государства в форсированном развитии такой промышленности, что позволяло завышать здесь оплату любого труда.

* * *

В первые четыре года XVIII в. началось энергичное строительство «железных заводов» на Урале. В 1700 г. начато строительство Невьянского и Каменского заводов. С 1702 г. стал действовать Уктусский завод (в 7 верстах от Екатеринбурга), чуть позднее, в 1704 г., Алапаевский «железный завод». На Уктусском заводе наряду с производством чугуна и железа была и выплавка меди. В 1704 г. в далеком Нерчинске был основан завод по добыче серебра из свинцовых руд, что имело громадное значение для развития экономики страны.

Железодельные заводы Урала были гораздо эффективнее, чем заводы Центра. Особенно ощутима разница в производительности уральских заводов, построенных государством в 1723–1725 гг. (Екатеринбургский «железный завод» на р. Исеть, Аннинский «железный завод». Толмачевский «железный завод»). Если на Олонекских заводах в домне в течение суток переплавляли около 200 пудов руды и получали около 50 пудов чугуна (а на тульских 100–120 пудов), то на Урале домна принимала за сутки около 500 пудов руды, получая при этом от 240 до 270 и более пудов чугуна. Секрет этого не только в увеличении размера доменных печей (вместо 4х4 саж. – 5х5 сажень), но и в качестве руды, которая на Урале была как минимум вдвое богаче железом олонекской. Если в 1715 г. на Петровских заводах Карелии при 4-х домнах в год получали около 35,5 тыс. пудов чугуна, то на старейшем уральском Каменском заводе в 1704 г. при 2 домнах в год выходило 56,5 тыс. пудов чугуна.

К концу первой четверти века уральские заводы строились уже как сложные комбинаты. Так, на Екатеринбургском заводе помимо двух домен и фурмовых установок для механического дутья было три молотовых «фабрики» или цеха, стальной цех, железорезальный цех, плющильный цех (пробороз прокатного стана), проволочный цех, две якорных «фабрики», лудильный цех, меховой цех, пыльная мельница и разные вспомогательные службы. Кроме того, тут же было и медеплавильное производство (четыре печи, «платной двор», «прорезная фабрика», делавшая заготовки пятикопеечных монет).

В первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным резервом неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд. К 20-м годам резервы для свободного наемного труда были исчерпаны: ведь в стране, получающей низкие валовые урожаи, почти всегда существовала постоянная острая потребность расширения сферы земледелия и увеличения числа земледельцев-крестьян. Рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. Во время строительства уральских заводов в 1723–1725 гг. генерал-лейтенант В. де-Геннин, ведший и возглавлявший это строительство, привлекал к нему

военные подразделения и наемных рабочих. В итоге «как оные солдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что одного генерал-лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили».

Ведь в Западной Европе первые мануфактуры появились в крупных эмпориях, огромные торговые обороты которых способствовали концентрации больших масс индивидов, выброшенных судьбой из привычной колеи жизни. В крупнейших портах зарождалась сложная инфраструктура, стимулирующая развитие промышленности и общественное разделение труда.

В России же само строительство огромного по тому времени числа металлургических заводов велось не в местах сосредоточения пауперизированных масс (крупные речные пристани и города), а в местах, где были залежи железной руды, причем часто глухих и весьма отдаленных. Форсированное строительство заводов на Урале и в Европейской России, вложение огромных средств, в конце концов, пришло в тупик, ибо имевшийся в стране резервный слой маргиналов, «гулящих людей» и т. п. был исчерпан примерно за два десятилетия. Поэтому вполне логичным был тот момент в развитии событий, когда под напором требований заводладельцев в 1721 г. им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а в 1736 г. все вольнонаемные заводские работные люди превращены были государством в «вечноотданные» к фабрикам и заводам (много позже, в XIX в., они получили название «посессионных»).

Итак, форсированное строительство крупного производства путем заимствования «западных технологий» таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые «варварские» формы феодальной зависимости. Эпоха преобразований породила огромный контингент людей, являющихся принадлежностью фабрики и продающихся из поколения в поколение вместе с этой фабрикой. От классического рабства это, не классическое, отличалось лишь тем, что фабрикант не мог убить «посессионного крестьянина», В сущности же можно сказать, что в конечном счете «производственные отношения» в каком-то отношении пришли в соответствие с «производительными силами», так как производительные силы – это не машина или оборудование, а социум на определенном этапе развития. Этот социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия, этот социум неизбежно «усвоил» (подмял) и новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений. К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия «реакционный», «консервативный» и т. п., так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества.

Важно отметить, что применение промышленного труда на крепостной основе, совершающееся путем резкого возрастания эксплуатации крестьян при неременном сохранении за ними земледельческого производства, открыло возможности для своеобразного варианта развития процесса общественного разделения труда. Сочетание земледельческого и промышленного труда стало не временным переходным состоянием для крестьянина, как это обычно бывало в Европе, а утвердилось более чем на вековой период и сохранилось даже после 1861 г. Такова важнейшая специфика развития социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Характеристика российской государственности

1. Итак, природно-климатический фактор имел *важнейшее* влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства. Причем это влияние прослеживается не только в том случае, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии столь резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае, когда речь идет о зарождении древнейших цивилизаций в условиях Двуречья, на многие тысячелетия обгонявшем темпы и характер развития первых цивилизаций на Севере Европы и т. д. Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идет о разных типах феодального общества, о разных темпах их развития.

2. Как было показано выше, важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза в суете повседневной жизни различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку столь серьезная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило на заре цивилизации интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовлечение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.

Результатом подобной эволюции было становление своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условий производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.

В конечном счете, именно отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Нет необходимости упоминать о фундаментальном основании этих процессов: быстром и широком развитии ремесла и торговли, раннем формировании капитализма и т. д.

Разумеется, мы, выделяя лишь основную тенденцию подобного типа развития, не должны забывать и о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном переплетении

национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, слоев и народов.

3. В пределах Восточно-европейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию и отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объемы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счете, объем совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда. Все это, казалось бы, создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

4. Вместе с тем потребности более или менее гармоничного развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода компенсационные механизмы выживания.

Крайняя слабость индивидуального парцельного хозяйства в условиях Восточно-европейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой «оптимизации», т. е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее жестокие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия.

5. Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объема совокупного прибавочного продукта в конечном счете диктовала и сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объем прибавочного продукта, создава-

емого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война все еще продолжала сохранять функции своеобразного «средства производства». Больше того, она в этом качестве периодически выступала много позже даже у казачьих общин, сотрудничающих с обществом, обладающим минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время еще не пришло. И потребности управления вызвали к жизни такое явление, как полюдье.

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность даннических видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма «странствующей» государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объема совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объему части (воск, мед, меха и т. п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте, превращающемся, по словам Константина Багрянородного, в «многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание» в Византию.

Динамичность «странствующей» государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого типа феодального государства, в котором, по крайней мере в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объему совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как и в центрально-европейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название «служебной организации», важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих существенных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение «государственного феодализма».

Важнейшим элементом такого строя был институт власти-собственности», обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции «князь» (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой стороны, это само государство, его казна и т. д.). Видимо, в Киевском государстве в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя – это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую феодальную раздробленность», при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Севере-Восточной Руси, в механизм деления «власти-собственности» включаются и элементы действительного процесса феодальной раздробленности, в конце концов погубившего Древнюю Русь.

6. Возрождение русской государственности проходило в многовековой и мучительной борьбе как с иноземным тягчайшим игом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.

И вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе «государственного феодализма» верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были «держателями» земли, обязанными перед государством: налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определенные эпохи такая «государственная земля» могла превращаться в фактическую собственность «государственных крестьян», оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX веке государь особо не различал домен и государственные земли (например, «симбирский обмен» 1835 г.).

Что же касается феодалов, то в их распоряжении всегда была лишь часть территории Русского государства, хотя и важнейшая часть. На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь села-усадеб, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств к существованию феодала поступала через государственные каналы.

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности. Будучи, как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединенные в общину, считали землю, на которой живут, платят с нее налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землей, а не землей феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграждая феодала-хозяина за кров и ту же землю. Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем тверже были права феодала на землю.

Наследники Ивана Калиты вполне понимали непрочность результатов многотрудной деятельности московских князей по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать и такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, конечно, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV – начале XVI века (разумеется, в первом приближении к ней) политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослаблялось по мере реализации этих целей. На первый план резко выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где еще не созрели условия для внутренней

относительной прочности каждой вотчины, где еще не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

7. Исторически выход был найден в форсировании развития условной формы феодального землевладения – той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землей лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI века и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.

Наиболее стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны, с одной стороны, для последней трети XV века, с другой – для эпохи правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения, хотя на первых порах обладатели этих поместий не всегда ощущали себя уже не как вотчинники. Точно так же и в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно развивалось именно как поместное землевладение. Думается, что столь скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы где-нибудь на Западе Европы просто невозможны. И не потому, что Западу была несвойственна жестокость Грозного, а потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории. Кроме того, за плечами грозного царя была и могучая система «государственного феодализма».

8. Энергичный, насильственный характер указанных реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI века с особой жестокостью, повлек за собой серьезные осложнения внутривнутриполитической и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами, которые вел Иван Грозный. В итоге страна шаг за шагом вползала в тяжелый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.

Резкое и стремительное выдвижение помещичьего класса на ведущую роль в государстве подогрело политические амбиции казачьей прослойки общества. С прекращением царствующей династии Рюриковичей в конечном счете в стране в начале XVII века началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощенная бурным выступлением социальных низов. Это была своего рода «гражданская война», известная в литературе как эпоха «Смуты».

Тяжелейшее для страны время кончилось наступлением мира в 1618 г., когда вероломные интервенты ушли с русской земли. Однако народ остался один на один с чудовищными последствиями смуты, с громадным оскудением населения, катастрофическим падением его численности, и не менее катастрофическим сокращением пашни и т. д. Лишь к 50—70-м годам XVII века основные последствия разрухи страны были преодолены. Однако печать этой трагедии русского народа оставила неизгладимый след, ибо уровень духовного развития России в XVII в. был уже иным.

И тем не менее, кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены. Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевладения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60 % всего частновладельческого фонда земель.

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружив-

шей себя в годы кризиса, буквально все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счете переход поместий на статус вотчины был растянут на период, занявший более столетия. Более мощные хозяйственные потенции вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в неблагоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного государства.

9. Характернейшей особенностью российской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции. Как уже говорилось, потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленно-промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии и их отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI–XVII вв. это строительство пограничных крепостей-городов, строительство оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, строительство крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос, в XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить все это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, огромных территорий функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций в конечном счете не может не вызвать эмоции изумления, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной настройки над компонентами базисного характера. Речь идет о том, что даже в петровскую эпоху господствующий класс в лице так называемого неподатного населения составлял не более 6–7 % от населения страны. А ведь основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебное-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культурная и идеологическая функции и т. п.). Столь незначительная численность этого слоя (а к концу XVIII в. она была такой же и лишь к реформе 1861 г. достигала едва 12 %) ярко символизирует крайнюю упрощенность самой российской системы самоорганизации российского общества. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи (когда этот слой был еще меньше) резче всего проявляли себя военная, карательная-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправ-

ления города и деревни. Управленческая роль общины усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты – то есть доведение земельного владения дворянина до нормы полноправной частной собственности (с учетом того, что эта собственность феодальная).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного землевладения и землепользования. Ведь в практической жизни феодал-земледелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система «открытых полей», когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ведь еще бывали общие выпасы, общие леса и т. п. Писцы еще в XVI–XVII веках частенько отводили сразу нескольким помещикам один и тот же лес в общее владение и пользование.

При дроблении владения между наследниками порядки землепользования часто почти не менялись. Хозяйства, крепко связанные общиной, были намертво соединены и между собой. Разумеется, иногда владельцы разрушали и общины. Но в целом в течение времени число совладельцев, связанных одной крестьянской общиной, все-таки росло. Генеральное межевание их не ликвидировало, оставляя неприкосновенными общинные устои землепользования. Затеянное в 30—40-е гг. XIX в. так называемое Специальное межевание лишь медленно справлялось с задачей размежевания «общих дач». Проблема продажи и передачи имений, юридически оформленных в «общую дачу», была делом далеко не простым. Недаром статус дворянина в XVIII–XIX в. измерялся не числом десятин его земельного владения, а числом крепостных душ. Истоки этих особенностей феодально-корпоративной собственности идут к общине и к статусу российского социума как социума с низким объемом совокупного прибавочного продукта.

Вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вызреванию сколько-нибудь твердых традиций частной собственности на землю.

Это, видимо, составляло на протяжении большого периода важнейшую особенность российской государственности. Не исключено, что эта особенность надстройки общества во многом предопределила и специфику положения иных народов России, которое было нередко более благоприятным, чем положение русских.

10. Констатация примитивности структур самоорганизации русского общества позволяет подчеркнуть парадоксальность успеха ряда выдающихся эпох в его истории. Прежде всего это эпоха Петра Великого. Великий преобразователь сделал гигантский вклад в создание могучей России. В тщетных назиданиях непутевому сыну своему он подчеркивал, в частности, трагичность распада Византийской империи: «не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием (своим. – *Л. М.*) побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал».

Главное свое достижение он гордо назвал Империей. Однако это был, скорее, некий «симбиоз» империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено – Великороссия и ее крестьянство – не имело практически никаких привилегий.

В подобного рода государстве, чисто формально выглядевшем как империя, а по существу представлявшем своего рода сожительство целого ряда обществ (и этносов) с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, основным источником изъятия этого прибавочного продукта был носитель этой государственности – русский народ. Наибольшая тяжесть эксплуатации падала на великоросов, и это было следствием суровой объективной

реальности, то есть локализации этноса в зонах, крайне неблагоприятных для земледельческого производства. Поэтому именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на Юг, Юго-Восток и Восток, на необжитые территории в поисках лучшей доли, вступали в контакты с другими народами.

Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения русских как «имперской нации» в российском социуме как обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, в условиях сохранения многонационального государства была исторически нереальна.

Великий вклад великого преобразователя – Петра I – создание в государстве промышленного производства, способствовавшего гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. Однако заимствование «западных технологий» таким архаическим социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости, появились люди, являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся вместе с ней. К сожалению, уроки истории редко учитываются политиками. На заре нашей государственности Владимир Святославич, принимая христианство, ввел в действие на Руси и византийский уголовный кодекс (своего рода «западная технология»), но дело кончилось крахом, и кодекс был отменен.

В то же время нельзя не признать, что чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться прежде всего крупное промышленное производство и набирать силу процесс его очень ранней монополизации. Думается: что природно-географический фактор и в первую очередь необъятное пространство России сыграли в этом далеко не последнюю роль.

Западные пристрастия великого царя не в последнюю очередь были вызваны последствиями Смуты, так как, скажем, первая половина XVI в. известна выдающимися достижениями русской православной культуры, а XVII век был совсем иным.

Более гибка была парадоксальная политика Екатерины Великой, положившая конец традиционной политике «насилованного» пословного «разделения труда». Четко осознавая бедственное положение крестьян на территории исторического ядра России, она развернула широкую кампанию законодательного поощрения крестьянской торговли и промышленности. Но поскольку продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно необходимой, то удержать крестьянские массы на земле можно было только общим усилением режима крепостного права.

Тем не менее в периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъема промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны. Наряду с народом-тружеником, с крестьянством, немалую роль сыграло здесь и сплоченное царем российское дворянство.

Таким образом, развитие государственных структур, государственного хозяйства и «государственной машины» было обусловлено двумя ведущими факторами. Один из них свя-

зан с проблемами оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, другой – с чисто внешней, оборонительно-наступательной функцией государства.

11. Оборонительно-наступательная функция в истории Российского государства обуславливалась по крайней мере тремя основными факторами. Первый из них уходит корнями в далекое прошлое, в эпоху монголо-татарского нашествия, когда единое Русское государство, раздробленное на удельные княжения, пало не только под натиском сильнейшей армии монголо-татарской Орды, но и под военным напором католической Польши и молодого языческого Литовского государства. Судьба русских людей, оказавшихся под верховной властью самых различных суверенов, сложилась по-разному. История распорядилась так, что раньше других обрела свободу Северо-Восточная Русь. И с тех пор стратегическая задача воссоединения древнерусских земель была для нее одной из важнейших. Наиболее четко ее сформулировал один из малороссийских гетманов – Иван Самойлович в одном из посланий в Москву в 1685 г.: «А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волынь, Подгорье, Подлясье и вся Красная Русь всегда к монархии Русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время». Изолированные от суверенной части русских на многие века русские народы, жившие на этих территориях, столетиями сохраняли свою первичную этничность и лишь постепенно обретали черты обособленности, что особенно четко ощущалось в XVIII в. Однако такая важнейшая черта духовного облика, как христианское православие, по-прежнему служила мощнейшим стимулом к воссоединению великорусов, малороссов и белорусов.

Второй важнейший фактор развития оборонительно-наступательной функции государства связан с природно-климатическими условиями развития населения страны. Как уже говорилось, обилие малоплодородных почв, необычайно короткий сезон сельскохозяйственных работ имели своим следствием постоянный «недобор» урожая, что в конечном счете и обусловило низкий объем совокупного прибавочного продукта в стране. Однако общество в целом еще в далеком прошлом приспособилось к суровым условиям хозяйствования сохранением и развитием распорядков сельской жизни. Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России). В свою очередь, крайне экстенсивный характер сельскохозяйственного производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселенности Европы открывали для русских лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента, путь опасный, трудный, но единственно возможный.

Колонизация Юга и Юго-Востока имела благотворное влияние на развитие Центра России. За более чем столетний период (1744–1857 гг.) население Промышленного Центра и Черноземного Центра увеличилось в 1,6 раза, а население Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Пермского края. Южного Урала и Оренбурга – в 4 раза. Даже при неизменном размере душевого высева зерна масса товарного хлеба, идущего с Юга и Юго-Востока в Центр, постоянно возрастала. В то же время земледельческая роль Нечерноземья менялась. Исследование автором этих строк механизма функционирования единого аграрного рынка Европейской России в 90-х годах XIX в. показало, что колебания урожайности в каждой из нечерноземной губерний практически не влияли на динамику местных цен этих же губерний, не говоря уже о том, что эти колебания никак не воздействовали на динамику цен в черноземных, южных и

юго-восточных губерниях страны. Это означало, что ростом кадров рабочих людей промышленное развитие Центра России в немаловажной степени было обязано расширению ее территории, расселению русских людей на новых землях и включению в единую экономику других народов Российского государства. Однако то и другое доставалось далеко не просто, так как на протяжении XIX – начала XX в. валовой душевой сбор постоянно балансировал на грани допустимого минимума, иногда опускаясь и ниже его.

Колонизация иногда протекала в условиях жестокого противостояния Русского государства, а впоследствии и России, целому ряду и государственных образований, и социумов, находящихся на доклассовой стадии развития. Тем не менее в итоге это привело к длительному существованию и выживанию многих народов в рамках единой российской государственности, ибо практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Терпеливое и многовековое освоение таежных ресурсов почти незаселенной Сибири также имело важнейшее хозяйственное значение, ибо соболь, белка, песец и т. п. – это современная нефть, цветные металлы, идущие на экспорт и дающие валютные ресурсы государству. Реформы Петра Великого в немалой мере зависели от серебра, добываемого в дальневосточном Нерчинске.

12. Наконец, третий фактор, стимулирующий оборонительно-наступательную функцию Российского государства, связан с необходимостью выхода России к незамерзающим портам. Запасы мягкой рухляди к концу XVII в. были в значительной мере исчерпаны. Сверхпротяженные сухопутные пути могли поддерживать лишь вялый режим торговли. Столь объемные товары экспорта как поташ, смола, древесина были весьма нетранспортабельны при гужевых средствах доставки. Такая земледельческая держава, как Россия, рано или поздно должна была развернуть крупномасштабную внешнюю торговлю продуктами земледелия, т. е. крупногабаритным товаром, требующим оптовой торговли. А транспортировать такие товары можно было только водными путями. До Петра Великого был лишь один крупный порт, да и то близ Полярного круга. В ходе Великой войны со Швецией Россия получила доступ к Балтийскому морю. Уже к концу царствования Петра I Петербург стал самым крупным торговым портом, а торговля через Архангельск была сокращена в 12 раз. Вторым по значению стал торговый Рижский порт, открывший ворота для потока товаров черноземных районов России, тяготеющих к Верхней Оке. К концу XVIII в. крупнейший перевалочный центр на пути сельскохозяйственной продукции этих регионов к Западной Двине – Калуга – превратился в крупнейший город России. Освоение южных степных районов, присоединение Крыма к России открыло возможность строительства черноморского торгового флота. С начала XIX в. через Одессу и Таганрог резко увеличивается вывоз за рубеж российского зерна. Однако, чтобы окончательно открыть для себя черноморские проливы, для России оказалось необходимым продвинуть свои южные рубежи как можно ближе к рубежам Оттоманской Порты. Борьба за развитие экономики России была борьбой за Черное море, и не только с Турцией, но и с ведущими державами Европы.

Та же логика лежит в конечном счете и в основе дальнейшего роста территории Российской империи. Успешное выполнение оборонительно-наступательной функции российской государственной машины во многом было обусловлено своеобразием общества, создавшего одну из лучших армий мира. В основе ее был солдат-рекрут, воин-профессионал. Но этот же воин, будучи рекрутирован из общинного мира, как наиболее «пассионарный» и беспокойный элемент, постоянно грозивший нарушением баланса сил в общине, в то же время обладал повышенным чувством долга, был и отчаянно смел и милосерден.

13. Больше того, в основе многовекового формирования Российского государства был важнейший фактор – русский народ и прежде всего великорусское крестьянство, особый менталитет которого формировался под мощным воздействием природно-климатического фактора.

Как уже говорилось, российские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками природы, ибо она в первую очередь создала для крестьянина трагическую ситуацию, когда он не мог ни существенно расширить посев, ни выбрать альтернативу и интенсифицировать обработку земли, вложив в нее и труд, и капитал. Даже при условии тяжелого, надрывного труда в весенне-летний период он чаще всего не мог создать почти никаких гарантий хорошего урожая. Многовековой опыт российского земледелия, по крайней мере с конца XV по начало XX века, убедительно показал практическое отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая. Точнее говоря, мера трудовых усилий подтверждалась не всегда, а часто – далеко не всегда, соответствующей прибавкой урожая.

Все это способствовало формированию в огромной массе русского крестьянства целого комплекса далеко не однозначных психологических поведенческих стереотипов. Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая почти круглосуточной тяжелой и быстрой физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил.

Вместе с тем господство на большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных климатических условий, нередко сводящих на нет результаты тяжелого крестьянского труда, закономерно порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества в его крестьянской жизни Господа Бога. Труд – трудом, но главное зависит от Бога («Бог не родит, и земля не дает», «Бог народит, так и счастьем наделит», «Не земля хлеб родит, а небо», «Бог – что захочет, человек – что сможет» и т. д.).

Крестьянское восприятие природы – это прежде всего постоянное, бдительное и сторожкое отслеживание изменений в ней, фиксация работы разнообразных природных индикаторов, сигнализирующих селянину о грядущих изменениях, о грозящей или возможной опасности благополучию крестьянской семьи, дома, хозяйства.

Глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом позволяло крестьянину приспосабливаться к тем или иным годовым, сезонным и сиюминутным изменениям климата. Многочисленные приметы поведения представителей животного и растительного мира, мира птиц и насекомых давали крестьянину сигналы о характере смены сезона и его самого (характер зимы, весны, лета, осени), о степени благоприятности условий и времени посева и сбора урожая, прогнозах на сам урожай (в том числе и отдельных культур); они же «предсказывали» болезни и смерть близких и т. п. Нет необходимости напоминать о многочисленности примет, основанных на оценке внешнего вида солнца, различных фаз луны, имеющих существенное значение в определении погоды, сроков сева полевых и огородных культур, посадки в землю луковиц, корневищ и т. п.

Важно заметить, что природные условия лесных просторов Нечерноземья и лесостепной зоны часто способствовали формированию множества локальных и микролокальных пространств со своеобразием протекания общих погодных процессов. А это приводило к разнице урожайности отдельных полей и даже их участков. Пестрота почвенных условий усиливала этот эффект.

Не исключено, что в крестьянском восприятии это как бы дробило всеобщую единую силу Высшего Божества на отдельные компоненты. Вполне возможно, что именно эти явления постоянно пробуждали в крестьянском менталитете чисто языческие эмоции локального поклонения объектам природы (типа архаичных обрядов моления у овина, у воды, у дерева и т. д.), что способствовало причудливому переплетению многих праздничных ритуалов господствовавшего в России христианского вероучения с языческими суевериями и обрядами. Думается, что масштабы столь своеобразного «синкретизма» для христианской страны, какой была Россия, поистине огромны. И суть дела заключена не в необыкновенной силе традиции язы-

чества, к которому изначально приспособилась христианская православная церковь, а в живучести языческого менталитета русского крестьянина, в том, что силу этой живучести питали могучие природно-климатические факторы.

Явлений, демонстрирующих необычайную живучесть языческого менталитета, многообразие своеобразных контактов и антиконтактов русского селянина с природой, особенно много в домашнем быте крестьянина. Его окружали буквально многие сотни различного рода примет, поверий. Православные иконы в «красном углу» избы, и ежедневные молитвы, и даже посещение церкви не мешали ему питать многочисленные суеверия и соблюдать языческие обряды, за которыми стояла могучая вера в силы природы.

Особенно богат был опыт крестьянина в наблюдении над домашними животными и птицей, странностями их поведения, которые оценивались с точки зрения грядущей беды или удачи, хорошей или плохой погоды, видов на урожай и т. п. Немалую роль в его мироощущении играла вера в лесных духов, в лешего, в русалок, ведьм, кикимор и особенно в домовых. Буквально поражает воображение количество причудливых обрядов и примет, связанных со смертью и похоронами членов крестьянской семьи, а также покорность русского крестьянина XVIII–XIX вв. неурожаем и бедам, вызываемым грозой и молнией.

Наконец, следует вспомнить и о неперенном элементе крестьянского быта – ворожеях, знахарях, шептунах и т. п., наговаривавших воду, хлеб и проч., знавшихся, по поверью, с темными силами.

Глубокая включенность сельского жителя в орбиту многообразного окружения природы не только порождала неиссякаемую веру в ее сверхъестественные силы и локальные проявления, не только способствовала глубокому функциональному познанию «механизма», своего рода сигнальной системы природы, диктовавшей логику поведения, но иногда и вызывала активность самого крестьянина в контактах с ее светлыми и темными силами.

Поэтому христианизация на Руси в конечном счете весьма своеобразно отразилась на менталитете крестьянина: в нем, как уже говорилось, поселился не только христианин, но и сохранился язычник. Это не означает, что русский крестьянин не принял основные догматы православного христианства. Наоборот, многочисленные свидетельства XVIII–XIX вв. говорят о том, что русский народ искренне исповедовал христианство. Однако необычайно суровые климатические и природные условия, вечная сверхнапряженная ситуация ожидания хоть маломальски приемлемого результата чрезвычайно тяжелого труда, обилие воздействия разного рода факторов на этот результат порождали, на наш взгляд, «языческую самодеятельность», погружая русского крестьянина в бездонный мир суеверий, примет и обрядов.

Думается, что своеобразие подобного менталитета российского крестьянства имело немалые политические следствия. Одно из них: максимальная контактность с народами иных конфессий, что имело громадное значение в практике масштабных миграционных подвижек и мирном проникновении на новые территории русского населения. Вместе с тем вполне очевидным становится и то, что без государственного статуса, без поддержки государственной машины российская православная церковь не имела бы серьезных перспектив всепоглощающего влияния на крестьянство. В конечном счете именно христианское православие отвечало духовным потребностям социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам.

Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с высоким нервно-психологическим стрессом («страда»), имели, как уже отмечалось выше, своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе.

Такова была реальность. Таковы были косвенные следствия влияния на ментальность природно-климатического фактора. Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю.

У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, была ведущей, основной идеей. Она, пожалуй, составляет одну из главных особенностей характера русского народа. О другой важнейшей черте его – доброте и простодушии – еще в XV в. писал польский хронист Я. Длугош. В основе того и другого лежала, вероятно, общинная психология, которая помимо прямой непосредственной роли, сыграла не менее важную и опосредованную роль в судьбах русского народа, определив, например, целый ряд существеннейших проявлений национального характера и культуры.

С момента концентрации крестьянских хозяйств и дворов в многодворные деревни и села резко возрастает процесс демократизации общины, который усиливается и обретает силу в качестве защитной функции с ростом крепостнической эксплуатации. Систематическая практика «помочей» и даже барщинные работы целыми бригадами на господских полях также стимулировали чувство коллективизма.

14. Взятые в целом, все эти факторы механизма выживания определенным образом повлияли на характер российской государственности и прежде всего породили всемогущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующий ей суровый режим внутреннего подавления сословий. Самым тяжелым было положение крестьянства, единственным оружием которого была локальная сплоченность общинного мира. Когда же эта сплоченность стала разрушаться рынком, судьба общества в целом была поставлена под сомнение.

Невзирая на то, что в пореформенное время уже развился процесс стремительного вовлечения крестьянства в русло капиталистических отношений, создавалась сложная и противоречивая ситуация. Антикрестьянский по сути характер реформ тем не менее способствовал удерживанию огромных масс населения на земле, что для общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта было весьма важным моментом. Но одновременно с этим был сохранен и архаический защитный механизм общинного землепользования. И в то же время законы капитализма сильнейшим образом стимулировали расслоение общинного крестьянства. На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию огромного слоя безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, составлявших от 50 до 65 процентов всех крестьянских дворов. Социальная напряженность, порожденная такой асимметрией расслоения, дополнялась общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий.

Эти два фактора, по сути, лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который в конечном счете привел страну к трем русским революциям.

Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта «всеобщих условий производства».

А.П. Паршев **Неповторимая Россия (Из книги** **«Почему Россия не Америка»)**

Где же мы живем?

Кто не знает, что мы живем в самой холодной стране в мире? Это знают все. Но все ли представляют, насколько она холодна?

Многие ли даже образованные люди поверят, что в столице Англии Лондоне растут пальмы и бамбук? Забавно, но со мной спорил по этому поводу человек, недавно вернувшийся из турпоездки в Англию, пока я не показал ему в его фотоальбоме его же собственную фотокарточку на фоне пальмы. Ну не заметил, бывает

Если вы читаете английские детективы, то наверно заметили, что при описании классического английского поместья обязательно упоминается тисовая аллея. А в США группа самых престижных университетов – Гарвард, Йель, Стэнфорд, Принстон и т. д. называется «плющевой лигой» за их старые здания, увитые плющом. У нас эти вечнозеленые растения – тис и плющ – растут только в Крыму и на Кавказе. Если для США это не удивительно – многие слышали, что эта страна географически расположена южнее России, то про «ужасный английский климат» мы обычно думаем как-то по-другому. Как-то раз я встречал знакомых в Шереметьево в середине февраля, привозил им по их просьбе теплую одежду. В Москве было минус 20 градусов, а в Англии столько же, но плюс.

Мои приятели несколько лет пользуются своеобразным видом туризма – с отработкой части цены путевки. Так вот они ездили в Норвегию в мае... а собирали клубнику.

Как же это получается? Ведь Англия, а, тем более, Норвегия северные страны?

Среднегодовая температура в России – минус 5,5 градусов Цельсия. В Финляндии, например, – плюс 1,5 градуса. Помню, в журнале «Охота и охотничье хозяйство» была как-то дискуссия – почему в Финляндии относительно много лосей (на единицу лесной площади), а у нас мало. Сначала валили, как водится, на социализм, пока не нашелся знающий человек, объяснивший, что в зоне тайги – северо-восток Финляндии – плотность лосей как у нас, а вот западная часть – зона широколиственных лесов. Там в основном лоси (да и финны) и живут, биологическая продуктивность леса и поля в этой зоне чуть не на порядок выше.

И средняя годовая температура – еще не все. Есть еще такое понятие, как «суровость климата» то есть разность летней и зимней температур, да и разность ночной и дневной. Тут мы вне конкуренции. Ведь замерзает-то человек зимой, пусть даже летом у нас и жарко.

Мы построили свое государство там, где больше никто не живет.

Это частность? Не совсем. По большому счету только это отличает нас от «нормальных людей», в остальном мы такие же дети Адама.

Интересно, что в Европе климатические пояса расположены несколько парадоксально. Климат становится более холодным не с юга на север, а с запада на восток, и иногда даже наоборот – с севера на юг, а точнее, с побережий вглубь континента. Обратите внимание: в Ленинграде теплее, чем в Москве, а ведь он километров на 400 севернее. А в Хельсинки зимой теплее, чем в Орле, хотя Хельсинки на 1000 км севернее. Под Вильнюсом в июне поспевают черешня, а в Московской области – нет, потому что вымерзает зимой. А широта та же! Вильнюс на 1000 км западнее, вот вам и своя черешня на рынках. В Латвии бедняки отказываются от отопления и горячей воды (из-за дороговизны). Холодно, конечно, но пока выживают.

Попробуйте хотя бы даже в Курске на зиму отопление отключить! А ведь Латвия существенно севернее.

Западная Европа, по нашим понятиям, субтропики. Причина известна еще со школьной скамьи – Гольфстрим. Благодаря ему зима в Европе выше нуля, а весна начинается в январе-феврале, и почти всегда в одно и то же время. У нас же весна может наступить и в конце марта, и на месяц позже.

Почему? Если нет с запада вторжений теплого воздуха, то прогрев идет только за счет излучения солнца.

Оказывается, в этом случае в Подмоскowie снег сходит в конце апреля, а если ветер с запада – то в начале. В Западной Европе теплый ветер дует всегда, поэтому, к тому же, (внимание, садоводы и огородники) не бывает заморозков (!!!).

Вот что на эту тему пишут географы (здесь и далее цитаты по: Алисов Б. П. Климатические области зарубежных стран. М., 1950):

«Западная и Центральная Европа... образуют Атлантико-Европейскую климатическую область, где ведущими факторами влияния выступает как атлантический морской, так и европейский континентальный воздух (прогретый, но не влажный). Вместе с тем на Западе Европы влияние Атлантики сильнее, и здесь не бывает крупных очагов континентального воздуха... Иначе говоря, здесь не бывает или почти не бывает длительных похолоданий или жары... частота вхождений атлантического воздуха и сила его влияния столь велики, что зимою изотермы в Европе, за исключением Севера, идут в меридиональном, а не в широтном направлении.

...Засухи здесь редкое явление. Среднегодовая сумма осадков в Западной Европе 500-1000 мм.

... Чем ближе к зиме, тем морской воздух теплее...»

Что значит, что «изотермы идут в меридиональном направлении»?

Это значит, что по суровости зимнего климата одинаковы: обитаемая часть Норвегии, юг Швеции, Дания, Нидерланды, Бельгия, Западная Германия (кроме Баварии), Восточная и Центральная Франция, север Италии, Хорватия, Албания, северная Греция, приморские районы Турции, Южный берег Крыма и побережье Кавказа. Средняя температура января там выше нуля. А ведь Норвегия больше чем на 3 000 км севернее Греции!

Англия, Западная Франция, Испания, Португалия, юг Италии и Греции – еще теплее и между собой также примерно равноценны. В январе там плюс 5 – плюс 10 градусов.

Западная Европа представляет собой уникальный регион. Нигде на Земле нет места, расположенного так близко к полюсу и столь теплого.

Все США, сравнимые по климату с Западной Европой, географически находятся южнее Кубани. Нью-Йорк – примерно на широте Сочи.

Столь милые нашему сердцу просторы малопригодны для жизни. Да, по территории мы до сих пор самая большая страна в мире. Но есть такое понятие, как «эффективная площадь», то есть территория, пригодная для жизни. Французский географ прошлого века Жан Элизе Реклю в своем труде «Земля и люди. Всеобщая география» назвал «эффективной» территорию, которая находится ниже 2000 метров над уровнем моря, со среднегодовой температурой не ниже минус 2 градусов Цельсия. Считается, да и весь опыт человечества это подтверждает, что лишь на эффективной территории возможна относительно нормальная человеческая деятельность.

Так вот по эффективной площади мы на пятом месте в мире, а не на первом. Лишь треть нашей земли – «эффективная». Но и наша эффективная площадь – самая холодная в мире. Мы не Индия, не Китай, и даже не Канада.

Представьте себе природную среду, где человек без специальных защитных приспособлений неизбежно погибает через несколько десятков минут. Это не жерло вулкана, это наша

страна зимой. Просто эти защитные приспособления называются «теплой одеждой» и «отапливаемыми помещениями». Оказавшийся на улице человек, так сказать, в своем натуральном обличье, имеет не больше шансов уцелеть, чем выпавший за борт корабля посреди океана.

Мы просто не замечаем той ситуации, в которой живем. Оленьих пастбищ в нашей стране (19 % площади) существенно больше, чем пригодных для сельского хозяйства земель (13 %), а нашей пашни (около 100 млн. га) едва ли хватит для самообеспечения России хлебом.

Сколько раз вы слышали, что Канада и Скандинавия такие же холодные страны, как Россия? Это совсем не так.

Даже Аляска по сравнению с Чукоткой – курорт. Когда наши казаки открывали Америку с нашей стороны, они руководствовались рассказами чукчей о земле, «где растут большие деревья». Там, откуда казаки отплывали, больших деревьев не было.

Не могу не отметить, что на наших обобщенных климатических картах, которые встречаются в школьных атласах, и Оймякон, и Ялта отнесены к одному климатическому поясу – «умеренному», обозначенному веселеньким светло-зеленым цветом. Понимаете, почему все вышеизложенное воспринимается немного странно?

Так похоже на Канаду, только все же не Канада

Канада похожа на Россию, только все же она – совсем не Россия.

Хотя Канада на карте выглядит довольно компактной страной, реально люди там живут в двух разобренных регионах: восточном – у Атлантики и Великих озер, и западном – на Тихоокеанском побережье. По сравнению со всей территорией Канады – это крошечные пятючки, прижавшиеся к южной границе. В 30-е годы даже сообщение между этими регионами было только по территории США.

«... кратко охарактеризуем климат Северной Америки, имея в виду прежде всего Канаду. Дело в том, что значительно меньший, чем Евразия, Североамериканский континент не имеет резко континентального климата... сильная и постоянная в течение года циклоническая деятельность ослабляет континентальность климата. Здесь не бывает замкнутых застойных областей ни низких, ни высоких температур. И это является кардинальным отличием от востока Европы (не говоря о Сибири). Зимы в Канаде суровы, и температурный минимум может достигать – 45 град., но морозы нестойки. В среднем же зимняя температура на 15–20 градусов выше, чем в наиболее суровых районах Восточной Сибири. Следовательно, и грунт земли не промерзает так, как в Сибири и в ряде районов Восточной Европы. Особенно важно подчеркнуть изобилие снежных осадков...»

Дело в том, что обитаемая часть Канады – значительно более благоприятная страна, чем Центральная Россия. Средняя годовая температура в Москве +3,8 градуса, в Ленинграде +4,3 град. В Ванкувере, например +9,8 град. (как в Вене, Одессе, Софии), в Монреале +6,7 град. (как в Варшаве). Вообще один градус средней годовой температуры – это на самом деле очень чувствительно. Обитаемая Канада – это вполне Западная Европа, а не Московская область, и, хотя лето там попрохладней, зима в Монреале мягче, чем даже в Польше.

Действительно, есть там города даже в более холодном (в среднем) климате, чем Москва: например, Эдмонтон +2,7 град., Виннипег +2,5 град., то есть примерно как у нас в Иванове. Но посмотрите на карту промышленности, хоть из школьного атласа – это чисто сырьевые районы: нефтехимия, лесобработка. А на широте Москвы в Канаде расположены только поселки с «говорящими» названиями, вроде Ураниум-Сити или Радий-Порт.

Даже в относительно (по канадским понятиям) холодных районах для сельского хозяйства более благоприятные климатические условия, чем в Центральной России. Для растений имеет значение не только среднегодовая температура, но и такой показатель, как сумма положительных температур, или, как иногда считают, сумма температур выше +10 град. С. Эти

показатели для с/х районов Канады существенно лучше, чем в России. Особенно это касается таких культур, которые сеют весной, и которым не надо зимовать под снегом, то есть яровых.

Городскому жителю, конечно, трудно осознать вот такой факт: Канада в промышленных масштабах производит такие культуры, как соя и кукуруза. Напомню (мало кто знает), что в Московской области кукуруза достигла спелости лишь один раз за больше, чем сто лет выращивания, а именно в 1996 году. А о сое и не слыхивали. У нас эта культура растет только на самом юге, ближе к Черному морю. Но вообще-то урожайность зерновых в Канаде по западным меркам невелика чуть больше 20 центнеров с гектара. Для сравнения: в Англии, Голландии, Швеции – 70–80 ц/га!

Подведу итог. Канада – большая страна с незначительным населением и отличными транспортными возможностями, т. е. выходом к океану. Климат обитаемой, индустриально развитой части Канады примерно соответствует климату Ростовской области и Краснодарского края, но он более влажный.

Этой обитаемой части вполне достаточно для населения Канады примерно 24 млн. человек. Остальная территория – только добыча сырья и туризм. Собственно, именно такой страной и хотело бы видеть Россию «мировое сообщество».

Есть и еще такой момент: Канада – фактически провинция США, по сути, это северная периферия самой богатой страны мира. Попробую провести аналогию: североамериканские эскимосы имеют более высокий уровень жизни, чем российские, но это не значит, что они более трудолюбивы или умны – для них действуют правительственные программы развития. Примерно то же, в разных формах, касается и канадцев.

И Скандинавия – не такая Сибирь, как думают.

Швеция теплее Финляндии, а о Финляндии у нас сложилось неверное мнение по периоду советско-финской войны, которая велась в Карелии (а это не Финляндия) в самую холодную зиму столетия. Та зима 1939–1940 г. на территории Центральной России была еще суровей, большинство российских яблоневых садов ее не пережили. На самом деле климат южной (обитаемой) Финляндии примерно соответствует климату Эстонии.

Напомню, что перед Зимней Олимпиадой в горном Лиллехаммере (Норвегия) там три года подряд не выпадало снега. В Бергене (далеко не самый юг Норвегии) температура +7.8 град. С, как в Мюнхене. По какому-то поводу Берген недавно показывали по ящику – там прямо на домах растет этот самый пресловутый плющ. Климат там существенно мягче, чем в Калининградской области – а из российских областей именно Калининградская область дает самым мягким климатом. В населенных районах Норвегии, к примеру, в домах одинарные рамы – ведь эта страна протянулась вдоль незамерзающего моря. Поэтому, хотя особой индустрии там нет, для рыбообработки, нефтедобычи и баз НАТО страна вполне подходит. А по карте зон плодоводства, кстати, низинная Норвегия находится в той же зоне, где Англия с ее пальмами, Восточная Франция и Северная Италия.

Кроме средней температуры, большое значение для хозяйственной жизни имеет уже упомянутая суровость климата, то есть, кроме холода, еще и перепад температур. Если в прибрежных районах Европы этот показатель – разница абсолютных когда-либо отмеченных максимумов и минимумов температур – около 40 град., в остальной Западной Европе (за Одером и Дунаем) – до 50 град., в Финляндии, Прибалтике. Польше, Словакии и европейских странах СНГ – до 60 град., то в России до Урала – свыше 70 град., а в Сибири – от 80 до 90 град. (круче, чем в Антарктиде зимой там холодней, но летом не так жарко), а в Верхоянске – и более 100 град.

Когда я писал эти строки, за одни сутки в Подмосковье был перепад температур от плюс 30 с лишним днем до плюс 5 ночью. А в Западной Европе есть места, где за всю историю наблюдений разница температур между самой низкой зимней температурой и самой высокой летней – чуть более 30 градусов!

«Абсолютный минимум» в Бергене (Норвегия) и Стамбуле (Турция) – одинаков (-16,1 град. С), а в Лондоне никогда в истории не было мороза в -10 град. С!

Если в качестве критерия «суровости» использовать разницу средних январских и июльских температур, то цифры будут иными, но картина будет та же.

Но разница температур еще не дает полной картины: жара – не холод. Плюс 50 град. человек может выносить довольно долго, а переохладиться и умереть можно и при +10 град.!

Толстые стены приходится строить главным образом не из-за средней температуры, а из-за месяца-двух морозов. Пусть в Сибири кое-где летом жарко (в Минусинской котловине арбузы выращивают), но озимые культуры не растут – убиваются зимой морозами.

Из двухсот стран мира по суровости климата с нами может сравниться только Монголия. В Улан-Баторе в среднем холоднее, чем на прибрежных научных станциях Антарктиды.

В Западной Европе кратковременное похолодание до каких-нибудь минус 10 град. С (раз в 20 лет) вызывает полную дезорганизацию хозяйственной жизни. А в центре России -10 град. С – это средняя температура января, то есть совершенно обычное дело. Это важно для планирования хозяйственной деятельности? Важно. Так вот, как влияет наш климат в денежном выражении? Точно никто не знает, поскольку, похоже, это никого не интересует. Но влияет очень сильно.

Есть эмпирические данные для оценки стоимости обустройства рабочего места в зависимости от зимних температур; так вот, для отрицательных температур с каждым градусом эта стоимость растет на десятки процентов. Встречал я и утверждение, что при среднегодовых температурах ниже минус 2 град. – даже вдвое с каждым новым градусом. Что же с погодой происходит у нас?

«...Обширная часть Европейской России вплоть до южной границы лесов принадлежит Атлантико-континентальной климатической области. Важнейший фактор здешнего климата – атлантические циклоны с очень длительными осадками летом и оттепелями зимой... Вместе с тем для этой зоны характерно и мощное влияние арктического воздуха с севера. Стойкие арктические антициклоны или малоподвижные области высокого давления приводят к частым суровым зимам, в итоге которых гибнут такие деревья, как ясень, клен, орешник и дуб... Потепление, означающее исход зимы, чаще всего наступает с третьей декады марта (центр страны, в частности, Подмосковье) вследствие вторжений воздушных масс со Средиземноморья. Однако процесс потепления тормозится, а то и вовсе прерывается вторжением арктических ветров. Поэтому весна здесь бывает и ранняя, и поздняя (со второй половины апреля). Причем поздняя весна есть следствие нарастания влияния солнечного излучения и местной конвекции... Практически ежегодно в первой декаде мая происходит вторжение арктических масс воздуха, что чаще всего ведет к ночным заморозкам.

Лето в Подмосковье начинается с середины июня... и завершается в середине сентября. Весьма часто оно холодное и дождливое. Длительные периоды обложной облачности ведут к тому, что все растет медленно. В жаркое лето при длительном антициклоне бывает острый дефицит влаги, хотя испарения вызывают некоторое выпадение осадков. Летний температурный максимум достигает +32 град., +35 град. (что бывает очень редко). Средняя же температура июля колеблется от +17 град. до +19 град. Общее количество летних осадков достигает 180240 мм, а годовое – 600 мм».

Давыдова М.И., Каменский А.И., Неклюдова Н.П., Тушинский Г.К. Физическая география СССР. 2-е изд. М., 1966. С. 240–318.

То есть если летом жарко, то не хватает влаги, если дождей много, то нет тепла. И в том, и в том случаях урожаи невысоки. В царской России – около 7 ц/га, в советские времена – до 20 ц/га, в 1992–1997 гг. – около 14 ц/га.

В обществе, и даже среди экономистов процветает элементарное (не обижайтесь, дорогие читатели) незнание географии, а особенно экономической, И вы в этом не виноваты,

поскольку невнятное изложение, можно сказать, замалчивание некоторых эконом-географических вопросов носит политический характер и объясняется только политическими, а не научными причинами.

Климат России суровей, чем в любой индустриальной стране мира, и это влияет на эффективность любого производства, если определять эффективность по критерию издержки/выгоды. Это, как мы увидим, касается не только сельского хозяйства. И никаким повышением общественной производительности труда устранить это влияние нельзя, коммунизм там у нас, капитализм или рабовладение.

И у суровости российского климата есть, увы, денежное выражение. Знаете ли вы, что все на свете что-то стоит? Пора привыкать, что это так. Еще Геродот в географическом описании Египта оценивал, сколько стоит там вырастить ребенка. Он даже не приводил сравнительных данных по Греции, видимо, его читатели – греки – знали это и без него.

Вот мы сейчас и оценим, во что нам обходится российский климат.

Кстати, тот же Геродот еще в пятом веке до нашей эры заметил, что по воле богов природно-климатические границы зачастую совпадают с границами народов и государств. И действительно, юго-западная граница распространения русского народа совпадает с определенной изотермой (линией равных средних температур) января – минус 6 градусов.

А вот все столицы стран НАТО лежат в «плюсовом» климатическом поясе, а столицы соцстран и «нейтралов», кроме Албании – в «минусовом». Забавно, что из «новых» стран столица весьма «прозападной» Словении тоже в «плюсе». Откуда такие странные совпадения? Причины не мистические, а совершенно материальные. Но об этом позже.

Цена строительства

Первое, с чем сталкивается в России потенциальный инвестор, это поразительная дороговизна капитального строительства по сравнению с любой страной мира.

Очень хорошо это видно, например, на карте промерзания грунтов. Понятно, что глубина промерзания напрямую зависит от силы и продолжительности морозов, то есть особенности климата влияют не только на развитие плодоводства.

Согласно СНиП у нас необходим фундамент, подошва которого расположена глубже границы промерзания, а ведь чем глубже он залегает, тем такой фундамент дороже, и цена его растет более чем пропорционально глубине. Вдвое более глубокий фундамент стоит дороже минимум втрое-вчетверо. У нас на юго-западной границе России глубина промерзания 110 см, а ближе к Поволжью – уже 170. Стоимость даже простого фундамента под легкий садовый домик составляет у нас 30 % от общей стоимости строительства.

Думаете, заводские корпуса всегда строятся массивными, и фундамент везде делается глубоким? Не скажите. Чтобы построить завод, например, в Ирландии или Малайзии, достаточно заасфальтировать площадку и поставить каркасную конструкцию типа выставочного павильона. Фундамента на непромерзающем грунте практически не нужно, достаточно срезать дерн.

Именно такими современные заводы и строятся, одноэтажными. Ведь если земля не дорога, то при одинаковой полезной площади многоэтажные здания дороже одноэтажных и существенно сложнее, одни перекрытия сколько стоят. По моей просьбе мои знакомые поинтересовались, как строятся двухэтажные здания в Баварии – оказалось, что на твердом грунте – вообще без фундамента. В английском руководстве по индивидуальному строительству приведены разрезы типичных особняков – там без фундамента строятся и трехэтажные здания.

А сколько стоят инженерные коммуникации? В Англии водопровод и канализация идут практически по поверхности земли, а у нас? Со стороны кажется, что копка канав – наша национальная забава, но это для нас неизбежно. По тем же СНиП трубы должны идти не мельче глубины промерзания, даже газовые, чтобы не выперло на поверхность.

Естественно, зимой любые строительные работы трудны и дороги. Те же канавы обходятся минимум в три раза дороже. Для дорожного покрытия даже нынешние гнилые зимы смертельны – колебания температуры вокруг нуля, с таянием и замерзанием воды в трещинах асфальта, как раз и добавляют впечатлений водителям и хлопот дорожникам.

Для западноевропейцев эти проблемы непонятны. Помню, трассу в Домодедово строили немцы – получилась, как стол, едешь, как на месте стоишь. Но через пару лет дорожное покрытие «обрусело» полностью, так что дело не в немецкой аккуратности.

То же самое касается крыш – из-за снеговой нагрузки. Верно говорят, что человеческий разум берет одну преграду за другой, а глупость вообще не знает препятствий. Сколько денег вылетело в трубу из-за идиотского пристрастия Хрущева к субтропической архитектуре! Сколько невозобновляемых ресурсов сожжено из-за тонких бетонных стен! Горький опыт постепенно отучает от плоских крыш, введенных этим «оттепельщиком». Не знаю статистики строительных катастроф, но они есть, мне приходилось видеть одноэтажные здания, сплюснутые до фундамента после снегопада. И по мере старения несущего каркаса зданий опасность этого повышается.

В любом случае, даже при плоской кровле, ее устройство у нас сложнее, чем в Западной Европе. Особенно это касается уникальных конструкций, наподобие крыш над спортивными сооружениями. Разница в их стоимости у нас и в Европе – примерно на порядок – нагрузка по-другому рассчитывается. Кстати, кровля в снежных регионах должна быть совсем другая, чем там, где только дождь – всякие желоба и ложбины нежелательны, и т. д.

Остекление. Не только на юге Норвегии оконные рамы – одинарные. В Лондоне двойные рамы являются предметом роскоши и всегда упоминаются при продаже квартиры или сдаче внаем. А в Финляндии, хотя она и гораздо теплее России, делают и тройные рамы. Это дороже, но позволяет существенно экономить на другом. На чем? Увидим впоследствии.

Но где деньги текут буквально струей, так это при кладке стен.

В Англии достаточна толщина стены в 1 кирпич (английский кирпич – 20 см). Там стены выполняют только несущую функцию. А вот в средней полосе России нужно минимум 3,5 кирпича (90 см). Конечно, это зависит от района, от материала, но и на Кубани 2 кирпича (50 см) – не роскошь.

А вот в Малайзии и Таиланде, при средней температуре января и июля +28 град. С – стены нужны только от ветра, и делаются они из металлического, шиферного или пластикового листа.

Под массивную стену нужен и более прочный, а значит, и дорогой фундамент. Наш одноэтажный кирпичный дом весит как английский трехэтажный.

Посмотрите на последствия очередного урагана в Штатах или Японии – по ветру летят стены, по капитальности сходные со стенами курятника. Не надо быть Терминатором, чтобы, разбежавшись, пройти такой дом насквозь. Главное лишь не споткнуться о кошку. Такой дом в Штатах может быть втрое больше, но дешевле нашего дома для постоянного проживания. Обратите, кстати, внимание, что после «улета» такого особняка не остается печки и дымовой трубы. Как вы думаете, почему?

В современных городских домах и заводских корпусах у нас с 60-х годов более тонкие стены делаются из бетона, но это не облегчает нашу ситуацию, а осложняет. И без того огромные затраты энергоносителей из-за бетонных стен стали еще чудовищней, об этом – в следующих главах.

И инженерное оборудование – водопровод, канализация, отопление, электроснабжение – все в России дороже.

Конечно, применительно к конкретным условиям России, при организации нового производства можно некоторое время использовать ранее построенные здания и сооружения, что иногда и делается. Но надо выплачивать амортизационные платежи, да к тому же все изнашива-

ется, а любой ремонт или переделка, отвечающие природным условиям, стоят в России дороже. Ведь перепад в 70–90 градусов – не для всякого материала. Даже морозостойкие краски и конструкционные металлы стоят дороже обычных. Вот у нас тут «новые русские» сгоряча заменили в своих квартирах оконные блоки на импортные из ПВХ. Хорошие, удобные, дорогие... но простояли до первого мороза. А если ставить из того же ПВХ, но морозостойкого, то это еще дороже.

Это касается и других видов капитального, да и временного, строительства. Оборудование скважин, инфраструктура нефтяных и других сооружений в Сибири и на Севере – это сумасшедшие по мировым критериям деньги. Все это построено в советские времена, но сейчас нет охотников повторять наши подвиги.

Подведем итог.

В зависимости от вида строительства его стоимость выше, чем в Западной Европе, в 2–3 раза. По сравнению с субтропиками – в несколько раз. Соответственно выше и амортизационные выплаты, а здания менее долговечны. Построить здание или арендовать уже построенное в России существенно дороже, чем в других странах мира.

Ресурсы

Ресурсы – это сырье, комплектующие, оборудование, лицензии, технологии.

Очевидно, что в условиях мирового рынка цена на все покупное во всем мире примерно одинакова. В этом и состоит привлекательность свободного мирового рынка. Но это значит, что разворачивать на территории России какое-нибудь производство из покупного сырья ничуть не выгоднее, чем в любом другом месте.

Может быть, свое сырье обойдется дешевле? А что значит «свое»? В условиях рынка никто не занимается благотворительностью, и все потребители, кто бы они ни были, находятся перед продавцом в равных условиях. Сейчас нет «наших» ресурсов – все сколько-нибудь ценное принадлежит кому-то конкретному, и этот «кто-то» хочет получить из своего месторождения максимум возможного. Как правило, досталось это владельцу в ходе ожесточенной борьбы, и среди таких личностей особо сентиментальных нет.

И управляющий частной нефтяной компании, и директор хозрасчетного государственного предприятия не могут продавать кому-то свою продукцию дешевле только потому, что покупатель – россиянин. В бизнесе нельзя ориентироваться на «патриотизм», там действуют законы рынка. Не подчиняешься им – разоришься. Помните – «эффективность»? Поэтому для российских потребителей российское же сырье обойдется в ту же цену, что и для иностранных. Все существующие от этого правила отклонения – временны. Так что экономии за счет дешевизны сырья, если играем по правилам мирового рынка, вообще нигде не должно быть.

Может быть, в России российское сырье дешевле хотя бы потому, что ближе? А вот и нет. К сожалению, с точки зрения транспортных расходов, источники сырья для российской промышленности не ближе, чем для западно-европейской или южно-азиатской. Российское сырье находится в Азии, а российская промышленность и рабочие – в основном в Европе.

Беда в том, что сухопутный транспорт существенно, на порядок, дороже морского, и отвезти морем норильский никель в Лондон и даже Куала-Лумпур не дороже, а дешевле, чем в Москву, из-за перевалки и длинного железнодорожного плеча. Морские транспортные тарифы в мире на порядок ниже любых сухопутных.

Если построить условную карту мира, на которой расстояния от источников сырья до потребителей будут заменены на стоимость доставки, то все океаны «стянутся» в небольшое пятно, и все приморские страны окажутся рядом друг с другом, зато центр России будет значительно удален от всех стран мира.

Доставка даже тюменской нефти в центр России обходится в принципе не намного дешевле, чем в Западную Европу. Правда, сейчас значительная часть затрат на транспорти-

ровку приходится на оплату транзита через маленькие участки территории наших новых соседей. Фактически, мы кормим за счет транзита некоторые пограничные с нами страны, но тут причины не экономические.

Таким образом, «свои» ресурсы для каждого конкретного пользователя не будут более дешевыми, чем для других, иностранных, потребителей.

А вот теперь – самое главное.

В представлении многих мы все еще «одна шестая часть суши». Увы, мы уже только «одна седьмая». И суша эта уже не та. Мы потеряли половину пахотных земель (причем лучшую половину) и большую часть минеральных ресурсов.

Говорят, что у нас много сырья. Это миф, а говоря по-русски, вранье.

У нас не так много природных ресурсов, как утверждают экспортеры и их продажные и невежественные проститутки (не буду конкретизировать, кто это). Если мы попытаемся жить за счет их продажи (ресурсов, разумеется), то даже при разумной эксплуатации их хватит лишь на сверхнищенское существование 150-миллионного народа, и всего-то на несколько лет.

И о серьезности ситуации серьезные специалисты предупреждают:

«...К настоящему времени выявлены, разведаны и предварительно оценены крупные запасы полезных ископаемых, потенциальная денежная ценность которых в текущих мировых ценах составляет около 30 трлн. долл. Из них 32,2 % приходится на долю газа, 23,3 % – на уголь и горючие сланцы, 15,7 %-на нефть, 14,7 %-на нерудное сырье, 6,8 % – на черные металлы, 6,3 % – на цветные и редкие металлы и 1,0 % – на золото, платину, серебро и алмазы. (Данная оценка – одна из многих и не претендует на точность. Это обусловлено разными обстоятельствами, в том числе – и такими очевидными, как подверженность мировых цен на минеральное сырье резким и часто непредсказуемым изменениям.)

Значительно выше (140,2 трлн, долл.) оценивают прогнозный потенциал. В его структуре полностью доминирует твердое топливо (79,5 %), далее следуют газ (6,9 %) и нефть (6,5 %). На долю всех остальных видов полезных ископаемых приходится в совокупности 7,1 %. Такое разительное отличие от структуры балансовых запасов обусловлено в первую очередь колоссальными, несопоставимыми с другими полезными ископаемыми по величине геологическими запасами углей на территории России (главным образом – восточнее Урала – А. П.).

Необходимо подчеркнуть, что собственно величина запасов, даже подготовленных к промышленному использованию, играет довольно ограниченную роль. Во-первых, опережающий рост внутренних издержек на освоение и эксплуатацию месторождений (в связи с переходом на мировые цены – А. П.) неизбежно ведет к уменьшению балансовых запасов, и наоборот...» («Путь в XXI век», под ред. ак. Д.С.Львова, М., Экономика, 1999 г.)

Тут необходимо пояснение. Под балансовой стоимостью понимается вероятный доход – то есть сколько мы получим от продажи этих ресурсов по мировым ценам. И все дело идет к тому, что дальние месторождения углей, например, потребуют на разработку и добычу больше, чем дадут выручки. То есть их не удастся добыть! Для наших горнодобывающих организаций, похоже, оказалось сюрпризом, сколько же они тратят на добычу и сколько стоит добытое – по мировым ценам. Вполне возможно, что разведанные запасы сейчас уже правильнее оценивать в 5-10 трлн. долларов, а прогнозные – не дороже разведанных. Авторы приведенной оценки об этом не говорят прямо, но недвусмысленно намекают!

Ну и что мы будем делать через 35 лет, когда нефть кончится? Попросим обратно ту, что за границу прокачали? И чем платить будем?

Данные в разных источниках, и даже в одном источнике, как здесь, довольно противоречивы. В популярной же прессе встречается оценка наших ресурсов даже в 400 триллионов долларов. Такой разнобой оценок – очень грозный признак. Где рассказы об этих «циклопических богатствах» мелькают? В СМИ. А кому СМИ принадлежат? Случайно не сырьевым экспортерам? А не наглое ли вранье эти оптимистические оценки?

Чтобы лучше уяснить масштаб разведанных запасов, представим, что мы решили всей страной жить только за счет продажи ресурсов. Так вот если на каждого «россиянца» расходовать по 2000 долл. в год (166 долл. в месяц), то наших разведанных ресурсов (пусть даже 30 триллионов долларов) хватит ровно на 100 лет. Казалось бы, при нынешнем уровне экспорта, составляющем менее 300 долл. в год на человека, мы шестьсот лет могли бы не беспокоиться. Но не все так просто.

Во-первых, значительная часть разведанных ресурсов, а тем более перспективных – это низкосортный уголь, да к тому же залегающий в Сибири. Как вы представляете себе строительство в нынешних условиях нового Кузбасса? Со старым-то непонятно что делать.

Во-вторых, мы не можем увеличить сырьевой экспорт в семь раз, даже если бы мы этого захотели. Более того, представим гипотетическую ситуацию, ну, например, что нас оккупировали западные страны и установили абсолютно западный капитализм. Думаете, начнется разграбление ресурсов, то есть добыча сырья резко увеличится? Нет, как раз наоборот, как это ни удивительно. Причина – дорого.

Сейчас продается все, что в принципе можно продать, но минеральных ресурсов – не более чем на 40 млрд. долларов ежегодно. Так что же, олигархи удовлетворяются одной тысячной от нашего богатства? Почему же они не развивают добычу? Что их лимитирует?

Просто в России не так уж много сырьевых месторождений, пригодных для разработки в условиях мирового рынка. Восточно-Европейская равнина вообще не очень геологически изобильный район, кроме железных руд Курской магнитной аномалии есть только низкосортный уголь. А ресурсы Азиатской России чрезвычайно дороги для разработки. Поймите ситуацию! На Луне, например, есть места, где в грунте 11 % титана. Почему его там не добывают? Думаете, нельзя построить там фабрику? При нынешнем уровне развития техники – можно. Но слишком дорого! И большинство наших месторождений золота, например, требует больше затрат на разработку, чем стоят запасы. Таких ресурсов все равно, что нет. То, что было пригодно для разработки в советской модели экономики, сейчас уже не привлечет инвесторов. Нынешние «инвесторы» просто расходуют сделанные когда-то советские инвестиции!

Наше сырье с удовольствием берут, но инвестиций нет даже в сырьевые отрасли. Примеры? Уйма. В последние годы часто пишут о бедственном состоянии золотодобычи. Помню, приводился пример одного рудника с перечислением ориентировочных запасов и потребных инвестиций. Инвестиций нужно было ровно в три раза больше, чем стоило перспективное золото этого рудника по мировым ценам. И журналист еще выражал детское удивление, что с инвестициями никто не спешит. Может быть, этот рудник исключение? Нет, наоборот. Обратных примеров нет!

И ничего удивительного. Цена добычи золота Сибири на 80–90 % определяется энергозатратами, и не только золота. Производство меди и никеля в Норильске полностью зависит от близлежащих газовых месторождений. Иссякнут они – а это вполне возможно – и цена добытых металлов станет запредельной. Ничего необычного в этом нет: несколько лет назад из-за падения мировых цен на медь прекратилась добыча на высокогорных медных месторождениях в Чили. А ведь эти месторождения гораздо более доступны для разработки, чем наши.

Например, урановые руды рассматриваются в качестве промышленных только в том случае, если себестоимость полученного из них урана не дороже 80 долларов за килограмм. Поэтому доступные запасы урана у нас близки к исчерпанию, и те, кто за бесценок продает в США оружейный уран, совершают государственную измену, понимают они это или нет.

Так что мало того, что запасы у нас не слишком велики. Они еще могут и оказаться недоступны! Звучит неправдоподобно, но даже нефтяные месторождения России экономически малопривлекательны для западных инвесторов. Одно дело кувейтская нефть, которую прямо из скважины качают в танкер, другое – тюменская, для которой надо на вечной мерзлоте строить тысячи километров дорог и нефтепроводов. Себестоимость добычи кувейтской нефти – 4

доллара за баррель, нашей – 14 долларов (по курсу весны 1998 года). Добычи! Не разведки и обустройства новых месторождений, а добычи! А если цена окажется ниже себестоимости, то где взять деньги на добычу?

Особенно тревожна ситуация с прогнозными запасами. Напомню, что, хотя они и существенно больше разведанных, 80 % из них – это уголь и сланцы, добывать которые просто нерентабельно. Поэтому из этих 140 триллионов долларов прогнозных запасов по крайней мере 112 трлн. можно не учитывать. И часть из оставшихся 28 триллионов – такие же. Значительная часть российских газа и нефти доступны не более, чем метановая атмосфера Юпитера.

Наше сырье из освоенных месторождений с удовольствием берут, но даже в их поддержание в рабочем состоянии средств не вкладывают. Инфраструктура изношена, знаменитая «труба» (система нефтепроводов из Сибири в Европу) выслужила все сроки. Ее трубопроводы уже нуждаются в замене! В лучшем случае, при непрерывном и дорогом ремонте они продержатся еще 10 лет. Кстати, именно для обустройства нефтегазовых месторождений и были взяты Советским Союзом в свое время кредиты примерно в 20 млрд. долларов. Но то были долги, а сейчас-то хочется инвестиций, а где они?

Газ Ямала дожидается инвесторов, но не дожидется никогда. Освоение, добыча и транспортировка съедят всю прибыль, и это хорошо известно потенциальным инвесторам. Газпром сам осваивает Ямал, без помощи инвесторов. Это, кстати, один из доводов против незаменимости иностранных инвестиций.

И «Роснефть», которую пытались выставить на торги в 1998 году, не так уж привлекательна для инвесторов, даже если отдать ее даром. Предположительно конкурентоспособны месторождения на шельфе Южного Сахалина, поэтому для того, чтобы передать их иностранцам уже на законной основе и проталкивался «Закон о разделе продукции».

Напомню, что приватизация российской нефти частными лицами осуществлена без всякого закона в 1992 году. Значительная часть обустроенных месторождений попали в руки западных компаний, но геологоразведка, например, при разгосударствлении отрасли была выделена в отдельную организацию... и разорилась! Никто не стал вкладывать в нее деньги. Это говорит о том, что даже в разведке на нефть западные инвесторы не заинтересованы. Единственная причина такого поведения – они не собираются заниматься освоением новых месторождений, поэтому и не ищут их.

Для развития кризиса российской рыночной экономики роль детонатора сыграло падение цен на нефть в начале 1998 года. И экспортеры, и, тем более, госбюджет потеряли миллиарды долларов.

То, что мировой спрос на нефть снизился, возможно, не так уж и плохо в далекой перспективе. Дело в том, что добыча нефти у нас упала с более чем 500 млн. тонн в 1990 году до 280 млн. тонн в 1998 из-за истощения разработанных месторождений и износа инфраструктуры. Можно смело прогнозировать, что лет через десять в земле нефть останется, но ее добычи хватит разве что на отопление городов. Вот поэтому, может, и хорошо, что добыча снижается – хоть внукам что-то останется.

Запас карман не тянет

Точные данные о запасах нефти у нас на самом деле почему-то секретны, хотя для оценки месторождений привлекаются американские аудиторские фирмы. По зарубежным оценкам у нас 7 % мировых. Много это? Это мало. Это мизер! У Венесуэлы – 8 %, а Венесуэла поменьше и теплее России. Даже кот Матроскин знал, что продавать надо что-то ненужное, а нужнее теплоносителей в России ничего нет. У нас города отапливаются мазутом, ведь мы не Венесуэла.

Так что наше богатство теплоносителями весьма относительно. Ведь теплоносители нужны не сами по себе, нас интересует тепло, а не вонючие жидкости и газы. Да, у нас есть

нефть, но в Индии достаточно открыть окно, чтобы согреть помещение. Так кто богаче теплоносителями?

Кроме того, есть вполне обоснованные подозрения, что реальные запасы нефти и газа у нас даже меньше, чем значится официально. Как правило, оказывается, что разведанные запасы оказываются при разработке значительно ниже, чем предполагалось. Такое произошло с Уренгоем – первоначальная оценка оказалась завышена почти в два раза. Причиной тому – своеобразная методика оценки объема запасов. Оказывается, у нас было принято ставить размер премий за открытие месторождения в зависимость от его объема, и поэтому был стимул этот объем при оценке завышать. Я об этом не читал официальных сообщений, а слышал от геологов очень давно, но слух достоверный – все исчерпанные к настоящему моменту месторождения дали в два-три раза меньше, чем выходило по первоначальным оценкам.

Надо упомянуть о серьезности ситуации с нашими ресурсами, хотя это не касается напрямую нашей темы. После распада Союза многих цветных и редких металлов, необходимых для серьезной промышленности, в России просто нет. Вернусь к цитированию:

«...есть виды минерального сырья, запасы которых либо незначительны, либо малоэффективны. Потребность промышленности России в марганце, хrome, ртути, сурьме, титане и ряде других полезных ископаемых ранее почти полностью покрывалась поставками из республик бывшего СССР...»

Марганец остался на Украине и в Грузии. Хром Казахстана сейчас принадлежит японской фирме, которая нам его просто не продает. Не продает и все! Хорошо, что у нас сталь сейчас не варят, а если бы варили? Без хрома и марганца какая сталь? Только на гвозди, или, как выражается один мой знакомый, свиньям на подковы.

С развалом Союза наша экономика перестала быть самодостаточной. Например, хлопка у нас теперь нет и не будет, даже при восстановлении Союза. Поливные земли Средней Азии в связи с ростом населения заняты сейчас под продовольственные культуры, и даже этого им не хватает.

И такая ситуация не только с минеральными ресурсами. Наши «неисчерпаемые» леса дают примерно по 4 куба ежегодного прироста древесины на человека. А даже дров из этого прироста получится разве что куба три. Вот и решайте, использовать ли прирост на дрова, на строительство или на экспорт. Кто строил дачу или топил печку, тот знает, что в любом случае это немного, особенно если учесть, что основной породой наших лесов является лиственница Сибири. Она труднодоступна, так как не поддается сплаву (тонет). Доступные же леса Европейской России, где расположены лучшие лесозаводы, уже хищнически выкошены.

Мифы о «неисчерпаемости» внедряются людьми, имеющими процент от продажи нефти и урана из боеголовок. Это, уважаемый читатель, пора уже понимать.

Кстати, есть тенденция сырьевых регионов выделиться из России. Это касается Якутии-Саха, Татарстана, нефтяных регионов Тюменской области, некоторых других областей. Это можно понять – зачем им московские банкиры? Необходимые при торговле нефтью финансовые операции могут проделывать и американцы, и гораздо лучше. Но отделение не решит проблем и для этих территорий. Инвестиции могут быть вначале, но только из политических соображений. Как только нужда в борьбе с Русским государством отпадет, никто не будет давать денег на починку выходящих из строя трубопроводов. Слишком, по мировым понятиям, дорого.

В общем, нет у нас ничего такого, что Западу необходимо позарез. Все или кончается, или отвалилось вместе с Назарбаевым, или дорого добывать. Те, кто считают, что предел падения нашей страны это превращение страны в «сырьевой придаток» Запада – неисправимые оптимисты. Хватит наконец иллюзий, товарищи патриоты. Мы можем стать «сырьевым придатком» всего на пять-десять лет. А ведь и пенсионеры планируют прожить немного дольше!

Итак, по разделу сырья и комплектующих наша обрабатывающая промышленность никакого выигрыша не имеет, и эта статья затрат привлекательности в глазах инвесторов не добавляет.

Теперь о технологиях – считается, что у нас есть уникальные технологии – а это тоже ресурс, вроде сырья или оборудования. На самом деле подавляющее количество товаров массового потребления делаются не по секретным патентам – джинсы строчить можно в любой точке мира. Ничего секретного в холодильнике нет! В принципе любую технологию можно и купить – технологии продаются и покупаются, как любые ресурсы, хотя есть и исключения. Нету у нас форы в технологиях для мирового рынка, нету!

В настоящее время нельзя говорить, что технологически мы можем вырваться вперед по сравнению с кем-то – за десять лет «открытости» все сколько-нибудь ценное стало всем известно. Технологии – это первое, что у нас купили в начале «открытости». Наши НИИ и КБ продались за гроши, уже и американские фрегаты несут на борту уникальные РЛС советской разработки. А вот нам вряд ли кто-то передаст технологию производства лазерных проигрывателей DVD или «медную технологию» производства микропроцессоров.

Тем не менее, о разнице в уровне технологий мы поговорим немного дальше.

Но итог неутешителен – по пункту «сырье и комплектующие» у нашего производителя, точнее, производителя на территории России, выигрыша нет.

И последнее – для тех, кто всерьез принял мой расчет – по сколько долларов придется на каждого россиянина в виде платы за российское сырье. Недра уже не государственные и не общественные, а частные! «Священные и неприкосновенные». Губы можно закатать.

Энергия и транспорт

Здесь я объединил два вида расходов, которые наиболее чувствительны для кармана инвестора. Это расходы на энергию и транспорт.

Дело в том, что уровни энергопотребления жителями разных стран мира очень сильно зависят от природных условий. Такой, очень интересный материал приводится, например, в работах профессора В.Клименко.

В его работах исследуются уровни энергопотребления, так сказать, для бытовых целей, а не для промышленного производства, но принципиальной разницы нет. Даже в относительно безлюдных производствах приходится поддерживать определенный температурный режим, будь то химическая реакция, перегонка нефти или обжиг цемента. Одно дело поднять температуру многотонной печи, начав с плюс 20 градусов, другое – с минус 20. Это обойдется в очень большой дополнительный расход топлива. А поддерживать температуру какой-нибудь ректификационной установки размером с многоэтажный дом? Если температура наружного кожуха какого-либо агрегата 100 градусов, то при температуре воздуха минус 30 градусов тепловые потери через стенку вдвое выше, чем при плюс 30. А чего стоит разогреть цистерну химического продукта или разгрузить вагон мерзлого угля? У нас в этом отношении выгодно только пельмени морозить.

Но безлюдных производств мало. А когда разница между температурой внутри здания и снаружи достигает 40–50 градусов, то расходы на отопление, т. е. на создание условий, пригодных для обитания, становятся сравнимы с остальными производственными издержками. Но насколько сравнимы?

При подготовке этой книги я пытался, насколько возможно, использовать данные Госкомстата, в результате чего сделал вывод, что в нашей статистике положение еще более неблагоприятное, чем в экономической науке. По ядовитому замечанию В.Морозова, выпустившего своими силами (!) обзор нашей экономики к 1996 году, яйценоскости кур-несушек в ежегоднике Госкомстата посвящено 3 страницы, а исполнению госбюджета – только одна.

Так вот о производстве и расходе тепловой энергии в промышленности, или хотя бы о ценах на нее в сопоставимых единицах, в ежегоднике Госкомстата за 1995 год не говорится. Не буду приводить полученные партизанскими способами данные – сколько бы гигакалорий тепла ни расходовали наши промышленные предприятия, и сколько бы ни стоила у нас эта самая гигакалория – во многих-многих странах эти гигакалорий берутся просто из воздуха, бесплатно. Приятно посмотреть на климатическую карту Юго-Восточной Азии – в Таиланде и Малайзии средняя температура июля + 28 градусов, и января +28 градусов.

Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти. А ведь у нас еще и затраты на освещение повыше!

То есть когда мы говорим о «неисчерпаемых запасах топливных ресурсов в России», то надо понимать, что нефть, уголь и газ как раз исчерпаемы, да к тому же их надо добыть, привезти к месту потребления и сжечь. А в большинстве стран мира достаточно открыть окно, чтобы получить доступ к действительно неисчерпаемым тепловым ресурсам. Ведь они кончатся, только когда погаснет Солнце или сдвинется земная ось!

Представьте себе, что вы – иностранный инвестор. И у вас есть выбор – построить завод в России и 7–8 месяцев в году расходовать деньги на его отопление, или в другом месте, где топить не надо совсем. И какие деньги! В четыре-восемь раз больше, чем затраты на энергию где-нибудь в Сирии.

Так где вы его постройте?

Вот тут-то и зарыта главная собака! Всего несколько лет назад сама мысль о том, что производство может быть невыгодным или даже остановлено из-за платы за электроэнергию или тепло, просто не укладывалась в голове. Сейчас рынок вот уж действительно все расставил по местам.

Пока у нас чрезвычайно дешевая электроэнергия – для бытовых целей, например в Центре – около 3 центов за кВтч (с осени 1998 г. – около 1 цента), на Дальнем Востоке – 5–6 (2–3). В Западной же Европе, в среднем, около 12–15. Но из-за огромного энергопотребления и такая цена не спасает, а главное, есть тенденция к ее росту. Откуда берется электричество? Это ведь в основном те же уголь, мазут, природный газ и уран. Их можно продать по мировым ценам. Почему же на наших станциях из этого сырья получается электричество, в пять раз дешевле мировой цены? Где государство находит таких поставщиков? Все очень просто – энергокомплекс страны пока составляет единый механизм, поставщики поставляют топливо себе в убыток, по обязанности, под угрозой отключения от экспортной «трубы». Стоить разбить этот комплекс на отдельные предприятия – и цепочка разорвется в самом начале. Зачем поставлять топливо на электростанцию, если она за него не заплатит? Не лучше ли продать сразу за рубеж?

Кстати, приведение наших внутренних цен на энергию и энергоносители к уровню мировых – одно из основных требований наших кредиторов.

Сказать по совести, это требование не кажется мне необоснованным. Мы должны точно знать, сколько энергии мы потребляем, и во что это обходится. Производство энергии у нас вряд ли обходится много дешевле, чем в других странах. В основном наша тепловая и электроэнергия вырабатываются из топливного мазута, как во всем мире, откуда же разница в цене? Очевидно, государство покрывает эту разницу, то есть бесплатно выделяет мазут и отопительный газ. Мы жжем достояние страны, мало того, жжем, не замечая этого.

Вот такой достаточно тривиальный пример, взятый из интервью по радио одного нашего художника. Он живет в Израиле, а на зиму приезжает в Москву. Почему? В Израиле отопление стоит дорого. Представляете? В январе там +10 град., и отопление ему дорого обходится. В Москве – минус 20 град., а отопление обходится дешево! Конечно, пусть приезжает, милости просим, но в ситуации явственно просматривается какой-то логический дефект.

Даже просто давать возможность нашим потребителям конкурировать за топливо с иностранцами – опасно. Что будет, если какой-нибудь уральский город оставить зимой на неделю без топлива? Да хотя бы среднерусский? Думаю, он после этого будет уже непригоден для проживания. Но пятьдесят лет безбедной жизни отучили наше население беспокоиться о чем бы то ни было, никто не верит в какую-либо катастрофу. Власти что-нибудь придумают!

Гринписовцы любят поговорить об «экологически чистых источниках энергии». Так вот что касается неисчерпаемых ресурсов – солнечной энергии и энергии рек – то для гелиостанций нет более неподходящей страны, чем Россия. У нас много пасмурных дней (в Москве больше половины, около 200 в году), а когда энергия особенно нужна – зимой – и дни короткие. К тому же нынешние технологии получения солнечной электроэнергии дают электричество, в сотни раз более дорогое, чем полученное другими способами. И солнечные панели дороги, и какие-то аккумуляторы нужны – ведь неудобно пользоваться электрическим освещением только днем, не правда ли? Если вы автомобилист, представьте себе габариты аккумулятора для Москвы.

Наши гидроресурсы довольно специфичны. Зимой, когда расход электричества максимальный, замерзшие реки мелеют. Россия – плоская как стол, равнинная страна. Если не считать территории национальных республик, то максимальная высота над уровнем моря в России – 2519 м – гора Барун-Шабартуй в Читинской области. Перепад высот на наших реках невелик, в европейской части – меньше, чем даже в Западной Европе, поэтому огромное Рыбинское водохранилище мелкое и питает несуразно маломощную гидроэлектростанцию. А сибирские реки-гиганты удалены от основных потребителей электроэнергии. Везет же китайцам! Вот незамерзающая Янцзы, например, имеет солидный перепад высот, а по расходу воды превышает Обь и Енисей, вместе взятые.

Была у нас при Сталине программа строительства небольших «колхозных» ГЭС. Когда плывешь на байдарке по небольшим рекам, кое-где приходится обносить полуразрушенные плотины. Спасибо хрущевской политике! А ведь когда-то они делали наше село хоть частично независимым от сибирского мазута. И рыбку там ловили.

Так что, несмотря на то, что в Сибири нефть и газ пока есть, это не дает нашим предприятиям никаких преимуществ. Им придется платить за топливо поставщику этого топлива, и, что самое грустное, топлива этого будет уходить гораздо больше, чем на аналогичных предприятиях в Западной Европе или «третьем мире». У нас нет предприятия или поселка без котельной – в отличие от почти всего остального мира.

Теперь транспорт. Плотность населения напрямую влияет на транспортные расходы. Если, например, равномерно разместить население каждой страны на ее территории, то англичане, немцы, японцы окажутся на расстоянии около 60 метров друг от друга, тайцы и французы в 100 метрах. А вот между русскими расстояние будет 570 метров.

Даже если мы будем учитывать только так называемую «эффективную» площадь страны, т. е. ту треть России, на которой среднегодовая температура выше минус 2 градусов Цельсия и где сконцентрировано все ее население, то среднее расстояние сократится примерно до 200 метров. Да и эта «эффективная» площадь России – не круг или квадрат, а узкая полоса, вытянутая в широтном направлении на тысячи километров. Вот и прикиньте, во что в России обходится дорожное строительство, связь и транспортные тарифы.

Кроме того, распространенные у нас виды транспорта – трубопроводный и автомобильный – чрезвычайно дороги и энергоемки. Так, очень дорого обходится транспортировка нефти из Сибири в Европейскую Россию. Наша нефть вязкая, ее трудно перекачивать и приходится подогревать, особенно зимой. На подогрев и перекачку расходуется, по сути, значительная часть добытых энергоносителей.

Самый дешевый вид транспорта – морской. Именно его у нас нет. Следующий по дешевизне – речной. Доступ к внутренним районам Индии, Китая или Аргентины возможен даже

на океанских судах довольно далеко в глубь материка, по рекам, каналам, озерам и водохранилищам. И Панамский канал в основном идет по пресноводным водоемам.

А у нас дешевых незамерзающих водных путей тоже нет, в последние годы и замерзающие выходят из строя. Увы, прекратилось движение судов по многим рекам, фарватеры нечищены несколько лет по «экономическим соображениям», то есть из-за правления реформаторов.

У нас всегда пользовались реками и каналами, само рождение нашей нации связано с ними. Русская нация образовалась из довольно разнородных племен, оказавшихся вдоль речных путей из Балтийского моря в Каспийское и Черное, «из варяг в греки и сарацины», и объединенных больше экономикой, чем общим происхождением. Так, Москва оказалась на ее месте в основном потому, что контролировала волок из окского бассейна в клязьминский. Чтобы попасть из Киева во Владимир и Суздаль, надо было из Днепра перебраться в верховья Оки, оттуда войти в Москва-реку (у Коломны), затем в Язу, а в районе Мытищ («Мытищи» означает место, где собирают «мыт» – пошлину), точнее в районе нынешнего города Королев, перетащить ладью в Клязьму. Волок всего около километра длиной был отмечен еще на моей памяти пирамидкой из белого камня на берегу Клязьмы. Другого такого удобного места нет.

Таково же происхождение многих других городов, и все наши города стоят на судоходных реках. И открытие Сибири проходило по рекам. Землепроходцы, начиная свой путь от Устья Великого, спускались и поднимались по рекам, переволакивали свои суденышки, даже через Урал, зимовали, строили новые суда, шли дальше. Эпопея великого движения к Тихому океану труднопредставимая – в истории человечества с ней сравнима разве что экспедиция Магеллана. У нас о ней забыли, и подвижнические труды Г. Маркова по ее описанию малоизвестны.

В 30-х годах у нас начали реализовывать грандиозную систему дешевого транспорта. Была спроектирована система судоходных каналов, которая охватывала всю территорию СССР и должна была доходить до каждого уголка. При Хрущеве идея была похоронена – при нем предпочли жечь топливо, истреблять природные ресурсы.

Но даже если бы у нас существовала всеобъемлющая сеть речного транспорта, перевозки внутри страны были бы дороже, например, западноевропейских, из-за сезонного ритма наших водоемов. Но что об этом сейчас говорить – водных путей у нас мало.

Пока в нашей стране соотношение себестоимости по видам транспорта несколько парадоксально: так, по ценам 1994 года грузовой тариф для морского транспорта – 91,8 руб. за 10 тоннокилометров (ткм), для речного – 152,6 руб., для железнодорожного – 118,8 руб., для автомобильного – 1330,4 руб., воздушного – 6628,1 руб. Железнодорожный у нас дешевле речного – но это связано с тем, что, во-первых, железнодорожный транспорт электрифицирован, а наши внутренние цены на электроэнергию в 10–15 раз дешевле себестоимости (дотируются государством), а во-вторых – речной транспорт не может использоваться эффективно из-за короткого периода навигации и массы проблем с зимовкой флота. Ну и пресловутый ценовой перекос – тяжелое наследие хрущевского волюнтаризма.

В предыдущей главе я утверждал, что наценка на транспортировку сырья, если мы его завозим, невелика, а здесь я говорю, что затраты на транспорт в процессе производства велики. Противоречия тут нет. Привоз сырья или готовой продукции – процедура однократная, а вот в процессе производства, в зависимости от количества переделов исходного сырья, транспортировать большие объемы приходится несколько раз. Сконцентрировать всю промышленность в один компактный регион? Ну, не знаю. В любом случае, если уголь в Воркуте, а железная руда – под Курском, то как их сконцентрируешь?

Транспортные расходы у нас в стране велики, и даже по одной этой причине производство у нас в стране невыгодно.

Есть в невероятной энергоемкости нашей экономики и субъективная составляющая. По резонному замечанию профессора А.И.Уткина (это известный современный историк, а как

раз историки сейчас почему-то лучшие экономисты), наша экономика открылась мировому рынку, не будучи готова к конкуренции. Экономия энергии не вошла у нас в плоть и кровь. Чья в этом вина? Я еще помню, что на кухнях стояли газовые счетчики, в конце 50-х их сняли. Жги – не хочу. Видел я раз, как одного иностранца чуть кондратий не хватил, когда он увидел, что московская семья постоянно держит включенной газовую конфорку ради экономии спичек. Шофер, который на холостом ходу когда-то выжигал «лишний» бензин (бывало раньше и такое!), не скоро научится его экономить.

Помню, попадались и сейчас попадают в газетах насмешки над бережливыми немцами, у которых в подъездах стоят автоматы, выключающие свет, когда жилец входит в квартиру. Над чем смеемся?

Иногда всплывают отдельные заводы с высоким энергопотреблением, вроде бы процветающие и в России. Но почему они процветают? В некоторых, очень редких производствах, энергия расходуется главным образом не на компенсацию сурового климата, а напрямую на производство конечного продукта. Например, алюминиевая промышленность, ныне принадлежащая израильтянам братьям Черным, более-менее работает и сейчас по принципу «толлинга». Это означает, что к нам везут импортные бокситы из Туниса, у нас выплавляют из них алюминий, который затем вывозится. Странная схема (что, трудно в Тунисе завод поставить?), если не знать, что у нас киловаттчас стоит 1–2 цента, а во всем мире – 12–15. Братья Черные просто вывозят даровую электроэнергию! Ведь с точки зрения цены, алюминий – это твердое электричество. А низкая цена на электричество у нас поддерживается искусственно, за счет всей экономики. Черные тут не слишком виноваты, они действуют, как и должны действовать капиталисты, не они, так был бы кто-то другой. Но «толлинг», как и вообще экспорт алюминия, – фактически грабеж нашей экономики.

Кстати, эта история с «толлингом» лишняя раз показывает ситуацию с конкурентоспособностью даже нашего сырьевого производства. Ведь у нас довольно много бокситов – и на Кольском полуострове, и под Волховом, и в Приуралье – и тем не менее более выгодно купить их в Тунисе и привезти на Алтай. Не верится? Ну объясните братьям Черным, что они плохо считали. Только не получится, они на этой странной схеме уже миллиарды сделали.

Примерно таким же образом у нас функционируют производства электростали и аммиака. Аммиак – третья статья в нашем экспорте, после нефти и газа, но ничего хорошего в этом нет. Фактически, при экспорте килограмма таких энергоемких продуктов мы даем впридачу несколько килограммов топлива бесплатно. Русский бизнес!

Пока у нас процветает частная торговля, требование о господдержке низких цен на энергоносители является благоглупостью. Государство будет просто субсидировать хищников-спекулянтов, торгующих на мировом рынке. А такие призывы раздаются, причем и из патриотического стана.

Резюмирую.

В целом по разделу «Энергия и транспорт» производство чего бы то ни было в России не просто невыгодно, а крайне невыгодно. В принципе, дальше можно было бы не считать. Даже производители сырья говорят, что без расходов на отопление их продукция могла бы быть конкурентоспособна, но стоит учесть в себестоимости счета за отопление – и о прибыли можно забыть.

Так что, никто об этом не знал, когда призывал открыться мировой экономике?

Есть такое «золотое правило», или «брита Хеллона» – не ищи злого умысла там, где все объяснимо глупостью. Я потому это говорю, что эта ситуация, похоже, вначале была непонятна некоторым известным реформаторам. Во времена растащивки некоторые приватизировали не нефть, а заводы. А ведь стоило посчитать стоимость отопления заводских корпусов за уральскую зиму по мировым ценам на тепло – и энтузиазма у него поубавилось бы. Инте-

ресно, насколько выгоден Кахе Бендукидзе оказался подарок Чубайса – «Уралмаш»? И это пока у нас цены на тепло еще не достигли мировых.

Правда, есть подозрение, что наши реформаторы на самом деле не являются неумелыми учениками западных менторов. Те с самого начала требовали довести внутренние цены на энергоносители до уровня мировых, а наши упираются до сих пор. Видимо, западные консультанты не понимают особой ситуации в нашей экономике, а реформаторы все отлично понимают. И знают, если бы цены уравнились с мировыми, наша страна давно осталась бы без топлива на зиму. У наших городов не нашлось бы достаточно денег, чтобы купить мазут у нефтяных компаний – ведь города ничего не производят, откуда же возьмутся деньги? Либеральный эксперимент давно кончился бы, а, значит, кончился бы и экспорт. Вот чтобы сохранять экспорт, энергоэкспортеры и делятся теплом с городами!

Налоги

Для простоты назовем все нерыночные издержки, или, как их называют, «прочие затраты», налогами. Это не только «налоги, сборы, платежи и другие обязательные отчисления, производимые в соответствии с установленным законодательством порядком». То есть теоретически налоги – это то, что установлено законом. В законе нет, значит платить не обязательно. Но так ли в жизни?

Чем является какой-нибудь принудительный сбор в какой-нибудь конторе, которую, хочешь не хочешь, руководитель фирмы должен посетить? Закона на его оплату нет, значит, это не налог, но собирает государственная контора, значит это не бандитский побор. Например, местная власть просит о «спонсорстве» – и попробуй откажи. А у нас и налогов хватает – наша страна вообще держит первенство в мире по количеству налогов, хотя их абсолютная величина на самом деле невелика.

Кроме налогов, собираемых на основе государственного закона, в государстве (имеется в виду не только Россия) может существовать еще уйма поборов, расположенных в шкале законности от настоящих налогов до обычного рэкета. Определяют их административные правила, муниципальные акты, в конце концов, местные обычаи. Нарушение их может быть небезопасно, выполнение же наносит ущерб кошельку.

На себестоимость продукции у нас совершенно официально относятся, например, представительские расходы. Раньше, когда это не было законно, выписывались фиктивные премии, суть дела от этого не менялась.

Предпринимателю, в принципе, все равно, как называются те суммы, которые ему приходится «отстегивать» местным властям по местным правилам, ему даже все равно, называется ли адресат этих сумм муниципалитетом или авторитетом.

Но не надо думать, что предпринимателю лучше живется там, где контроль за его доходами не слишком строг и можно уклоняться от уплаты налогов, хотя иногда это называют преимуществом нынешней России перед другими странами. Именно в таких случаях, то есть если предприниматель укрывается от государственных и местных поборов, обычно находятся люди, которые как бы заменяют собой налоговую полицию. Доходит до анекдотов. Один мой знакомый, программист, работая в торговой фирме, удивился, что дотошный ревизор немного странно выглядит и очень часто приходит в офис, подолгу просиживая с бухгалтером за компьютером и просматривая финансовые документы. Оказалось, это ревизор из местной банды.

А вот при четкой государственной системе контроля над коммерческой деятельностью у мафии нет экономического базиса. Там, где настоящие ревизоры жестко проверяют бухгалтерскую отчетность, просто неоткуда взяться оплате бандитской «крыши».

Для утешения сограждан замечу, что мафия в той или иной форме представляет собой неизбежное зло и существует даже в благополучных странах. Даже в индустрии США у них есть экологические ниши: например, вывозом промышленного мусора занимаются отнюдь не

бойскауты. Там, где возможны приписки и сокрытия денежных потоков, независимо от общественного строя, там есть и почва для бандитов. (Традиционно к таким областям относится строительство, особенно дорожное. Причина именно та, что проверить объемы работ государственным контролерам в некоторых видах производства труднее, чем в других. Подрядчик показывает площадку и говорит, что выкопана вот такая яма и засыпана щебенкой. Вообще говоря, нелегко проверить такие утверждения с точностью до процентов.)

Так ниже у нас издержки этой группы или выше, чем в мире? Этот пункт нашего бизнес-плана наиболее труден для определения. Но можно с высокой степенью достоверности предположить, что не ниже. Во всяком случае, я не слышал ни от кого, что объединенный налогово-криминальный пресс у нас легче, чем в других странах. Такова, во всяком случае, была ситуация в период реформ, с 1991 года до бесславного краха 1998 года.

Но проведем один мысленный эксперимент. Предположим, мы провели «правильные» реформы и установили лучшую в мире налоговую систему. Или, если у вас другие взгляды, предположим, что к власти пришли настоящие коммунисты и тоже установили лучшую в мире налоговую систему. Прикинем, будет ли у нас в этом случае выигрыш по налогам перед другими странами. Есть ли резерв для налоговых льгот? Ведь когда говорят о «создании благоприятного климата для инвестиций», обычно имеют в виду снижение налогов. Можем ли мы брать самые низкие налоги в мире?

Конечно, теоретически можно избавиться от налогов вообще, но как бы мы ни радели за интересы предпринимателя, надо хорошо понимать, что страна без государственного аппарата, минимальной инфраструктуры и хотя бы полиции не представляет интереса для инвесторов. А ведь эти вещи существуют только благодаря налогам! Кроме того, есть еще налоги на социальные цели, на оборону, на экологию.

Конечно, для инвестора более привлекательны страны, в которых нет профсоюзов и левых партий, и трудящиеся не требуют лишнего, вроде оплачиваемых отпусков и социального страхования, и о сохранении природы никто не беспокоится, но какие-то налоги все равно неизбежны. Ведь если не хочешь платить лишнего рабочим, то придется оплатить и военную диктатуру, и «эскадроны смерти», которые только и могут обеспечить столь райский инвестиционный климат. В период подготовки Аргентины к управлению Международным Валютным Фондом (80-е годы) там бесследно исчезло несколько тысяч человек – профсоюзных лидеров, врачей, учителей, адвокатов. Бесплатно такие вещи не делаются.

Куда идут налоги в настоящем рыночном государстве? Это армия, государственный аппарат, содержание всяких национальных символов, типа царствующей династии, воронов Тауэра или всенародноизбранного президента.

Пусть даже образование и медобслуживание в расчет не принимаем. Предполагаем, что у нас рынок, все это не за счет бюджета, а платное. В некоторых странах предприятия практически не платят в социальные фонды. Ну и что? В этом случае соответствующие расходы идут по статье «зарплата». Люди же все равно лечатся и уходят на пенсию, если не считать «идеальных» для инвестора стран, вроде Чили, где Пиночет после переворота пять лет не платил пенсий.

Так вот будут ли в «идеальной России» государственные расходы ниже, чем в других государствах мира? Ох, вряд ли.

Можно ли считать, что армия стоит везде одинаково? Известно, что оружие, обмундирование и рационы в «полярном» исполнении существенно дороже обычных. А что такое «полярное»? Во всем мире так называют то, что пригодно для условий России. В обычном бундесверовском спальном мешке я почти дал дуба, ночуя в Подмосковье на природе в середине мая. Японские военные за службу на Хоккайдо получают тройной оклад, за суровость климата. А по нашим понятиям, Хоккайдо – субтропики. Так что только за счет ватников наша армия будет подороже.

А можно ли обойтись совсем без армии, если не гоняться за «глобальными интересами»? Некоторое время можно, если считать, что все вокруг дураки, а мы одни умные – у всех армия есть, а у нас нет.

Такое умонастроение будет недолгим. К нам много претензий и у соседей, и у довольно далеких стран. Причем претензии предъявляются к самым продуктивным землям, к самым ценным участкам территории, акватории и шельфа, к стратегически важным пунктам.

Если нет армии – нет и неисчерпаемых природных ресурсов. Почему московские интеллигенты считают, что рыба Охотского моря, или золото Колымы, или нефть Южного Сахалина, или леса Карелии принадлежат им? Чем обосновывается эта уверенность? В мире есть люди, готовые задать такой вопрос, и такой вопрос будет поставлен. Этот мир довольно жесток к слабым.

А что касается нашего госаппарата, то вряд ли он у нас обходится дешевле по сравнению с другими странами. Я уж не буду конкретизировать.

И вернемся к пенсиям, хотя это будет трудное и неприятное замечание. Несмотря на то, что продолжительность жизни у нас мала, тем не менее, численность пенсионеров по сравнению с работающими у нас очень высока, выше, чем даже в развитых странах Запада. Не буду делать никаких выводов, но не сказать об этом нельзя.

Кстати, за счет небольших налогов нельзя будет и содержать самую большую в мире армию врачей и учителей. Придется переходить на количество «койко-мест», соответствующее мировым, точнее, «третье-мировым» стандартам.

Вопрос об уровнях налогов в нашей стране можно поставить по-другому, еще и так: как мы, с нашими-то государственными долгами, можем добиться более низкого уровня бюджетных расходов по сравнению с другими странами? Разве не из бюджета нам придется платить долги и проценты по ним? А из чего бюджет-то формируется, не из налогов разве?

В общем, мы вместе с потенциальным инвестором, хоть и несколько субъективно, но уверенно заключаем, что по налогам и другим нерыночным издержкам в России выигрыша ожидать нельзя.

Зарплата

И последняя составляющая расходов на производство – это зарплата наемного персонала.

Говорят, что наша рабочая сила дешевая и квалифицированная, и вот тут-то наша козырная карта. За счет рабочего и инженера, согласного работать за гроши, и вырастет новая Россия!

Попробуем разобраться.

Квалифицированная? Будем считать, что да. Была. За десять лет плюрализма, согласитесь, произошла определенная деквалификация, а новых рабочих никто не научил. Чему хорошему могут научить демократы?

А что дешевая – давайте-ка поподробней.

Считается, что зарплата в России низкая. А так ли это? Насколько она ниже среднемировой?

Увы, доступная информация ненадежна. В справочниках Госкомстата есть раздел «международные сравнения», там сравниваются даже «надой молока на одну корову» в разных странах, а вот «среднюю зарплату работника промышленности» не узнаешь. Видимо, для Госкомстата человек – не корова, что в каком-то смысле верно. Есть «средний доход» – весьма сомнительный параметр. Сколько рабочему в час платят, вот что нас интересует, ведь инвестор будет рабочих нанимать, а не только киллеров и «новых русских».

Но вот слышал, что представитель фирмы Самсунг в России получает якобы существенно больше, чем сравнимый по рангу менеджер той же фирмы у себя на родине. Почему? Если платить, как в Южной Корее, у нас в стране немного найдешь желающих работать представи-

телем фирмы. Ничего себе. Значит, мы – богачи? Странная история. Как ее проверить? Ведь в конвертик с долларами, который традиционно получают сотрудники инофирм, не заглянешь. Нет, конечно, если проверить официальные платежные ведомости, с которых рассчитываются налоги, то зарплата у наших фирмачей еще до 17 августа 1998 года была нищенская.

По официальным данным в начале реформ средняя зарплата в стране была около 5 долларов, а затем, с 1993 по 1998 год колебалась, грубо говоря, в районе 100 долларов. Эти цифры не учитывают, с одной стороны, невыплат, а с другой – этих самых «конвертиков», то есть утайки выплат от налогов и, естественно, от статистики.

Во многих странах-производителях «товаров народного потребления» (Юго-Восточная и Южная Азия, Латинская Америка) вполне приличной считается почасовая оплата 20 центов в час. Это примерно 40 долларов в месяц. Мало? Почему же? Ведь это три наших «минималки» (до 98-го года)! Для китайской швеи 40 долларов очень даже неплохо. Квалифицированный служащий, например, бухгалтер небольшой фирмы в Южной Азии, может получать 120 долларов, и это нормально. К началу «аргентинского чуда» зарплата строительного рабочего в Буэнос-Айресе упала до 20 долларов, и в ходе реформы Кавальо она не индексировалась. Вот к такой зарплате и инвесторы потянулись!

Надо только учитывать, что по азиатским традициям работники главных сборочных конвейеров известных фирм могут получать на порядок выше рабочих фирм-субподрядчиков, но такой «рабочей аристократии» немного даже в Японии, а именно их зарплатой лет десять назад и козыряли.

У нас зарплата в промышленности отличалась, в зависимости от того, в какой отрасли выплачивалась. В нефтяной, электроэнергетической, металлургической была побольше, 200–300 долларов, в швейной – около 60. Это я привожу данные за 1993–1998 годы. Последнее «докризисное» значение средней зарплаты за май 1998 года – 160 долларов.

Так что зарплата у нас, там, где ее платили, была не ниже, а выше среднемировой. И это неизбежно. Ниже она и не может быть, так как не обеспечит в наших условиях физического выживания, просто не хватит на отопление, теплую одежду и питание. А ведь у нас цены на коммунальные услуги пока что ниже мировых раз в пять – десять! Если их учесть, то средняя зарплата горожанина у нас, можно сказать, выше еще раза в два-три!

Сейчас «денежная составляющая» зарплаты у нас упала почти до уровня «третьего мира» – за май 1999 года – 70 долларов. Возникла ли для инвестора благоприятная ситуация? Да, но ненадолго. Впереди маячит более серьезный кризис потребительского рынка – рублевые цены на ликвидные товары должны подпрыгнуть до мировых уровней. Литр бензина, батон хлеба и 7 киловатт-час электроэнергии должны стоить доллар. Мы не потянем такие цены с «третье-мировой зарплатой». Сейчас и должно решиться – мы в мировом рынке или выходим из него. МВФ агитирует за первое (написано в мае 1999 года).

Но откуда же взялся миф о «низкой цене рабочей силы в России»? Выскажу предположение – излишняя информация об уровнях зарплаты в производящих странах третьего мира могла повредить пропаганде реформ. Так сказать, «грамота фраеру вредна». До нас доводилась лишь зарплата американского рабочего.

Почему этот миф так популярен у нас?

Во-первых, кто же согласится, что он много получает? Да нет такого человека! Все, от уборщицы до генерала, считают, что ему платят мало.

Во-вторых, в силу ряда причин у нас принято ориентироваться на зарплату в «развитых странах Запада».

Но США, Япония, Западная Европа, Израиль – это «золотой миллиард». Мы-то туда не входим!

То, что получает (пока) европейский и североамериканский рабочий – это не экономическая категория, не плата за его рабочую силу, это нечто другое. По смыслу это ближе к таким

вещам, как, например, денежное содержание английской королевской семьи. И когда «социальная база реформ» пускает слюни и сопли по поводу «зарплаты в Америке» – это грустное и смешное подобие осла перед морковкой. Мечты нашего рабочего получать западную зарплату несколько сходны с мечтами стать английской королевой, вероятность таких событий одинакова.

И еще интересный момент.

При попытке сравнить нашу зарплату в производящих отраслях с аналогичной зарплатой в США сталкиваешься с некоторыми странностями. Не с чем сравнивать!

Не с чем сравнивать зарплату нашей швеи – в Штатах почти ничего не шьют. Американские джинсы шьют в Таиланде.

Нельзя узнать, сколько получает американский сборщик радиоэлектронной аппаратуры – вся электроника производится в ЮВА.

А какова зарплата американского оружейника? Трудно сказать, ведь «Ремингтоны» и «Моссберги» уже давно собираются в Бразилии и Мексике!

Ну хоть сколько сейчас получает оптик с завода «Практика», известного нам по бывшей ГДР? Увы, фотоаппараты «Практика» собирают теперь на Тайване.

Не буду объяснять почему, но зарплата американского рабочего это не совсем зарплата, это, скорее, доля от эксплуатации всего мира. Она определяется не только и не столько рынком, но и, как говорится, административно-командным способом, то есть законом. По-моему, это что-то вроде 6 долларов в час. В любом случае нам ее не видать, и потенциальный инвестор ориентируется на среднемировую цену рабочей силы, а не на зарплату в США. Все-таки Америка правит миром. Должно же это в чем-то выражаться для ее граждан!

Самое же существенное то, что Америка не является сейчас мировым производителем ширпотреба. Не потому она богата сейчас, не благодаря производству. Если бы в современной модели экономики наиболее прибыльным было непосредственное производство, то самыми богатыми людьми в странах Запада были бы слесари и токари. Но это, как вы догадываетесь, не так.

Вот это главная причина, почему процветают в том числе и страны, близкие к нам по неблагоприятным условиям – Канада, Швеция. Не за счет производства живет хорошо западный мир!

Мы же, открываясь мировому рынку, не собирались побить Запад в банковском бизнесе? Не Голливуд же собирались разорить фильмами Сокурова и Муратовой? Мы же хотели достичь конкурентоспособности именно в производстве.

Так вот, даже если мы интегрируемся в мировую экономику, мы не можем рассчитывать на уровень зарплаты, принятый в западных странах и Японии. Мы должны смотреть на зарплату в Пакистане, Индии, Бразилии, Аргентине. Причем это не касается бюджетников – в этих странах бюджетников гораздо меньше, чем у нас. На что будут жить наши врачи и учителя, если мы перейдем в мировую экономическую систему, я даже и не скажу. Такого количества врачей и учителей, к которому мы привыкли, не будет.

Чтобы вопрос с зарплатой был совсем ясен, углубимся немного в мысленный эксперимент.

Нельзя сказать, что рабочей силы в мире сейчас не хватает. Хватает, даже еще остается. Так вот представим себе, что рабочие из разных стран, готовясь к конкурсу на освободившееся рабочее место, прикидывают, до какого уровня они могут торговаться с работодателем, снижая свои запросы.

Естественно, им придется посчитать свои расходы, а так как рынок мировой, то и цены на потребности будут мировыми. А вот набор потребностей будет отличаться, и рабочий из России с ужасом увидит, что его совершенно необходимые потребности чрезвычайно по мировым меркам велики.

Той зарплаты, на которую согласен и может прожить среднемировой промышленный рабочий, в наших условиях не хватит не то что на расширенное, но и на простое воспроизводство рабочей силы. В переводе с марксистского речекряка это означает, что нашему рабочему среднемировой зарплаты не хватит не только, чтобы вырастить детей, но и чтобы прокормиться самому.

Ведь что такое зарплата?

Это для наемного работника все – еда, одежда, жилье, образование, лечение, отдых. И это предприниматель должен ему обеспечить. Что минимально нужно, скажем, малайцу? Сандалии, трусы, рубашку, бейсболку. Крышу от дождя. Когда чувство голода становится нестерпимым – сникерс. Ну и семье тоже. А россиянину? В придачу к вышеперечисленному еще штаны, телогрейку, шапку и т. д. А это дороже. И питание. Трагизм ситуации в том, что россиянин много ест.

Даже средний рацион россиянина (татарина, русского, осетина) существенно дороже среднемирового. Белка мы должны потреблять столько же, сколько любой человек, а жиров и углеводов – существенно больше, примерно втрое. Климат, знаете. Вообще-то о структуре питания в России и остальном мире хорошо говорится в книге Ю. Мухина «Наука управлять людьми».

Низкие температуры вызывают усиленное потребление продуктов. Когда Фидель Кастро вернулся на Кубу из первого визита к нам, он делал шестичасовой доклад, из которого кубинцев больше всего поразил факт, сколько мы едим, особенно мучного. Килограмм хлеба и мучного в день! Немыслимо! А тем не менее, это факт – столько было заложено в рацион советского солдата, и он в советские времена реально потреблялся. Для справки, солдатский рацион – чуть меньше 3 кг в день, из них мучные изделия и крупы – 1 килограмм, и столько же овощи и картофель.

По свидетельствам знающих людей, того, что при возможности съедает средний русский, семье из Южного Китая хватит на неделю. Даже такой момент – в ЮВА народ помельче, для точных работ производительность та же или выше, а еды потребляет меньше.

К сожалению, несмотря на обилие статистических данных по этому вопросу, приходится предполагать, что приводимые официальные данные малодостоверны. Так, в справочнике-ежегоднике Госкомстата за 1995 год, в разделе «Международные сравнения», приводятся такие цифры, что итальянцы едят больше русских. Очень сомнительно, ведь вспомните – на отдыхе в Крыму есть-то совсем не хочется, а Крым куда суровей Италии. Скорее методика подсчета в разных странах разная.

В советские времена в России ели в три раза больше сливочного масла, чем американцы. Это не значит, конечно, что американцы едят мало, много зависит от культуры питания. По голливудским фильмам может показаться, что американские женщины все поголовно как манекенщицы, тем сильнее шок побывавших в Америке наших граждан. Первое, что потрясает – сколько же там толстух. Впрочем, не обязательно ездить в США – посмотрите телепередачу «Телефон спасения 911», где снимаются реальные люди, а не силиконовые куклы, и оцените габариты настоящих американок. Американцы питаются с большими излишествами. Впрочем, мы же говорим о рабочих в промышленном производстве, а мы знаем, что промышленное производство сейчас не в Америке.

Кстати, возвращаясь на минутку к одежде. Я тоже думал в советские времена, что телогрейка – самая дешевая одежда, чего там, от 7 до 12 рублей. Думал я так до тех пор, пока мне в руки не попал шведский каталог туристского снаряжения, на немецком языке, с ценами на каждый предмет. Перевожу раздел про спальные мешки – и не пойму, может с переводом напутал? Оказывается, мешки с х/б крышкой дороже нейлоновых очень существенно. Самые дорогие – у которых х/б ткань и снаружи, и изнутри. Оказывается, хлопок – очень дорого. Опять-таки, из того, что у нас вата была дешева, отнюдь не следует, что издержки на получение хлопка у нас

были невелики. Все стоит столько, сколько стоит, если цена была занижена, значит издержки компенсировались из бюджета, то есть отнимались у других производителей.

Совершенно неизбежная статья расходов россиянина – это жильё.

Русские по сравнению с остальным миром живут в более дорогих, хоть и менее комфортабельных домах. Показывали поселок в Таиланде обычные железные транспортные контейнеры поставлены на столбах, под контейнером – стоянка для автомашины. Проведен свет и телефон. Живи – не хочу!

Ну сколько стоит такое жильё? Недорого. А наше – даже северный барак – гораздо дороже. Мы не знаем этого, потому что за наши квартиры мы платим неосознанно. Точнее, считается, что платит государство, но на самом-то деле все равно платим мы.

Это в советской модели экономики можно было за квартиру не платить. У меня сложилось впечатление, что у нашего потенциального инвестора такое просто не укладывалось в голове, и, оценивая стоимость жилья для рабочих, он на такую ситуацию «не закладывался».

Пока что люди у нас кое-как дышали, так как на коммунальные услуги была дотация, и топливо в стране было относительно монополизировано. Именно эти защитные механизмы и требовал разрушить МВФ, но на это не решился даже Чубайс.

А что для нас значат коммунальные услуги?

Вот тут необходима цитата из статьи профессора В. Клименко «Россия: тупик в конце тоннеля?», «Общественные науки», N 5, 1995 год: «Чем холоднее климат и чем больше территория страны, тем выше уровень удельного потребления, обеспечивающий жителям данной страны приемлемые условия существования».

Размер территории, на мой взгляд, тут совсем ни при чем, в этом я профессора Клименко не понимаю, а вот плотность заселения территории, конечно, влияет. Но что касается холода, то тут все верно.

Если в странах с почти идеальным климатом (к ним относятся, например, Иордания, Кипр, Таиланд, Малайзия, Зимбабве) расходуется на создание «единицы комфорта» одна «единица энергии», то в других странах удельный расход выше. Насколько?

Оказывается, в Мексике – в 1,6 раза, в Южной Корее, Японии, Австралии, западноевропейских странах – от 2 до 2,5 раза, в США – в 5 раз, в России (обитаемая часть) – в 8 раз. (Числовые выкладки сделаны мной по данным профессора В. Клименко.)

Правда, для США коэффициент, возможно, рассчитан для всей территории, а значит, несколько завышен – население и производство там сосредоточено на двух побережьях с мягким климатом (океаны не замерзают). В центре и на севере, а тем более на Аляске, плотность и того и другого невысока, то есть реальный коэффициент, видимо, значительно ниже. То есть на самом деле удельный расход энергии в хозяйстве США – как в западноевропейских странах. Естественно: Нью-Йорк и Вашингтон – это почти субтропики (под Вашингтоном хлопок растет), а Лос-Анджелес – почти тропики.

Действительно, у россиянина в список необходимых расходов входит еще и 7-месячный отопительный сезон. Никто ведь у нас не знает, сколько гигакалорий расходуется на обогрев его квартиры, и сколько стоит эта гигакалория. Но скажу, что даже для европейца то, что мы расходует на отопление – чувствительная сумма, а для промышленного рабочего «третьего мира» – целое состояние. На отопление жителя Москвы расходуется в год 4 тонны условного топлива. Бог его знает, сколько стоит в Европе или Сингапуре тонна условного топлива, но если приравнять к цене отопительного мазута, то это не менее 2000 долларов на семью из 4 человек – как раз зарплата всей семьи из «третьего мира». В наших городах не редкость и горячее водоснабжение – в отличие от всего мира.

А вот спросите любого человека, который ездил туристом или в командировку в Голландию или Бельгию – они подтвердят, что в зданиях там вообще не предусмотрены системы отопления. В Австрии и Баварии – есть, и, обязательно – с регуляторами на батареях, чтобы не

платить лишнего. Это при том, что в Баварии в апреле расцветают магнолии, хоть это и горная страна. На что спорим – не знали про магнолии?

То есть стоимость жилья и коммунальных услуг в нашей стране чрезвычайно по мировым меркам высока, если считать ее точно, учитывая, что пока за нас платит государство. Да, мы можем согласиться на меньший уровень комфорта, чем американцы. Но тут нет линейной зависимости, в этом данные профессора Клименко не совсем точны. Он считает, что чем меньше потребление энергии, тем ниже уровень комфорта. Но у нас не так. Есть такой минимум комфорта, за которым в наших условиях следует сразу смерть. Хотим мы или не хотим, мы вынуждены расходовать довольно много энергии.

Как только пища и отопление жилищ пойдут по мировым ценам все сразу станет ясно нам так же, как это с самого начала было ясно потенциальным инвесторам.

То есть зарплата наших людей всегда была по мировым меркам довольно высока, доказательством этого служит тот факт, что они живы. Простое выживание в наших условиях дорого стоит.

Поэтому из наших зарплат остается меньше на маленькие радости жизни – автомобили, круизы, дорогую бытовую технику... но что сделаешь, мы, в отличие от пакистанцев, слишком много тратим энергии.

У нас все еще любят сравнивать себя с западноевропейцами и американцами. Вот в Америке рабочий получает больше!

Да, там рабочий получает больше. Потому что по праву рождения входит в «золотой миллиард», потому что тамошний буржуй уже сто пятьдесят лет как пуган Марксом, а потом и Советской Россией, и платит поэтому своего рода добровольный налог на социальный мир. Но, кстати, буржуй есть буржуй, и не в последнюю очередь из-за стоимости рабочей силы производство перемещается в развивающиеся страны. Например, американцы уже заметили, что с производством у них не все ладно, и собираются брать дополнительные налоги с фирм, переводящих производство из США. Сам процесс перемещения производств в более выгодные регионы получил на Западе наименование «глобализации экономики».

В общем даже если наш рабочий будет для буржуа выгоднее английского (а это вряд ли), то уж перед малайским никакого выигрыша, мягко говоря, нет. Конечно, наш рабочий может урезать свои запросы, но не ниже определенного прожиточного минимума. А у нас другой минимум, чем на Филиппинах! Житель фавел с окраины Рио может предъявить работодателю более выгодные условия, чем Саша с Уралмаша.

Чтобы победить жителя «третьего мира» в конкурентной борьбе за рабочее место, наш рабочий должен согласиться на месячную зарплату, эквивалентную одной заправке бензобака высокооктановым бензином!

Так что наш рабочий в конкурентной борьбе за рабочее место, конечно, проиграет рабочему из ЮВА и Латинской Америки. Я подскажу еще кое-что, известное, но не акцентируемое. Рабочий в Западной Европе и США уже давно проиграл в этом соревновании. Но так как он «свой», то ему нашли другое занятие, не связанное с производством. А нашему нового занятия никто и не собирался искать.

Но тс-с-с! Никто не должен об этом знать. Реформы еще не кончились.

Правда, в 1998 году и рабочий из ЮВА оказался в значительной степени не нужен. Но это совсем другая история.

Доказательство

Итак, из пяти составляющих общего объема затрат на любое производство в условиях нашей страны две (сырье и нерыночные изъятия) – не ниже среднемировых, а три (капитальные вложения, накладные расходы и минимально необходимая зарплата) – существенно, в несколько раз, выше.

Поэтому в условиях свободного перемещения капиталов ни один инвестор, ни наш, ни зарубежный, не будет вкладывать средства в развитие практически ни одного производства на территории России. И дело не в отсутствии патриотизма у наших капиталистов, а также жуликов и коррупционеров – я вполне допускаю, что они горячие патриоты – дело в законах экономики, ориентированной на прибыль.

Никаких инвестиций в нашу промышленность нет и не будет. То есть каждый буржуй понимает, что значительная часть его денег, вложенная в российскую промышленность, будет потрачена просто на борьбу с неблагоприятными условиями, без всякой пользы для конечного продукта. Если этого не понимает инвестор, то понимает банкир, дающий инвестору кредит и проверяющий его бизнесплан. А что бывает с промышленностью без инвестиций, мы знаем.

«Хотят русские жить в холодильнике – пусть живут. Причем тут мои доллары?» – так думает наш буржуй, и он абсолютно прав. И напрасно ждать, что вывезенные из России капиталы (по-русски говоря, краденое или выручка от продажи краденого) вернутся в Россию. Это может произойти разве что под конвоем, а наш конвой туда не пустят.

Конечно, мы вольны выбирать экономическую модель развития общества, что и сделали несколько лет назад. Но при этом мы должны были хорошо представлять, что значительные отрасли нашей экономики (вся обрабатывающая промышленность, все товарное сельское хозяйство, большая часть сырьевой) попадут при вхождении в мировое экономическое пространство под уничтожающий удар действующих там экономических законов. Почему не представляли? Это отдельный вопрос.

И ведь не поспоришь. А если у нас кто-то захочет поспорить, спросим для уточнения диагноза – согласен ли он лично жить и работать в здании из кровельного железа без отопления, на работу ездить в шортах и безрукавке, а рацион чтобы был как у вьетнамца на его родине (проконсультируйтесь на ближайшем вещевом рынке).

Если согласен – значит демократ в российском смысле этого слова, т. е. сторонник свободного мирового рынка (в остальном мире эти идеи называют либеральными). Если задумался и начал дополнительные вопросы задавать – не безнадежен. Насчет демократа я ничуть не ерничаю. Сам читал весной 1996 года, перед президентскими выборами, интервью с каким-то пенсионером, который, фактически умирая с голоду, собирался голосовать за демократов. То же будет и в 1999-м, и в 2000-м. Такая самоотверженность, доходящая до идиотизма и даже далее, свойственна части нашей «интеллигенции», о чем как-то рассказал С.Кара-Мурза в одной из своих публикаций. Но в качестве долговременной основы функционирования экономики приверженность демократическим ценностям не годится, так как человек без пищи не проживет даже 500 дней.

Путаница в понятиях пошла с первых перестроечных лет, когда отдельные предприятия прорывались со своей продукцией на мировой рынок, как те же шахтеры. Поди плохо – квартплата коммунистическая, лечат-учат коммунисты, транспорт, электроэнергия и лес – коммунистические, а уголь буржуйам за доллары. Нужен был буржуйам тот уголь им нужно было Союз развалить – да разве можно было тогда объяснить? Тогда в массовом сознании зарплата слабо ассоциировалась с квартирой, садовым домиком, поликлиникой, школой, отпуском на море. Почему-то считалось, что это отдельно от зарплаты. Знали, что при рынке баран даром не чихнет? Знали. Но как-то не понимали. Ничего, это лечится, хотя и небезболезненно.

Каковы же следствия из этой теоремы? Если теорема горька, то и следствия не слаще.

1. Утверждения о том, что «инвесторы уже стоят в очереди» либо свидетельство о профнепригодности, либо наглое вранье.

2. Обещания «создать благоприятный инвестиционный климат» в условиях свободного мирового рынка реальной почвы не имеют, если только обещающий не собирается направить Гольфстрим по Севморпути.

3. Жизнь из нашей экономики и общества будет уходить по мере износа инфраструктуры и основных фондов, донашивания и проедания запасов. А каждый появившийся у нас доллар немедленно побежит туда, где он сможет получить прибыль. Уцелеют только сырьевые предприятия, и то. далеко не все.

Если говорить без скидок, то данное доказательство, не являясь абсолютно точным, в принципе отражает реальность. Конечно, свободного мирового рынка нет, это пропагандистский миф, реальный мировой рынок не свободен, отрегулирован, но не нами. Нам-то с того какая польза?

Те, кто его регулирует, делает это в своих интересах. Никто не будет нам приплачивать за климат, растянутые коммуникации и отсутствие незамерзающих портов.

И небольшое пояснение. Нигде в тексте вы не найдете указаний, что теорема верна только для частных предприятий, а государственные обладают иммунитетом. Судьба «Уралмаша» и под руководством красного госдиректора, и Кахи Бендукидзе будет совершенно одинаковой. Другое дело, что предпринимателю проще, грубо говоря, продать в случае чего станки на металлолом, рабочих на колбасу и смыться на Канары...

Один мой знакомый советует: «прежде чем высказаться, подумай, а не дурак ли ты». Он, конечно, прав, но как проверить правильность мысли, на чей авторитет опереться? На мнение людей, по какому-то недоразумению именуемых «нашими ведущими экономистами»?

Да это просто опасно. С зарубежными тоже не все ладно, у них тоже свой интерес. Но некоторые подтверждения есть.

Очень давно во время визита к Горбачеву Тэтчер обронила фразу, которую перевели примерно так: «британские бизнесмены хотели бы инвестировать в российские горнодобывающую и лесобрабатывающую отрасли промышленности». Если бы переводчик озаботился смыслом этого высказывания, то непременно бы добавил: «а о вложениях в другие отрасли они и думать не собираются». И действительно, стоит понаблюдать за ситуацией, и эти слова полностью оправдываются.

Общий объем западных инвестиций в производство за весь период плюрализма – от 5 до 7 млрд. долларов. Да хотя бы и 10! Для нашей экономики это мизер.

Правда, некоторые вложения есть. Но чтобы не затуманивать реальной картины, с ними надо разобраться.

Во-первых, создаются предприятия, даются деньги с целью уничтожения ракет, боеголовок, бронетехники, сокращения нашего военного потенциала и создания системы контроля над ним, в частности под видом «конверсии» происходит выведение из строя объектов военной промышленности.

Во-вторых, под видом «инвестиций» идет скупка сырьевых ресурсов из уже созданных горнодобывающих предприятий. Как правило, сразу видно, что инвестиции эти рассчитаны не на десятки лет, а на два-три года – так, снятие сливок.

В-третьих, имеются вложения (крайне небольшие), внешне похожие на инвестиции для развития производства. Они ориентированы на вывоз ранее созданных материальных ценностей, на прекращение деятельности конкурирующих предприятий и на эксплуатацию пока действующих основных фондов.

Так вот, если откинуть от и без того мизерного объема вложений «инвестиции» этих трех видов, то останется тот самый шиш, который и должен был остаться.

Я сознательно не принимаю в расчет инвестиции в некоторые специфические виды промышленности, а именно табачную и алкогольную. Дело в том, что это не совсем промышленность. Испокон веков государства мира пополняют свои бюджеты за счет «налогов на пороки», так как прибыль от торговли сигаретами и водкой – это живые деньги. Оцените разницу: налоги надо собирать, а тут народ сам деньги несет! В свое время тот флот, что японцы утопили при Цусиме, был целиком построен на деньги от винной монополии государства.

И вот сейчас табачная промышленность скуплена тремя гигантскими концернами – Ротманс, Филип-Моррис и БАТ. Эти фирмы любезно согласились собирать «налог с порока» с российских граждан в свою пользу, ценой установки нескольких технологических линий по набивке сигарет.

Причем ну никак нельзя сказать, что производится конкурентоспособная продукция. Она вся предназначена для нашего внутреннего рынка, прибыль будет конвертирована в валюту и вывезена из страны. Что реально получим мы? Рак легких. И никакая это не наша продукция – это просто фасовка импортного табака.

То же самое с пивом. Скандинавский концерн «Болтик си» производит у нас пиво «Балтика», опять-таки, в конечном итоге уменьшая наши валютные резервы. Это касается и многих других пивзаводов, как бы патриотично ни звучали названия сортов. И, кстати, ячменный солод, хмель или иногда пивной концентрат – тоже импортные. И спирт для России делают фактически алкогольные напитки, а не пиво.

Есть еще займы, кредиты... Заинтересованные лица упорно называют их «инвестициями». К экономике это отношения не имеет, разве что со знаком минус. Займы ведь надо отдавать! А инвестиции – это не займы! При инвестиции буржуй рискует своими деньгами! А при займах его деньгами рискуем мы! И его деньги мы обязаны вернуть с процентами в любом случае, независимо от судьбы инвестиционного проекта.

Во что же выльется эта тенденция? Например, какое население сможет жить на территории России в условиях рынка? Сколько рынок сможет просто прокормить? Западные оценки разнятся – от 15 до 50 миллионов. Такие цифры иногда шокируют, а тем не менее никакой ереси в них нет. Ведь чтобы закупать продовольствие на нынешнее население за счет экспорта нефти, ее производство надо увеличить в 6–7 раз. Возможно ли это? Нет, конечно. Пропускная способность «трубы» 125 млн. тонн, и строили ее всем Союзом. Кто возьмется за такую стройку сейчас? Даже смешно спрашивать, ведь даже Туркмении западные эксперты порекомендовали не тянуть свой нефтепровод, а подключаться к российскому.

А почему придется переходить на покупную еду? Да потому что для сельского хозяйства действует аналогичная горькая теорема N 2.

Так что если увеличить сырьевой экспорт нельзя, то откуда взялись в докладе Тэтчер цифры о населении, понятно. Остальным просто на сникеры не хватит. Кстати, цифры (увеличение экспорта нефти в 6–7 раз) верны только в том случае, если выручка от него останется в стране.

Реально рассчитать численность «рыночного», или «экономически эффективного по Тэтчер» населения просто – это численность занятых в горнодобывающем и лесохозяйственном комплексах плюс услуга соответствующей инфраструктуры. Плюс их семьи. Управление этими комплексами вряд ли будет осуществляться с территории России, хотя бы просто из-за дороговизны проживания управленцев.

Вот они, те самые 15–20 миллионов жителей бывшего СССР, чье проживание на нашей территории экономически оправдано! Вот о чем говорила Тэтчер! Наш народ и мировой рынок промышленного капитала несовместимы. Либо одно, либо другое. Призывая наших лидеров в личных беседах открыться мировому рынку, у себя они говорили правду. Практически не скрывалось, что наша экономика погибнет. Чем руководствовались наши руководители того времени (не один Горбачев), что им говорили их референты – Бог знает.

Достаточно было хотя бы просматривать в 80-х годах популярные журналы, типа «Тайм» или «Ньюсуик», чтобы понять настоящее мнение «мировой общественности» о перспективах нашей страны, когда мы приведем нашу экономику к мировым стандартам.

Неспроста в последние годы мы практически изолированы от источников информации из-за рубежа, в чем-то даже сильнее, чем в 70-е годы. Нет вещания всемирной сети новостей CNN, нет в продаже иностранных журналов и газет. Настоящий железный занавес. Что гово-

речь, если даже пропагандистское вещание на нашу страну практически прекратилось. Даже журнал «Америка» закрылся, как выполнивший свою задачу. Но, судя по крохам входящей информации, за ситуацией у нас следят внимательно и оценки довольно трезвые.

Какова же перспектива нашего рыночного хозяйства, «интегрированного в мировую экономическую систему»? Временные рыночные структуры, созданные для вывоза стратегических запасов, уже практически отмерли, горнодобывающая (конкурентоспособная), тоже не вечна, ей осталось лет с десятков, а вот лес будет расти практически всегда, так что посчитать просто.

Судьба же нерыночного населения не обязательно трагична. Те, кто смогут, вернуться к натуральному хозяйству. И это немалая часть населения. В начале 20 века нерыночное население России составляло несколько десятков миллионов человек и даже платило налоги зерном и солдатами. Так что вымрут, быстро или постепенно, только крупные и средние промышленные и политические центры, что с рыночной точки зрения совершеннейшие пустяки.

Этого мы хотели?

Причем – обратите внимание – такая судьба ждет нашу страну после подключения к мировому рынку любым способом. И если мы войдем в него сами в виде независимого государства, и если мы будем завоеваны «культурными» и «цивилизованными» нациями. В отношении наших перспектив вхождения в эту модель экономики оба наших политических крыла – демократы и патриоты – делают одну и ту же ошибку. Они считают, что это вхождение возможно, вся разница в отношении – демократы считают, что это желательно, а патриоты – что нежелательно.

Патриоты пугают народ, что мы будем сырьевым придатком, а демократы намекают, что и сырьевым придатком, и, возможно, еще и сборочным цехом.

Но дело-то в том, что это невозможно! Мы не можем стать ни сырьевым придатком, ни сборочным цехом! После исчерпания уже разработанных и обустроенных месторождений они будут заброшены. Никто не будет осуществлять «северный завоз» на ту территорию, которая когда-то была Советским Союзом – у нас нет ничего, что могло бы этот завоз окупить.

Итак.

Любое производство на территории России характеризуется чрезвычайно высоким уровнем издержек. Эти издержки выше, чем в любой другой промышленной зоне мира. Простейший анализ затрат на производство по статьям расходов показывает, что по каждой статье Россия проигрывает почти любой стране мира, а компенсировать излишние затраты нечем. В первую очередь это происходит из-за слишком сурового климата – производство, да и просто проживание в России требует большого расхода энергоносителей. Энергия стоит денег, поэтому наша продукция при прочих равных условиях получается более дорогой.

Из этого следуют два следствия.

Во-первых, наша промышленная продукция, аналогичная иностранной по потребительским характеристикам, оказывается выше по себестоимости и при реализации по мировым ценам приносит нам убыток, а не прибыль.

Во-вторых, наши предприятия оказываются невыгодным объектом для привлечения капиталовложений из-за рубежа, да и для отечественных инвесторов привлекательнее иностранные рынки капитала.

Удивительная ситуация – то, что я изложил – легко понять. Опровергающих доводов я не слышал, да их, видимо, и нет. Практика мои рассуждения подтверждает. Тем не менее, самоубийственное стремление в мировой рынок не ослабевает.

Ни один нормальный человек не поставит все свое достояние на кон, играя в игру, правила которой ему незнакомы, тем более, если он не участвует в раздаче карт. А в мировой рынок мы кинулись! Ребята! Мало ли что на этом рынке продается! «Зыисть-то он зыист, да

кто-ж ему дать!». Может, правду говорят, что все русские – сумасшедшие? Да нет. Другие бывшие соцстраны тоже свое получают, вскоре после минования в них надобности.

Так что, если мы хотим выжить – то придется восстановить экономическую границу страны, а нет – «входим в мировой рынок» еще дальше и «углубляем реформы» еще глубже. Развязка не за горами.

А как же Запад?

А это и не секрет

То, что наши производства неконкурентоспособны, секретом не является. Секретом является то, что факторы, вызывающие ее, неустранимы.

В демократических СМИ о неконкурентоспособности говорят давно, но причиной этому считают сам факт существования русского народа, намекая, впрочем, что стоит к экономике прикоснуться волшебной палочкой в форме Гайдара, и все будет о'кей. Патриотическое крыло загипнотизировано «квалификацией и дешевизной русского рабочего» и «неисчерпаемыми ресурсами» и считает нашу неконкурентоспособность временным, преходящим явлением. Повыгоняем демократов, вернем вывезенные капиталы, снизим цены на газ, нефть и готовую продукцию – и все будет хорошо!

О реальной серьезности положения иногда писали, в основном в «патриотической» прессе, но, по-моему, либо излишне мягко, либо излишне научно, а главное – помалу. В основном идет поток дезинформации, вольной или невольной.

Но вот что только надо иметь в виду: в человеческой деятельности знание практическое и знание книжное – пересекаются очень незначительно. Так, в древности купцы со своими товарами забирались гораздо дальше, чем простирались описания географических трактатов. Зачем купцу было делиться информацией с каким-то досужим умником? И сейчас капитан браконьерского сейнера знает биологию промысловых рыб гораздо лучше любого университетского ихтиолога.

Поэтому практики ситуацию с конкурентоспособностью России знают гораздо лучше, чем теоретики. Кого я понимаю под «практиками»?

Во-первых, это наши и иностранные инвесторы. Всё они знают, может быть, на интуитивном уровне – это видно по их поведению. Вот, например, наш внутренний рынок вплоть до 1999 года был привлекателен для продавцов иномарок, но на готовые автомобили была столь высокая пошлина, что это вызвало необходимость создания примитивных сборочных производств. И где они были созданы? В Ростове, Таганроге и Калининграде. Сверьтесь с климатической картой. Одно исключение джипы «Форд» собирают еще в Елабуге, но там уже был почти готовый завод еще с советских времен.

Правда, менее связанные с реальным производством деятели – финансовые спекулянты – порой бывают «не в курсе».

Также не секрет это и для западных СМИ и многих политиков, более того, они знали о наших проблемах еще до их начала. Но беда в том, что от их информации, предназначенной «для своих», мы изолированы сейчас гораздо сильнее, чем прежде.

Что касается отечественных практических деятелей, то, конечно, круг проблем, затронутых в книге, чужд импортерам ширпотреба, экспортерам сырья, банкирам, живущим спекуляцией валютой и т. д. Хотя общие тенденции и их интересуют – они же чувствуют, что покупательная способность населения снижается. И то, говорят, моя статья 1996 года повлияла на принятие решений о долгосрочных инвестициях в некоторых банках. Вот уж чего я, ей-богу, не добивался!

А вот реальные производители давно ситуацию поняли. Но они поневоле замкнуты в проблемах своего завода или отрасли, и подсознательно ищут выхода в том, чтобы переложить издержки на кого-то государство, смежников, нефтяников, транспортников. Пусть они цены снизят! А сами-то, на свою-то продукцию – не снижают! Потому что не могут. В лучшем случае наиболее понимающие ситуацию требуют даже полной изоляции от мира – автаркии. Это уже лучше, но только полная изоляция России невозможна и не нужна.

Это я к тому, что профессионалы книжек не пишут, а писателям неизвестна суть дела. Я больше чем уверен, что ни один пишущий на русском языке «экономист» (я имею в виду «известных широкой публике») никогда не то что не принимал, но и не присутствовал при принятии решений о серьезных вложениях капитала, а поэтому и не знает, чем при этом руководствуются. И у нас, и в мире такие решения принимаются в обстановке величайшей секретности: вы можете сходить на экскурсию в Конгресс США и послушать там прения, но во время заседания руководства МВФ журналистов не подпускают даже близко к зданию.

Вот отчасти поэтому в литературе на тему инвестиционной привлекательности России идет «белый шум», а действительно серьезные вещи проскакивают в виде крошечных заметок где-нибудь в глубине газетных тетрадей.

Ну вот, например: как уже показано выше, основной и первой бедой для нашей экономики является утечка капитала. Что и как мы об этом узнаем?

Вывоз капитала – ключевой фактор кризиса

«ЗА ПРЕДЕЛЫ России в период 1992–1997 гг. были нелегальным или полулегальным путем вывезены 200 млрд. долл., что составляет более трети российского ВВП и превышает внешний долг России, который составляет более 190 млрд. долл. Таковы данные исследования, проводившегося в течение двух лет совместно экономистами Российской академии наук и Университета Западного Онтарио. По данным российских и канадских экономистов, только за последние три года из России было нелегально или полулегально вывезено более 72 млрд. долл. По мнению ученых, часть «беглых» капиталов формировалась в том числе и за счет многомиллиардных кредитов Запада правительству России. Исследователи не идентифицируют причастных к этому лиц. Руководитель группы канадских экспертов профессор Университета Западного Онтарио Джон Уолза подчеркнул, что за последние годы из России нелегально или полулегально было вывезено столько валютных средств, что это можно считать одним из ключевых факторов нынешнего финансового кризиса» («Независимая газета» 15.09.98).

Ну если это один из «ключевых факторов», так надо на первой странице печатать, и аршинными буквами! Но в такой постановке вопрос об утечке капиталов поднят едва ли не впервые. Увы, даже такая крошечная заметка могла появиться в российской печати только в обстановке паники после событий 17 августа.

Да и то – явление замечено, но не сказано, что процесс этот естественный, и пока будет возможность утечки капитала – он будет утекать. И что значит: «полулегально»? Сказали бы прямо: легально, то есть по законам, но эти законы – похабны. Но и то слава Богу. Подождем еще два года – может быть, Джон Уолза в своем Западном Онтарио догадается наконец, почему капиталы вывозятся из России, и РИА «Новости» нам об этом сообщит.

Что же касается российской пишущей братии, то автор все-таки не первый, кто отметил существование «базовых отличий» условий развития экономики в России и на Западе, то есть климата и расстояний.

Российские экономгеографы по крайней мере в прошлом веке, основываясь на влиянии наших условий («базовых отличий»), делали очень обоснованные прогнозы о том, что привязка российской экономики к Европе опасна для российского капитализма (С.Ф.Шарапов, скончавшийся в 1911 г. – отнюдь не марксист, а издатель «черносотенной» газеты «Русский труд», экономист Нечволодов). К ним не прислушались, очень хотелось в Европу. Потом еще многие очень удивлялись революциям 1905 и 1917 годов. Да и в последние годы в прессе мелькали статьи с такими названиями, как «Субтропический капитализм и Россия» (профессор В.Сироткин, Дипакадемия), «Россия – тупик в конце туннеля» (профессор В.Клименко, ИБРЭА РАН), где на эти «базовые отличия» указывалось прямо. Было несколько публикаций примерно на эту тему проф. МГУ Б.Хорева. Интересно, что работы проф. Клименко и его лаборатории широко популяризировались такими массовыми изданиями, как «Огонек» и

«МК». Выводы, правда, делались своеобразные предсказывался развал страны на десятки независимых образований, каждое из которых все равно будет открыто мировому рынку. Странно, между собой границы, а с мировым сообществом границ нет. По-моему, уж что-то одно – или границы, или без границ, впрочем, границы бывают разные.

Но общая беда выступлений на эту тему в том, что механизм этого влияния ни у кого не раскрыт, и поэтому звучит все не очень убедительно. Причиной тому то, что об условиях России все знают, о неэффективности экономики тоже, но, во-первых, не хотят признать связь между этими явлениями – порой не со зла или глупости, просто у нас не любят признавать невозможность что-либо изменить. Во-вторых, современные экономисты загипнотизированы понятием «эффективности», на котором, как обычно считается, построена глобальная экономическая система, не понимая того, что эффективность субъективна, один и тот же процесс различается по эффективности для разных людей или групп. Для «Чейз Манхэттен Банк» русские ГКО были очень эффективны, а для России оказались не очень.

Вот это правильное понимание «эффективности» – ключ к правильной экономической стратегии. То, что для западных стран «эффективно», для нас означает смерть от голода и холода. Наша «эффективность» не должна базироваться на свободном перемещении капитала по всему миру в поисках наивыгоднейшего соотношения «выручка/издержки».

В наше время практически разоблачил само понятие «эффективности» М.М.Голанский, увы, недавно скончавшийся научный сотрудник Института Африки РАН. Он теоретически выделил группу стран, для которых правила «мировой экономики» неприемлемы. Правда, он использовал эмоционально окрашенный термин – «отсталые страны» – это те, которые не могут интегрироваться в мировую экономику. Вот цитата из его работы: «целесообразность для отсталых стран закрытия убыточных и малорентабельных государственных предприятий представляется далеко не бесспорной. Все, что способствует сокращению производства в отсталой стране, объективно губительно, ибо оно фактически означает ее деиндустриализацию». От себя добавлю – в таких «отсталых» странах нецелесообразно закрывать и частные предприятия, но защитить их от мирового рынка может, конечно, только государство.

Стоит отметить статьи профессора МГУ С.Кара-Мурзы. Он, пожалуй, единственный публицист, спокойно относящийся к обвинениям нашей экономики в «неэффективности». Цитирую по памяти: «да, – говорит он, – можно выгнать жену, если она вам не нравится („неэффективна» – А.П.). Но Софи Лорен после этого автоматически у вас в постели не окажется».

К сожалению, принадлежность наших СМИ главным образом банкирам и сырьевым экспортерам неблагоприятно сказывается на интеллектуальном уровне публикаций по экономике. Хотя есть и исключения – были профессиональные и объективные статьи в «Независимой газете», вообще-то принадлежащей Б.Березовскому. Редактор «НГ» В.Т.Третьяков даже поместил в 1998 году на правах письма и мою заметку с крамольными словами:

«... Дело в том, что в условиях свободного перемещения капиталов ни один инвестор, ни наш, ни зарубежный, не будет вкладывать деньги в развитие практически ни одного производства на территории России, именно из-за «базовых отличий». Ведь значительная часть инвестиций, вложенных в российскую промышленность, будет потрачена просто на борьбу с неблагоприятными условиями, безо всякой пользы для конечного продукта. В отличие от любого другого промышленного региона мира.

Наша промышленность не нужна никому, кроме нас. Поэтому выбор пути реформ, базировавшийся на привлечении иностранных инвестиций, был порочен с самого начала...

Нельзя начинать рекламную кампанию по продаже «хороших реформ» сразу после краха «плохих», не объяснив хотя бы причины этого краха. И объяснять эти причины пора, хотя, может быть, уже и поздно.

И единственный способ – это показать порочность выбранного в 1991 году пути реформ. При этом, как это ни неприятно, но придется сказать, что ныне действующие «экономисты» –

либо шарлатаны, либо люди бесчестные или слабые, не нашедшие в себе мужества сказать вовремя некоторые очевидные вещи».

Тем не менее, вопрос не стал ясен сам собой после событий 1998 года, хотя я на это и надеялся. Инерция «мирового рынка» в сознании общества осталась. И вина – на тех, кто по роду службы должен снабжать граждан правдивой информацией.

Очередная победа науки над здравым смыслом

Не подумайте также, что изложенное в этой книге – для экономистов (обычных, не телевизионных) какая-то тайна за семью печатями. В частных разговорах они высказывают вполне трезвые взгляды – и о реформах, и об экономической политике, но к газетным страницам и «ящику» их не допускают. Большинство учёных считает некоторых известных деятелей жуликами и невеждами, а вовсе не «ведущими экономистами». Они так же, как простые граждане, с отвращением смотрят на «экспертов», мелькающих на экране подобно заключенным на прогулке. Хотя, по моим наблюдениям, есть у многих идеалистический уклон – думают, что если сильно захотеть, то можно все трудности преодолеть. Не хватает трезвости в оценке обстановки. Конечно, встречаются и взгляды, основанные не на научном анализе (хотя бы «инженерной прикидке»), а на обыденном мышлении типа: «в современном мире нельзя изолироваться» и т. д.

А вот что пишут о конкурентоспособности России для учащихся? Мы-то вольны в выборе информации – хотим – читаем, хотим – нет, а студентам приходится поневоле. Особенно важно, что написано в учебниках для «будущей элиты» – студентов экономических специальностей. На них сейчас обрушивается водопад лести – их убеждают, что они вскоре встанут у руля государства. Если так – с какими взглядами выйдут в жизнь будущие наши правители?

Увы, наиболее типичны примерно такие пассажи (здесь и далее цитируется вообще-то довольно насыщенный информацией учебник В.Д. Андрианова «Россия в мировой экономике», М., 1998 г.).

«В настоящее время более активному притоку и эффективному использованию иностранного капитала, а также сдерживанию „бегства» отечественного капитала препятствует ряд факторов, которые в совокупности формируют инвестиционный климат страны».

Что же это за отрицательные факторы?

- «...отсутствие стабильной, учитывающей международную практику правовой базы;
- рост социальной напряженности в связи с ухудшением материального положения значительной части населения;
- неразвитая инфраструктура, в том числе связь, система телекоммуникаций, транспорт и гостиничное хозяйство, т. е. отсутствие условий, привычных для большинства цивилизованных бизнесменов;
- сепаратистские настроения, которые присущи некоторым руководителям регионов, краев и областей;
- коррупция и криминализация отдельных сфер коммерческой деятельности...

...В целом, оценивая инвестиционный климат России по международным стандартам, используя такие критерии, как политическая и социальная стабильность, динамизм экономического роста, степень либерализации внешнеэкономической сферы, наличие развитой промышленной инфраструктуры, банковской системы и системы телекоммуникаций, наличие рынка относительно дешевой квалифицированной рабочей силы и др., можно констатировать, что практически по всем этим параметрам Россия уступает сегодня большинству стран мира».

Ну, что тут сказать? Если в стране нет инфраструктуры или рабочей силы, то, конечно, инвестиционный климат от этого не улучшается. Но что первично, а что вторично? А почему, кстати, «ухудшается материальное положение»? И если нет притока капитала, а идет отток, то

откуда возьмется «динамизм экономического роста»? На самом же деле, если дело прибыльное, то все вышеперечисленное инвесторов не остановит, а уж особенно «отсутствие правовой базы». Не думаю, что в Тюмени особенно хорошие гостиницы, а ведь там больше всего иностранных инвестиций. В крайнем случае можно в командировки отправлять туда и местный персонал, знакомый с российским гостиничным сервисом. И в ГКО западные «инвесторы» вкладывали, напомним, охотно, только треск стоял! Не боюсь «сепаратистских настроений».

Отсутствие закона «О повышении средней температуры января» «либерализация внешнеэкономической сферы» не поможет, а усугубит ситуацию. Ведь все эти «рейтинги» и «инвестиционные климаты» имеют значение, когда сравниваются экономики, находящиеся примерно в одной весовой категории. А в нашей-то категории в мире только мы и Монголия!

А бывает, что в этих учебниках есть почти вся необходимая информация, на основании которой можно делать правильные выводы. Но выводы делаются неправильные!

Вот что написано о конкурентоспособности России в том же учебнике, вышедшем в 1998 году, но написанном, видимо, примерно в то же время, что и «Горькая теорема» – в конце 1996 года:

«По качеству большинства промышленных товаров Россия уступает не только развитым, новоиндустриальным, но и отдельным развивающимся странам. Российские экспортеры могли бы успешно конкурировать на мировом рынке за счет цены вывозимой продукции».

Хорошие мысли. Но вводящие студентов в заблуждение. Товары не конкурируют качеством и ценой. Мы уже говорили – конкурируют товары сравнимого качества – даже низкого. При этом товары одинакового качества продаются на мировом рынке по одинаковой цене. Если мы будем продавать золото вдвое дешевле мировой цены, то брать его будут хорошо, но разбогатеет ли мы от такой «конкурентоспособности»?

Увы, мы помним по советским временам, как чиновники продавали за границу ценнейшую продукцию за бесценок. Кто от этого богател? Да посредники, или просто потребитель на Западе, а беднели все мы. И сейчас любая продавщица бананов может их распродать в один момент, если назначит цену вдвое ниже рыночной. Но когда придет владелец ларька, этой продавщице не поздоровится...

Для конкурентоспособности имеет значение только отношение прибыли к издержкам. Если у нас высококачественный продукт, но дорогой в производстве, конкурировать мы не можем. Впрочем, дальше в учебнике автор и сам говорит, что мы неконкурентоспособны даже при добыче минерального сырья, которое везде одинаково. Затем идет уже авторская позиция – как же Россия может стать конкурентоспособной: «... Для этого Россия должна была бы поддерживать внутренние цены на энергоносители и сырье на уровне 40 % мировых, а заработную плату в пределах 25–30 % ее уровня в промышленно развитых странах (к слову, мы ведь тоже были до начала 90-х годов „промышленно развитой страной». – А.П.)».

Здесь автор не говорит прямо, но явно подразумевает, что дело-то в издержках! Но предлагаемые меры... Ну, заработную плату, по сравнению с «золотым миллиардом», «поддержать» можно. Но не по сравнению с «третьим миром»! А как удержать «внутренние» цены на энергию? Кто будет выплачивать российским производителям сырья и энергоносителей разницу с мировой ценой? Иначе, какой им смысл продавать это «внутренним», а не «внешним» потребителям? Может быть, мы отказываемся от «свободного мирового рынка»? Тогда почему бы об этом не сказать? То есть автор понимает, что внутренний рынок должен быть изолирован от мирового, но об этом не говорит. Ведь если «внутренняя» цена на нефть будет составлять 40 % от мировой, то кто же откажется ее купить по дешевке и вывезти? Именно такая ситуация у нас была в начале 90-х годов, когда предприятию было значительно выгоднее продать за границу полученное от внутреннего поставщика сырье, чем делать из него продукцию.

К сожалению, в позиции автора просматривается безоглядная приверженность идеям мирового рынка, при понимании разумом невозможности их реализации у нас.

Но дальше – апофеоз: «...Однако формально свободное, а фактически диктуемое отечественными монополистами ценообразование привело к тому, что за годы реформ наши внутренние цены на многие виды топлива, сырья и полуфабрикатов оказались выше, чем в большинстве промышленно развитых стран мира».

Вот это уже трудно прокомментировать, не используя идиоматических выражений. Это просто ошибка! Любой желающий может сравнить наши цены на топливо с мировыми. Бензин во всем мире – доллар литр. В Германии – две марки. В любом случае цены в несколько раз выше наших. Ну откуда эти страшные рассказы «про монополистов»? Взято из популярных статей популярных газет.

Электричество в Европе – 12–15 центов кВтч. У нас – в зависимости от прыжков и курбетов валютных курсов – то 3, то 1 цент. Газ у нас (как выражается профессор Андрианов, из-за «диктуемого монополистами ценообразования») вообще, по мировым меркам, ничего не стоит. Турции сейчас (весна 1999 года) продаем газ по 114 долл. за тысячу кубометров, даже Украине мы отпускаем его по 80 долл., а внутреннюю цену держим 18 долл. Чем ругать Газпром, наши политики либерального толка должны, как самарский губернатор Титов, Черномырдина в лысину лизать.

К сожалению, это не оговорка. Свою позицию про «монополистов» автор повторяет в учебнике трижды, в разных разделах, откровенно говоря, напустив, таким образом, туману в головы бедных студентов.

Дальше уже приводится относительно верная информация:

«... Такое положение привело к значительному росту издержек производства, которые являются одним из основных показателей, определяющих конкурентоспособность готовых изделия на мировом рынке, поскольку именно в процессе производства закладываются материальные основы конкуренции, которые проявляются на рынке через сравнительный уровень цен и прибыльности.

В середине 90-х годов издержки производства промышленной продукции в России были выше, чем в Японии в 2,8 раза, в США – 2,7, Франции, Германии, Италии – 2,3, Великобритании – 2 раза».

Факты здесь верны, хотя объяснение высокого уровня издержек... ну, судите сами... Ну объяснил бы уважаемый доктор этих самых наук, как это итальянцы, затратив 111 долларов, продают продукции на 100 долларов... еще и на прибыль остается, и налог заплатить...

Тем не менее, основные пропорции затрат по странам, прикидочно, вполне поверяются здравым смыслом. Действительно, из западных стран у США самые большие расходы на отопление, а у Японии и Италии наименьшие – это похоже на правду. Низкие вообще издержки в США, и, в частности, неправдоподобно малые издержки на зарплату объясняются, на мой взгляд, тем, что ВВП США статистикой этой страны завышен – таков американский стиль, они считают, что производят очень много и хорошо. Так как все это они сами и потребляют, то проверить трудно.

Из данных таблицы легко увидеть, что даже если нашим рабочим зарплату вообще не платить, то наши издержки все равно существенно выше, чем в других странах с зарплатой. Так что совет по сокращению зарплаты малополезен. Как автор сам этого не заметил? Так за счет чего же на самом деле сохраняется конкурентоспособность того, что пока еще продается? Только за счет дотаций государства – и прямых, и путем поддержания цен на сырье ниже мировых, и другими способами. Попросту говоря, реальному производителю экспортных товаров не платят, и все дела.

А теперь представьте себе, что в таблице были бы приведены издержки в «новоиндустриальных» странах – по сравнению с западными странами издержки на сырье те же, на амортизацию несколько ниже, на энергию вдвое ниже, на зарплату впятеро – итого не больше 60 долларов.

Как мы можем с ними конкурировать на мировом рынке? Почему все данные приводятся, но вместо трезвого вывода пишутся тривиальности? Ведь очевидно же, что при этих значениях издержек можно и не рассматривать ситуацию дальше. Какой идиот вложит двести пятьдесят долларов, чтобы получить сто?

И еще обратите внимание – расчет был проведен по паритетам покупательной способности валют. А ведь цены на энергию в 1995 году у нас были в несколько раз ниже мировых. Стоит «нарушить монополизм», по совету автора учебника, и затраты на энергию будут у нас не 25, а 125 долларов!

Рейтингом по инвестициям

Второе наблюдение: особенность современных учебников – они содержат, кроме информации, также некоторые уже традиционные положения, те самые «международные стандарты», навеянные, видимо, «Экономикс» Самуэльсона. Возможно, дело в том, что на нашу «научную элиту» сильное влияние оказывает авторитет западной экономической науки. Каков в западном мире подход к расчету конкурентоспособности? Оказывается, совсем другой, чем, например, в нашей книге. Вот он (цитата из того же учебника):

«...Синтетическим показателем, который характеризует положение страны на мировом рынке, является показатель конкурентоспособности, разработанный Мировым экономическим форумом. Ежегодный доклад по конкурентоспособности стран на мировой арене до 1996 г. готовился под эгидой Мирового экономического форума Международным институтом менеджмента и развития (г. Лозанна) с привлечением материалов еще 23 международных экономических институтов.

Для определения рейтинга в мировых табелях о рангах используются многофакторные векторные модели, в которых учитывается 381 показатель. Они сгруппированы в 8 агрегированных факторов: внутренний экономический потенциал, внешнеэкономические связи, государственное регулирование, кредитно-финансовая система, инфраструктура, система управления, научно-технический потенциал, трудовые ресурсы».

«...В разработанной методике объективные статистические показатели по каждой стране (около 70 % всех показателей) дополняются субъективными факторами – экспертными оценками аналитиков, опросом мнения руководителей крупных корпораций и ведущих экономических экспертов по различным странам...»

Странный способ – сначала считают 381 показатель, а потом просто спрашивают какую-нибудь акулу бизнеса. Такой способ оценки называется: «отмеряй микрометром, отмечай мелом, отрубай топором».

«...С помощью специально разработанной методики (с использованием экономико-математических моделей) каждая страна ранжируется по количеству набранных баллов, что и определяет ее место на иерархической лестнице конкурентоспособности. Более высокое место свидетельствует не только об уровне развития производительных сил, но и о гибкости экономической системы, способности к перестройке в соответствии с изменениями на мировом рынке».

«Первое место в мире по конкурентоспособности экономики в 1994 г. занимали США, которым удалось вырваться вперед благодаря применению инновационных технологий во многих отраслях – от производства компьютеров до создания современных телекоммуникационных систем, жесткому контролю за стоимостью рабочей силы, а также низкому курсу доллара.

В последние годы наиболее стремительно по иерархической лестнице конкурентоспособности поднимаются новые индустриальные государства. В первую двадчатку наиболее конкурентоспособных стран в 1994 г. входили четыре НИС (новоиндустриальные страны – А. П./ причем Сингапур и Гонконг занимали весьма престижные места – соответственно 2-е и 4-е.

Постоянно улучшают свои позиции в мировой экономике Тайвань, Малайзия, Таиланд, Чили, Южная Корея и др.

Рейтинг стран по уровню конкурентоспособности на мировом рынке (1994 г.).

1. США
2. Сингапур
3. Япония
4. Гонконг
5. Германия
6. Швейцария
7. Дания
8. Нидерланды
9. Новая Зеландия
10. Швеция
11. Норвегия
12. Австрия
13. Франция
14. Великобритания
15. Австралия
16. Канада
17. Малайзия
18. Тайвань
19. Ирландия
20. Финляндия
21. Бельгия/Люксембург
22. Чили
23. Таиланд
24. Южная Корея
25. Испания
26. Мексика
27. Аргентина
28. Португалия
29. Турция
30. Колумбия
31. Индонезия
32. Италия
33. Филиппины
34. Индия
35. ЮАР
36. Чехия
37. Бразилия
38. Венгрия
39. Венесуэла
40. Польша».

Надо сказать, что в лоб, что по лбу. «Лозаннский» метод нам инвестиционной привлекательности не добавил. Не ищите в списке счастливых Россию – ее номер 48. Конечно, приведенный список и обоснование рейтинга вызывают недоумение: какой, к чертям свинячьим, «жесткий контроль за стоимостью рабочей силы в США»? Там только нельзя платить рабочему

меньше 6 долларов в час! Почему же инвесторы предпочитают США странам, где платят 40–80 долларов в месяц? Непонятно.

Из рейтинга нельзя также понять, почему производственный капитал перетекает из Японии (3-е место) в Китай, которого даже нет в рейтинге.

Только надо иметь в виду, что учитывается не конкурентоспособность национального производства. Ведь деньги можно вкладывать и в банковский бизнес, и в ценные бумаги. Так, в ходе кризиса в Юго-Восточной Азии, начавшегося осенью 1997 года, капиталы начали перетекать в государственные облигации США. Другой вопрос, чем это в конце концов кончится для финансов США, но факт налицо – США в 1998 году были центром притяжения капиталов.

Но, вообще говоря, инвесторам этот наукообразный рейтинг абсолютно бесполезен. Если я живу, например, в Ирландии, то куда я должен вложить свой капитал? По рейтингу – в США. Но этого же в общем случае не происходит! Вкладывают и в Ирландию, и прибыль получают. Самое-то главное, вы можете рассказывать конкретному инвестору про «многофакторные векторные модели» сколько угодно, но если в Малайзии соотношение выручка/затраты выше, чем в США, то он плюнет на рейтинг и вложит деньги в фабрику в Малайзии.

И каков же главный вывод учебника, сделанный на основе всех вышеприведенных фактов? Вроде бы очевиден – уносим ноги из мировой экономики, пока хоть наполовину целы.

Вместо этого основной вывод, да еще и выделенный жирным шрифтом: «...Возрождение экономической мощи России невозможно без интеграции в мировую экономику...». Такие заклинания вызывают у меня уже приступ головной боли. Ну сколько можно «интегрироваться»? Как мухи о стекло. Пора уже и «дифференцироваться». Ведь пора уже ставить вопрос так: «...Возможна ли реанимация экономики России теперь, после попытки интеграции в мировую экономику...».

Читатель может подумать: «Во набросился на человека! Не нравится, не читай». Да понимаете, обидно. Вся информация есть, данные – ценнейшие, а что в итоге? Как в таких случаях говорил Дерсу Узала: «Глаза есть, а глядеть – нету». И ведь вся эта мешанина из «гибкости экономики», «способности к перестройке» и «степени либерализации внешнеэкономической сферы» окажется в головах «нашей будущей элиты».

Но надо, конечно, трезво представлять себе, что если бы в книге были приведены три простых очевидных совета по выводу страны из кризиса:

- отмена приватизации сырьевых отраслей (с наказанием виновных);
- демонтаж механизмов утечки капиталов;
- прекращение баек об иностранных инвестициях,

то такая книга не была бы выпущена в качестве учебника, да и автор, возможно, не был бы допущен до преподавания, тем более в Московском Университете.

Думаете, я утрирую? Боюсь, следующее замечание Василия Леонтьева по поводу американской экономической науки верно не только для университетов США:

«...Методы поддержания интеллектуальной дисциплины в наиболее влиятельных экономических учреждениях временами напоминают методы, использовавшиеся морской пехотой времен второй мировой войны...».

Обратите внимание – часто, очень часто в речах политиков, чиновников, телеведущих, журналистов – мелькают слова: нельзя замыкаться в национальных рамках; надо интегрироваться в мировую экономику; призывы к изоляции опасны и вредны. Но с кем они спорят? Видели ли вы какой-нибудь круглый стол или диспут, где выступал бы сторонник изоляции от мирового рынка? Хотя бы в качестве «мальчика для битья»?

Информация о самой возможности открытия нашего рынка мировому – просто закрыта, засекречена. А как можно закрыть какую-либо информацию? Как можно запретить научные исследования на какую-то тему? Очень просто, запрещать ничего не надо, это дурной тон. Надо печатать все книжки, кроме тех, где говорится прямо о пагубности «интеграции», надо

приглашать в телестудию всех сторонников «мирового рынка», а других не приглашать. Надо просто давать гранты на все другие исследования, кроме нежелательных. И все!

В том-то и дело. Самая бережно хранимая тайна последних лет тайна об истоках кризиса. Тайна о коренной несовместимости нашей экономики с мировой. Раскрытие этой тайны, знакомство с ней нашего народа грозит неисчислимыми бедами нашим реформаторам, поэтому в отношении этой простейшей истины и применяются изощренные меры сокрытия.

А как же Запад?

Обычно в конце дискуссии об иностранных инвестициях мои оппоненты, в качестве последнего заряда, выпаливают: «А как же Запад?».

Действительно, а как же Запад? Ведь в «третьем мире», получается, производство гораздо выгоднее?

Все с одной стороны, очень сложно, с другой, очень просто.

А кто сказал, что Запад хорошо живет за счет собственного производства?

Вот США потребляют 40 % мировых ресурсов и производят 50 % мирового мусора. Они что там, делают половину мировой работы? Мы хотим жить так же, как американцы. Но ведь потребные для этого ресурсы пришлось бы отнять у американцев – а отдадут ли они?

При наличии минимальной сообразительности можно было с самого начала реформ понять – уровня благосостояния США нам не достичь, не покорив весь мир. Без всякого экономического анализа – посмотрев лишь на объемы американского импорта.

Прозападные экономисты любят козырять статистическими данными об американской производительности труда, в десятки раз превышающей нашу. Согласно этим же данным, американцы работают интенсивнее японцев и т. д. Верится с трудом.

Производство на Западе оказалось сейчас в чрезвычайно странной ситуации. В предыдущих главах я применил метод оценки производственных издержек к нашей стране. А что будет, если применить тот же метод к другим странам? Какие страны окажутся в выигрышном положении в плане привлекательности для промышленного производства? Попробуем выяснить, привлекательны ли для инвестиций в промышленное производство страны Запада по сравнению с «новоиндустриальными» странами «третьего мира».

Чем же отличаются страны «третьего мира» от Запада?

Климатические условия примерно одинаковые, значит, энергоемкость производства и цена капитального строительства такие же. Транспортные условия – примерно одинаковы с Западом, эти страны лежат по берегам теплых океанов. Налоги в «третьем мире» ниже, так как тамошние государственные органы не так развиты. Но самое серьезное отличие – жизненный уровень.

Рабочий «третьего мира» получает в час 20–40 центов, кое-где и меньше. Рабочий Запада получает 3–5 долларов в час. Поставим вопрос так: что такого может произвести этот рабочий, чтобы покупатель согласился оплатить столь дорогостоящий труд?

Оказывается – почти ничего. Швейные изделия, бытовую технику в США почти не производят. Объемы реального товарного производства на Западе падают, все производства, какие возможно, переводятся из стран Запада в «третий мир», хотя в денежном исчислении объем производства на Западе и растет. Естественно, перевести завод химволокна или прокатный стан на другой континент так сразу затруднительно, поэтому кое-что производится и в Америке. Но прибыль от этих производств инвестируется в другие отрасли и другие регионы. Так, аналог американской Силиконовой долины всего за несколько лет вырос в Малайзии, именно там производится чуть ли не половина выпускаемых в мире микросхем.

Кроме таких производств, в США остается то, что нельзя перевести в другие страны по политическим или, точнее, стратегическим причинам – то, от чего зависит военная мощь США.

Правда, и оставшаяся в США промышленность значительно превосходит нашу. Это касается и традиционных отраслей, например, добыча каменного угля в США существенно выше, чем у нас. А в производстве пластмасс, бумаги и химических волокон американцы опережают нас в десятки раз. Но все это не работает на экспорт – все это потребляется внутри США. Вообще разница между экспортом из США и импортом достигает сотен миллиардов долларов ежегодно. В пользу импорта! Многие годы американцы вывозили существенно меньше, чем ввозили! Причем значительная по стоимости часть экспорта, так сказать, нематериальна – Голливуд, Майкрософт. Экспортируют и доллары – наличные и даже безналичные.

Недаром, повторяю, в известном интервью 1998 года, данном в Москве, в «Спасо-хаузе», Клинтон с гордостью заявил, что три компьютерных фирмы США стоят дороже, чем вся текстильная, химическая, автомобильная, авиационная и еще какая-то промышленность.

Это так. Традиционные изделия не хуже, чем в США, делают в других странах на заводах, принадлежащих американцам, и обходятся они дешевле. Поэтому сейчас в США из промышленности остались те отрасли, которые являются монополистами. Американцы стараются не экспортировать уникальную технологию в «дешевые» страны. Так, например, где бы в мире ни была произведена материнская плата компьютера, основой ее является специальный микросхемный набор (чипсет) из США, скорее всего фирмы Intel. Остальные, не уникальные – уже азиатского производства. Практически только в Америке производится и системное программное обеспечение, и процессоры, и большая часть аэрокосмической продукции. По гражданским самолетам США конкурируют только с Европой.

Очень существенный «приварок» американской экономики – интеллектуальная собственность. Программное обеспечение, аудио, видеозаписи – это почти монополия Америки. В мире практически не осталось кинематографа, кроме американского.

Осталось в Америке и производство высокотехнологичного оружия, не только атомного. Немцы и японцы могли бы делать ракеты не хуже, но им пока запрещено. Делали бы и кое-где в «третьем мире», но им тоже не разрешают, разными способами.

То есть в США остались те производства, которых нигде больше нет, поэтому продукцию можно продавать не по рыночной цене, а по той, какую назначишь. Так можно перекрыть дополнительные издержки, возникающие из-за чрезвычайно высокой цены рабочей силы в США. А дочерние подразделения американских фирм со всего света поставляют в головные фирмы, расположенные в США, чрезвычайно дешевую продукцию. В странах пребывания эти филиалы платят невысокие налоги ведь их продукция дешева, а цену на нее назначают из Америки!

Вообще говоря, именно этот опыт можно бы было нам и перенять, не считите это за неуместную шутку. Чем внедрять в «третьем мире» социализм, нам надо было строить там кое-какие заводы, но оставлять их в своей собственности. Ну зачем было гонять транспорты с кофейными зернами в СССР для производства растворимого кофе на Московском комбинате? Можно было бы делать его на советском заводе в Гвинее, на зарплате гвинейским рабочим мы бы не разорились.

Ну и еще немало дает американцам то, что во всем мире для расчетов используется американская валюта. Ведь США раздают свои доллары не просто так, а за товары и услуги. Во всем мире оказалось, по разным оценкам, от сотен миллиардов до триллионов долларов – и за каждый американцы что-то получили. За каждую 100-долларовую купюру, попавшую во «внешний мир», США получили товаров на сто долларов, а себестоимость купюры – 11 центов. У других держав с «сильной валютой» тоже есть свои зоны в мире, где ходит их валюта, принося ее «авторам» эмиссионный доход. К слову, допуская вытеснение рубля из стран СНГ, мы кое-что теряем.

В начале книги мы определили, что такое «свободный мировой рынок». Мы рассмотрели ситуацию в России с точки зрения ее привлекательности для производств, предполагая,

что перемещение производственного капитала подчиняется закону максимума соотношения выручка/издержки. Кто победил по этому критерию, тот будет работать на заводе и получать зарплату. И этот закон свободного рынка в принципе действителен и для США, и для Японии, и для Западной Европы. Но вот что интересно: уровень доходов, уровень потребления на самом деле никак не связан с местным уровнем издержек! Доход и зарплата не одно и то же! Так, в Турции действуют мировые цены (литр солярки – 64 цента), а зарплата в десять раз ниже, чем в Западной Европе! Это своего рода загадка, даже для самих турок, и разгадать ее можно, только признав, что в зарплате западного рабочего скрыт нетрудовой доход.

История с ГДР

Таким образом, высокий уровень жизни на Западе достигается не за счет собственного производства, а, наиболее вероятно – за счет перераспределения прибылей от производства в «третьем мире». Поэтому в целом новые производства в США и Западной Европе не создаются – это и не нужно, и невыгодно. Наиболее наглядно иллюстрирует сегодняшнюю экономическую ситуацию в странах Запада история интеграции ГДР и ФРГ.

После объединения Германии там происходят парадоксальные вещи. В ГДР ежегодно вкладываются огромные средства, сотни миллиардов марок, но жизненный уровень повысился незначительно, а главное, производство, упав после объединения, так и осталось на нуле. В чем дело, куда идут деньги?

У меня был частный разговор с одним экономистом из западных земель Германии, довольно откровенный, хотя, как мне показалось, сам он, владея информацией, все-таки не привел ее в систему.

Так, он согласился, что восточные земли так и остались отсталыми и дотационными (к дотационным еще почему-то относится земля Бремен). Сразу после объединения из-за дешевизны западных товаров на Востоке полностью развалилось производство, что привело к исчезновению всемирно известных товарных марок. Он упомянул какое-то пиво и колбасный комбинат, я их не запомнил, от себя добавлю фотоаппараты «Практика» и ружья «Зимсон» и «Меркель». Экономист согласился, что это не есть хорошо. Но, по его мнению, процесс производства и торговли – стихийный, сделать что-либо нельзя.

По поводу многомиллиардных вложений он объяснил, что деньги идут на реорганизацию силовых структур (кадры армии и полиции в восточных землях полностью сменены), строительство автобанов и тому подобные стратегические цели. Кое-что делается для благоустройства городов – газоны там, общественный транспорт, уборка мусора – значительная часть новых рабочих мест появилась именно в этой области. Как он сказал, сильно улучшено экологическое состояние индустрии. Какой индустрии, он не сказал. Правда, и не отрицал, что на Востоке без работы каждый четвертый трудоспособный, какая уж там индустрия. Точнее, если заводы не работают, то и экология становится лучше, понятно почему.

Самое грустное, что, как оказалось, никакой государственной программы по интеграции бывшей экономики ГДР в западную нет и не предвидится. Тут он расчувствовался и начал жаловаться на «косей» (восточных немцев). По его мнению, это люди, отравленные социализмом, и должно смениться два поколения, чтобы что-то изменилось. «Представляете, на Востоке машине с западными номерами могут шины проколоть!»

Про себя я подумал: «а чего ж вы ждали? При объединении они совсем по-другому представляли себе „германскую солидарность“! И еще неизвестно, что будет через два поколения». Но чтобы не говорить о грустном, спросил в лоб: а что, собственно, производится сейчас в самой Западной Германии? Ответ был довольно невнятным. Он согласился, что ширпотреб, электроника, автомобили, бытовая техника германских марок – все это производится в других странах. Может быть написано «Germany», а сделано в Сирии. К слову, это не фальшивка:

надпись с названием страны означает лишь то, что фирма-производитель зарегистрирована в этой стране.

При сборке «Ауди» и БМВ в Германии выполняется лишь завершающие операции, детали и целые узлы производятся в других странах. «Мерседесы» делают в Словении и Турции!

Что же делают непосредственно в Германии? Он довольно неопределенно говорил о высокотехнологичных операциях, но без деталей. Дескать, у нас высококвалифицированные рабочие. Ну, в ГДР тоже высококвалифицированные, да и у нас неплохие были. За одну квалификацию нигде не платят, платят за купленный товар.

Причина такого отношения инвесторов к бывшей ГДР основана на двух соображениях: во-первых, и в самой Германии сейчас нет смысла создавать новые производства – старые бы сохранить. Во-вторых, территория ГДР по природным условиям еще менее пригодна для развертывания новых производств, чем Западная Германия. Долина Рейна, покрытая виноградниками – исконная земля германцев – напоминает Францию, а Восточная Германия, населенная «онемеченными славянами» (да-да, именно так высказываются порой даже западногерманские политики!), скорее похожа на Польшу.

Короче говоря, свое производство в Европе, как и в США, тоже переживает странные времена. А то, что жизненный уровень по нашим понятиям там очень высокий, объясняется тем, что не производство выгодно сейчас в мире.

Не за счет производства живет сейчас Запад. Самая скрываемая тайна западного общества – это источники его благосостояния. Впрочем, можно предположить. Наиболее выгодна не работа на фабрике, а управление этой фабрикой, а лучше всего – получение прибылей от этой фабрики.

Чем же заняты западные рабочие, просто валяют дурака? Нет, они достаточно заняты. Но чем? Тот, кто всем владеет, живет на Западе и в Японии. Товары можно привезти из-за моря, а услуги – не привезешь, гамбургер нельзя пожарить в Таиланде, а съесть в Нью-Йорке. Поэтому промышленное производство заменено на Западе сферой услуг. Пролетарий, занятый в сфере услуг или производстве предметов роскоши – это уже не совсем пролетарий, и по экономическому положению, и по психологии.

Сам Маркс не предполагал такого развития событий, когда пролетариат Запада станет как бы частью буржуазии, а новым пролетариатом окажутся целые народы «третьего мира».

Вот будет хохма, если в 21-м веке Маркс все-таки окажется прав! При его жизни западная система охватывала лишь малую часть Европы и США, а сейчас она всосала в себя весь мир, те его части, где она жизнеспособна. Мы удивлялись, почему на Западе нет классовой борьбы, а какая классовая борьба может быть между СиСи и его Кэпвелами?

Но «противоречие между трудом и капиталом» вовсе не преодолено, оно лишь отложено, сдвинуто во времени и пространстве. Конечно, до сих пор неизвестно, жизнеспособны ли умозрительные схемы Маркса насчет пролетарской революции (российская и китайская революции не в счет, они не были марксовыми), но немыслима ситуация, когда два пролетария имеют зарплату, отличающуюся в десятки раз, а всю работу делает как раз малооплачиваемый. Не может это состояние продлиться долго, конечно, по историческим меркам.

Так или иначе, но новые промышленные страны рано или поздно потребуют свою долю полномочий по управлению миром. Заводы-то, рабочие и технологи – у них! Что будет делать Запад? Сохранит ли он существующие «правила игры»?

Интересно отметить, что администрация Рейгана как-то больше клинтоновской беспокоилась насчет негативных последствий «глобализации экономики». Тогда выдвигались даже предложения о применении экономических санкций к американским фирмам, переводящим производство за рубеж. Но закон (экономический) есть закон! В основном же США сейчас не

страна слесарей и токарей, а страна банкиров, управленцев (чем?) и юристов. Весь мир производит, Америка отбирает и делит.

Сейчас же, убаюканные успехами бюджета, американцы эпохи Клинтона как-то на эту тему не задумываются. А ведь ситуация-то своеобразная! «Глобализация» экономики оборачивается деиндустриализацией стран Запада. И действительно, последние годы наблюдался отток промышленного капитала из США в страны «южнее Рио-Гранде», то есть, кроме Аргентины, в Мексику и Бразилию. Не только прославленные оружейные фирмы Америки перевели производство охотничьего и гражданского оружия из штата Коннектикут в Латинскую Америку. Сами американцы рассказывают как анекдот действительный случай – некий победитель конкурса сочинений на тему «почему американские товары лучшие в мире» получил в качестве приза японский фотоаппарат. Многие ли знают, что ни в Америке, ни в Германии фотоаппаратура практически не производится? Даже громкие германские марки скорее всего ставятся на аппаратах малайзийской сборки. Слышали о фотоаппарате «Лейка» – «символе германского качества»? Делают сейчас в Португалии. Условия лучше, чем в Германии, и зарплата как в «третьем мире».

Из европейских стран еще лишь в Ирландии, стране с благодатным климатом и низкой зарплатой, разворачиваются новые заводы, на которых производятся «японские» часы «Ориент», «американская» фотохимия «Кодак».

Пока что ни один буржуй не собирается разворачивать новое промышленное производство в стране с высоким уровнем оплаты труда!

Добавлю лишь, что хотим мы этого или не хотим, но нам придется в будущей схватке «тигров труда и капитала», если она случится, занять место «мудрой обезьяны на вершине холма». Мы не владеем капиталом, и мы не можем конкурировать за рабочие места с рабочими «третьего мира».

Я сейчас как-то по-другому вспоминаю лозунг Мао Цзэдуна, примерно гласящий, что Китай – естественный лидер «третьего мира» в борьбе против Запада, а СССР – «особый случай». Действительно ли Председатель Мао был таким уж плохим марксистом? Пока ситуация воспроизводится вполне по Марксу, но «в мировом масштабе»: Запад «мировой буржуй», «третий мир» – «мировой пролетариат», а мы хотели в буржуи, но нас и в пролетарии не взяли.

Сейчас, в 1998–1999 гг., в глобальной экономике происходят какие-то серьезные изменения. Китай, это уже очевидно, победил Запад в экономическом соревновании. Мало того, что его ВВП догнал американский – это настоящий ВВП, не дутый, как в США. И долларов китайская казна набрала столько, что выброси их на валютные биржи, и доллар рухнет. И космонавтов вот-вот запустят. Очень похоже, что США примут меры и попытаются избавиться от участия Китая в мировой экономике.

Что такое капитализм?

Так что видите – все, что вы прочитали – не такое уж большое открытие. Все давно было известно. По всем прикидкам получается, что в рамках «мировой экономики» российская экономика нежизнеспособна, а вот ограниченная внутренним рынком – вполне. Значит, в принципе, вполне может оказаться жизнеспособной и сейчас. Конечно, должны отмереть паразитические наросты, сидевшие на экспорте и импорте. И тогда волей-неволей (голод не тетка) потребитель потянется к отечественному производителю, и тот начнет копить столь необходимые ему инвестиции. Останемся ли мы в будущем капиталистическим рыночным государством? Вероятность этого есть. Да рыночным мы всегда были, и при Ленине, и даже при Сталине, а капиталистическим после нынешних пертурбаций можем и остаться, правда, капитализм должен быть ограничен внутренним рынком капитала.

А давайте-ка разберемся сначала, что такое «капитализм». Если попросить простого гражданина объяснить это понятие, то он скорее всего бодро ответит, что капитализм – это

частная собственность на средства производства. Если спросить, что же такое в этом случае «государственный капитализм», то возникает гнетущая пауза, как после вопроса о границе Азии и Европы.

На самом деле капитализм – это всего лишь направленность человеческой деятельности на сохранение и увеличение производственного капитала. И все! Ни о какой форме собственности в этом определении не говорится.

Просто очень давно обнаружилось, что если средства производства (капитал – это не только и не столько деньги, а сырье, оборудование и технологии) принадлежат частным лицам, то они естественным образом ведут себя как капиталисты – то есть в процессе производства в первую очередь заботятся о капитале, возмещая из прибыли его убыль, и лишь потом о своих потребностях и потребностях своих рабочих.

Если же капитал попадал в руки неумелого собственника или дебила, которые расходовали прибыль или даже основной капитал на повышение своего или чужого жизненного уровня, то такие «индивидуи» в процессе конкуренции разорялись, и их капиталом вскоре начинали владеть другие, и они уже начинали его использовать по правилам «капитализма». То есть оказалось, что частная собственность способствовала тому, чтобы процесс производства не останавливался, а расширялся. Так уже давно происходит на Западе.

И государство может управлять собственностью, исходя из принципа «капитализма», а может, исходя из принципа «социализма». «Социализм» – это деятельность, направленная на удовлетворение потребностей общества, а о судьбе производственного капитала в этом случае заботятся во вторую очередь. И иногда это приводит к тяжелым последствиям – производственный капитал «проедается».

Так оправдана ли была критика частного капитализма, которой с упоением занимались политэкономы-марксисты советского периода? В чем-то да, и здесь нет противоречия. В нашей стране безраздельное господство частной собственности и рыночных отношений приводит к тяжелым последствиям, и было это уже не один раз.

Есть в капиталистической экономике, которая не раз за последние два века создавалась в России, один внутренний дефект, который раз за разом приводил ее к гибели. Этот дефект коренится в основной особенности капитализма – стремлении производственного капитала в те области, где капитал получит больше прибыли. Из двух соседних стран с разными условиями от этой особенности при открытии границы одна получит выгоду, а другая – нет. Так получилось, что в любой паре стран мы всегда будем проигравшей стороной, разве что с Монголией останемся при своих.

Класс капиталистов в капиталистическом обществе, естественно, приобретает и политическую власть. А приложение капитала за пределами России более выгодно капиталистам, но не стране. То есть вообще российский капитал растет... но уже за пределами России. И капиталисты раз за разом принимали на государственном уровне решение об открытии российской экономической границы. Каковы приводные ремни от капитала к власти? В «демократических» условиях приобретаются СМИ, влияющие на избирателя, при монархии – приобретает ближайшее окружение монарха.

В результате капитал утекал за рубеж, отечественная экономика стагнировала или впадала в глубокий кризис. Это зависело от состояния государственной власти – иногда она спохватывалась относительно своевременно, капиталисты лишались влияния, и граница восстанавливалась, а иногда дело кончалось крахом, как в 1917 г. То есть процесс первоначального накопления раз за разом обрывался на взлете...

А ведь, по сути, само существование межгосударственных границ (таможенных барьеров) и обусловлено изначально именно различиями в уровнях производительных сил в соседних областях. Каждый правитель старался избежать ситуации, когда его подданные могли купить товар дешевле... но на рынке соседа. Ведь выигрыш этих неразумных граждан был вре-

менным – если цены на соседнем рынке ниже, то и продавать уже свой товар им приходилось по более дешевой цене.

У кого товар получается дешевым – тем выгоден максимально открытый рынок, у кого издержки высоки – вынужден держать границу на замке – в первую очередь для иностранных товаров и отечественного капитала.

Помните совпадение климатической карты и схемы, на которой отмечены страны-члены НАТО и Варшавского Договора? Нулевая изотерма практически делит Европу на зону НАТО и зону нейтральных и социалистических стран. Отклонения не слишком значительны: если добавить тогда в НАТО Словению, Хорватию, Албанию, Грузию и Азербайджан, то мозаика практически сложилась бы. Все страны, территории которых не испытывают зимой морозов, были бы членами НАТО, те же, где бывает и ниже нуля, остались бы союзниками СССР или нейтральными странами. Исключение – Исландия (там зимой $-1\text{ }^{\circ}\text{C}$) и Швеция, густонаселенный юг которой, впрочем, лежит в «плюсовой» зоне – но, надо сказать, хоть она и не была членом НАТО в советские времена, но была скорее враждебным нам государством, по крайней мере, более враждебным, чем Финляндия, Австрия или Швейцария.

Конечно, вы можете сказать, что Норвегия находится в плюсовой зоне лишь частью территории, но дело в том, что на этом клочке и сосредоточено 80 % ее населения. Вообще так называемые «северные европейские страны» напоминают своей формой комету: крошечное населенное «ядро», находящееся в «плюсовой» или умеренной зоне, и огромный малонаселенный «хвост», протянувшийся к северо-востоку. Эти зоны сильно различаются и внутри стран: так, северные и южные районы Норвегии отличаются даже языком – норвежских языков на самом деле два – нюнорск и букмол.

А что касается тогдашней ФРГ, то небезынтересно, что «суровый юг» этой страны – это горная Бавария, жители которой до сих пор считают себя отдельным, хотя и германским, народом, и в истории это порой чувствовалось.

Что это значит, спросите вы? Чем объясняется такое распределение? Никакой мистики: «плюсовые» западные страны хорошо чувствуют себя в мировой экономике, уровень производственных издержек в них примерно одинаков, и они вполне могут объединяться в единый рынок. Чем больше рынок, тем больше плюсов для участников – и в приобретении, и в сбыте товаров. Общий рынок увенчивается и военно-политическим союзом. А вот для центрально-европейских стран и Швеции более выгодно некоторое дистанцирование от мировой экономики, хотя, по сравнению с Россией, отличия условий для хозяйственной жизни в них и в Западной Европе совсем невелики. Но и разница в уровнях издержек, измеряющаяся процентами – это много. Ну, а для самых восточных стран насущной была значительная изоляция, что выразилось и политически.

Желающие могут придумать и другое объяснение.

Итак, из-за наших особых условий издержки любого производства у нас чрезвычайно велики, а компенсировать их нечем. «Низкая зарплата» и «дешевизна сырья» – это мифы.

Нас давно призывали сломать преграды на пути инвестиций, чтобы они хлынули потоком. И сломали, и хлынули. Только не оттуда, а туда. Каждый доллар, появившийся в нашей стране, выгодней вкладывать не у нас, и это экономический закон.

Судьба российского частного капитализма в будущем зависит от того, удастся ли государству воспрепятствовать оттоку капитала за рубеж. Причем делать это надо всегда, стоит чуть-чуть ослабить усилия, и капитал перестанет быть российским. В этом отношении для нас представляет интерес опыт не тех западных стран, которые полностью открыты мировому рынку, а тех, которые несколько изолированы – Швеции, Швейцарии, Австрии. Как они препятствуют оттоку капитала в страны с низкими издержками?

Мы можем, таким образом, выпускать из страны всех и вся – кроме российского капитала. Для его же пользы.

Такова особенность экономической системы, воцарившейся в мире. В других моделях экономики, если производитель работает менее эффективно, чем другие, то он живет настолько же хуже. А в нынешней модели он вообще очень быстро исключается из системы производства и потребления.

И его судьба интересует только его самого.

Так повезло нам или нет?

Ответ Петровичу

В уже упоминавшейся книге профессора В. Андрианова есть такой, совершенно правильный вывод: «...для России необходима смена экономической парадигмы...».

Если вам незнакомо это слово, то не подумайте, что это обидное прозвище нашей «элиты», вроде «камарильи» или «гоп-компаний». Парадигма – это некая идея или теория, лежащая в основе научной дисциплины. Официальная парадигма западной экономической теории связана с понятием «эффективности». Считается, что если экономика и каждый из ее субъектов «эффективны», то есть прибыльны, то такая экономика наилучшим образом удовлетворяет потребности общества.

Для нас неприемлемость этой парадигмы в том, что ни одно из предприятий на нашей территории не может быть эффективно в «глобальном» понимании этого слова. Поэтому западная парадигма нас не касается.

Выбор западным обществом именно такой идеи не является выводом из каких-то «научных» посылок. Оно приняло такой критерий, не совсем даже потому, что он отвечает каким-то моральным установкам, а просто потому, что «он работает». В литературе принято объяснять, что критерий «эффективности» соответствует протестантской этике. «Богатство достигается постоянным трудом». Кто богат – тот богат, потому что трудолюбив, поэтому он избран Господом. Это аксиома, поэтому априорно подозревать кого-то в нечестивом обогащении – неприлично и греховно.

Я не буду спорить, лишь отмечу, что на самом деле западное общество руководствуется не только критерием эффективности. Точнее, по всему миру применяется он, а в собственно западных странах до сих пор применяется еще какой-то принцип, примерно соответствующий известному: «человек должен трудиться». Эти два принципа – не один и тот же, как можно подумать, а совершенно разные, разноуровневые. Критерию «эффективности» совершенно безразлична судьба «неэффективного» работника, но почти полная занятость трудоспособных на Западе объясняется применением второго принципа, иначе там сейчас было бы полно безработных. Второй принцип каким-то образом «обманывает» принцип «эффективности»! То есть, можно сказать, в западной парадигме участвует второй принцип, условно формулируемый как: «Своих не бить!». Как достигается его практическая реализация – загадка. Загадка также – который из принципов главнее.

Ну и добавлю еще третий принцип. Западные экономисты всегда имеют в виду ограниченность ресурсов. И все решения в экономике они рассматривают как их дележку. И если двое объединяются и делают что-то полезное для обоих, то, с точки зрения западных экономистов, эти двое отнимают что-то у третьего! «Что где-то прибавится, то где-то отнимется». В учебниках этот принцип иллюстрируется т. н. «кривыми Парето».

Так вот какой принцип должен лежать в основе нашей экономики? Какова должна быть эта самая «парадигма» и достаточно ли нам лишь одного основополагающего принципа, а не нескольких?

Вот фрагмент письма одного из моих читателей и фрагмент моего ответа ему:

«...рассуждая об экономике применительно к нашей стране, нельзя исходить лишь из экономических принципов, но следует исходить и из принципов патриотизма.

С уважением

Петрович, студент 1-го курса.

P.S. Прошу прощения за то, что пишу очевидные вещи, да еще и в моем понимании искаженные, наверно, но есть ведь люди, которые и таких простых вещей не понимают».

«Петрович!

...Проблема, затронутая в последней фразе письма («не из экономических принципов, а из принципов патриотизма») – одна из самых серьезных. Что есть «экономические принципы»?

В «Экономике» – курсе экономики трех профессоров Массачусетского института, самым известным из которых является Стенли Фишер, говорится, что «экономика – это дисциплина, изучающая, каким образом общество с ограниченными ресурсами решает, что, как и для кого производить».

Здесь скрыто противоречие. Многие мыслители (не экономисты) едины в том, что не дело науки – определять для человечества цели. Этим занимается этика (мораль), а наука (в том числе и экономика) лишь говорит, достижимы ли эти цели и каким образом. То есть для кого производить – не экономика определяет. Экономика должна подсказать, как производить для того, для кого это нужно по мнению общества.

И не торопитесь говорить, что производство должно служить людям. А каким людям? Даже если ограничиться только своей страной, то только ли живущим ныне? А ни неродившихся еще детей рассчитывать или после нас хоть потоп? А на внуков? Правнуков? В каждом случае экономика выглядит совершенно по-разному. Одно дело, когда строишь дом для себя – и совсем другое дело, когда еще и для внуков. Во втором случае расход труда и материалов выше, а собственный комфорт – ниже, можешь им и не успеть насладиться. То ты должен растянуть имеющиеся месторождения на 100 лет, а то можешь промотать за 10. Все зависит от того, на какую перспективу ориентируешься.

Так ни сколько лет рассчитывать?

Вообще-то принято считать, что перспектива – это, примерно, 50 лет. Это сейчас нормативный срок, на него ориентируются, когда строят промышленные здания и сооружения. Но вот при Сталине строили явно на более долгие сроки, чем 50 лет, а сооружения, построенные при Хрущеве, еле простояли 30 (пятиэтажки, мосты, эстакады). При Брежневе перспектива немного расширилась, а при правлении реформаторов, как легко оценить, все решения принимались исходя из срока в 10 лет.

При Брежневе создавались стратегические запасы и для внуков, и для правнуков, одних патронов заготовили на три Отечественных войны, а реформаторы все постарались спустить за пять лет. Видите, насколько общество непостоянно в своих планах? И экономика для каждой общественной ситуации – разная.

Иногда бывают и вынужденные ситуации, как у нас в конце 30-х годов, когда вообще нельзя было рассчитывать на какую-то перспективу, а приходилось каждый день производить оружия, сколько можно потому что завтра война, и если проиграешь, всем конец. В таких ситуациях все ресурсы тратятся, не считая.

А вот если бы мы жили в абсолютном мире, и никаких проблем бы не было, то самым правильным было бы рассчитывать на бесконечность. Тогда невозобновляемые ресурсы расходовать вообще нельзя, а только возобновляемые. Нефть и газ не трогай, только энергию рек, ветра и солнца, и древесину используй не больше прироста. Землю возделывай по Вильямсу – был у нас такой почвовед, впоследствии ошельмованный, который считал, что целью агротехники является повышение плодородия почвы, а не истощение ее монокультурой на продажу.

Видите, как непросто выработать правильную экономическую стратегию, даже если мы ограничиваемся интересами только нашей страны. А если кто-то принимает решения в интересах мирового сообщества, а не нашего народа? Тогда ведь экономика будет выглядеть совсем по-другому! Вот она и выглядит по-другому.

Поэтому ваша фраза правильна. Нельзя строить экономику, исходя из экономических принципов. Сама экономика себе задач не ставит. Надо экономику привлекать для достижения

задач, поставленных обществом самому себе. Увы, задачи пока что ставятся не на базе принципа патриотизма, а исходя из какого-то другого принципа.

Этика, мораль, психология не просто влияют на экономику, сама экономика без них невозможна. Если предоставить решение экономических вопросов машине, то она скорее всего вместо кладбищ предложит строить комбинаты по производству мясо-костной муки. Экономика предлагает, как человеку удовлетворить свои потребности – а что такое «потребности»? Чистая психология!

Некоторые «безбашенные» или прикидывающиеся таковыми утверждают, что учитывать надо лишь «эффективность» экономики. Но это словоблудие – эффективность зависит и от поставленных целей. Например, кто-то считает свое оружие эффективным – но тот, по кому это оружие применяется, скорее всего, имеет свое представление об эффективности. Понятие «эффективность» – не абсолютное, а относительное, и зависит от того, кто эту эффективность оценивает».

(Замечу, что фраза о строительстве при Хрущеве была написана еще до обрушения станции «Сенная», построенной в 1962 году.)

Надо ли говорить, что парадигма нашей экономической науки должна как-то определять эффективность производства на нашей территории, а не вообще в мире? Либо у нас не будет экономики вообще, либо будет своя, в чем-то отличная от мировой. То есть, во-первых, наша основная парадигма должна отличаться от общемировой, и даже ей противостоять.

Во-вторых, наша основная идея должна быть воспринята обществом и элитой сознательно. Мы все должны будем понимать, что движущие силы и интересы субъектов нашей экономики должны быть другие, чем в мире. Общество должно понять, чего оно хочет в перспективе, и не пугаться обвинений в «неэффективности экономики»!

Ну и что, что мы потребляем энергии больше других? И что, нам этого надо стесняться? Совсем не потребляет только покойник. Я уж молчу, как потребляют американцы – хорошо потребляют, от всей души. Да еще и чужое.

Конечно, не всякое общество способно заботиться о чем-то, что произойдет не завтра. Возможно, дело в известной особенности, подмеченной кем-то из древних политологов, по моему, Платоном. Характеризуя монархию – тогда это был единственный пример жестко централизованного государства – он говорил приблизительно следующее: управление при таком государственном устройстве наиболее эффективно, но у него есть существенный недостаток – граждане перестают воспринимать общественные проблемы как свои собственные.

Особенно это касается общественного строя СССР 50–80 гг., который воспитывал, пожалуй, даже иждивенческие настроения. Самый явный признак таких настроений – падение рождаемости. В традиционных обществах много детей заводят не только ради удовольствия: дети это гарантия старости. Когда не сможешь работать, благодаря детям проживешь лишних двадцать лет. В благополучных государствах развитая социальная сфера снимает эту проблему, и рождаемость снижается. Но есть опасность, которая реализовалась у нас. Многие вообще отказывались заводить детей, не заботясь о будущем. Расчет был на «пенсию». А сейчас перидика полна требованиями повышать пенсии, но, даже если удастся отобрать общественное богатство у приватизаторов, все равно, для наполнения пенсий реальными товарами кто-то должен работать! То есть те, кто не заводил детей, рассчитывая на пенсию, на самом деле рассчитывал, что их будут обеспечивать чужие дети. Что произойдет с бездетными стариками при развале социальной сферы – вообще не хочется обсуждать. А такое в истории случалось!

Но действительный перелом в ситуации в стране наступит тогда, когда каждый человек задаст себе вопрос: «собираюсь я здесь оставаться или собираюсь уезжать?». Тут даже не важно, каким будет ответ, важно, чтобы был хоть какой-нибудь. Пусть даже человек будет гундеть, что он хочет ездить на «джипе», а не на «Запорожце». Но надо, чтобы он решил – здесь он собирается ездить или там?

Одна знакомая мне семья переехала в Южную Африку, продав отличную московскую квартиру за несколько десятков тысяч долларов и открыв там на эти деньги небольшую лавочку. Их я еще могу понять. Но не могу понять того, кто эту квартиру купил – «заработал» на эту квартиру он на вывозе из страны ресурсов (других состояний в стране нет), приближая тем самым катастрофу страны. Он-то кому продаст эту квартиру, когда все люди с деньгами побегут из страны?

Самая главная проблема именно в том, что слишком многие подсознательно никак не определяются, живут они здесь или уезжают. И тянется это десятками лет, то есть совершенно очевидно, что большая часть здесь живущих никуда не уедет. Так, значит, надо беспокоиться о том, чтобы в «этой стране» надолго хватило основных жизненных благ, а интересы мирового сообщества нас не должны волновать. Странно, что об этом приходится говорить, но ясности в мыслях, по моим наблюдениям, у многих нет.

Многие сами не уезжают, но почему-то думают, что их дети захотят уехать. Ну, захотят, ну и что?

Говорят и пишут, что одной из целей Запада является эвакуация наиболее деятельной молодежи перед всеобщей катастрофой. Боюсь, эти оптимисты слишком хорошо о Западе думают. Да и преуспела за период реформ наиболее криминализованная часть этой активной молодежи, а на Западе своих жуликов хватает. Не пустят, да и многих, кто уехал, вышлют. Разве что пустыню Негев осваивать – это пожалуйста. Один, что ли, Коротич лишился сейчас контракта в Америке? Думаю, и некоторые из известных олигархов, прибыв на Запад, с удивлением обнаружат себя в наручниках. Знаете ли вы, что значительная часть западноевропейской молодежи при возможности уехала бы в Америку? Америка гораздо богаче Европы, и, открой туда свободный доступ, не только вся Африка сразу оказалась бы в США. США умело защищаются от наплыва иммигрантов. Возможность легко влиться в американское общество иллюзия, созданная специально для нас с определенной целью.

Пока наше общество о будущем не думает, а без этого оно не будет поддерживать дальновидных политиков. Но, предположим, наше общество все-таки задумается, чего же оно хочет. Захочет ли оно продать все, что есть (см. табл. 2) примерно за 40 лет и оставить своих детей ни с чем. Ведь наши учтенные ресурсы примерно таковы. Кроме того, чем ближе к исчерпанию, тем добыча дороже. (Буквально в последний час перед сдачей рукописи я слышал заявление Рэма Вяхирева, главы Газпрома. Он официально заявил, что Россия через несколько лет столкнется с дефицитом газа. Вот вам и запасы на 80 лет)

Нет, такое разумное общество эту распродажу потребует остановить и будет требовать от правителей экономного расходования ресурсов.

А как проверить, заботится ли правитель о стране или только имитирует заботу. Я думаю, что мы должны все-таки определить какие-то ориентиры.

Надо ли говорить, что наши государственные деятели не должны рассматривать варианты проживания своих потомков где-то, кроме как здесь? У меня большие сомнения вызывают правители, не видящие будущего своей семьи в России. Возможно, должен быть и закон на эту тему. Тогда их политика будет такова, чтобы знакомые и дорогие им люди – внуки и внучки – в зрелом возрасте не оказались в стране, переживающей катастрофу отсутствия ресурсов. Пусть в Америке такого закона нет, но у них и проблемы такой нет. По признанию С.Н.Хрущева, его мать заботилась, чтобы он учил английский язык еще в советские времена, и ее заботы не пропали – он живет теперь в США и даже получил американское гражданство. Не знаю, было ли это мечтой Никиты Сергеевича, но его супруги – несомненно. Очевидно, она планировала лучше, чем ее супруг.

Но тот временной период – по крайней мере пятьдесят лет – на который мы должны рассчитывать экономику, это только один параметр. Существенно важнее, чего мы хотим достичь?

Сразу, с порога, хочу отвести ту цель, что провозглашалась у нас десятками лет: «удовлетворение все возрастающих потребностей». Думаю, любой может назвать конкретных, знакомых ему людей, для удовлетворения потребностей которых будет маловато ресурсов средней по размерам страны. Цель экономики должна быть другая. Даже не так существенно, что она должна быть посильная – но она должна быть проверяемая. То есть если цель провозглашена, то все общество, по крайней мере, люди с правом голоса, должны иметь возможность проверить, достигается ли эта цель.

Видимо, потребление вообще нельзя выдвигать в качестве цели по разным причинам, моральным, практическим. Степень «удовлетворения», вообще говоря, не проверишь. Я не большой любитель ссылаться на западные реалии, но для многих они убедительнее любых доводов так вот на Западе их парадигма о потреблении ничего не говорит. Только об эффективности (прибыльности) производства!

Видимо, основной критерий «правильности» нашей экономики должен состоять в том, чтобы каждый человек мог при желании работать. Чтобы для этого были все необходимые условия – сырье, оборудование, возможность получения образования. Чтобы возможности каждого – использовались. И чтобы производилось не что-то «вообще», а то, что другие захотят приобрести. Если все будут работать и производить нужное, то, автоматически, и уровень жизни будет расти! Это надо подчеркнуть, потому что если предоставлять возможность всем делать только то, что они хотят – то такая экономика долго не проработает. Надо, чтобы каждый работник постоянно держал в уме простую мысль: купит ли кто-нибудь сделанное им?

А если этот критерий не будет выполняться? Тогда будет происходить потеря капитала, причем невозполнимая. Ведь из чего складываются нынешние потери нашей страны? Потери территорий и населения их – не потери. Они никуда не делись, и их население – не наша собственность. Да, жалко военных баз, но мало ли мест на Земле, где у нас их нет и не было? Возможно, что когда-нибудь в будущем какие-то из территорий к нам вернуться, история не кончилась двадцатым веком.

Капитал

Из России утекает капитал. Сколько раз вы слышали и читали эту фразу, в том числе в этой книге? А что такое «капитал»?

Надо четко понимать, что капитал – это не только зелененькие бумажки. Капитал – это факторы производства – и сырье, и оборудование. Это и персонал, и квалификация персонала. Это энергия и помещения. А вот из долларов к капиталам относятся лишь те, на которые приобретаются факторы производства. Остальные доллары, те, которые расходуются на личное потребление – не капиталы.

Так что утечка капитала – это не только и не столько вывоз долларов «новыми русскими».

Мы терпим утечку капитала не в тот момент, когда доллары по фиктивным контрактам уходят за границу, а когда позволяем частным гражданам самим принимать решение, на что тратить валютную выручку от продажи общественного достояния. Вот в этот момент капитал и утекает! Продажа сырья, энергии, оборудования, выезд квалифицированных специалистов – вот это на самом деле безвозвратные потери капитала. Все это к нам уже не вернется.

Продав сырье, российский продавец получает доллары. Здесь имеется еще второй шанс остановить утечку капитала, заставив владельца этих долларов купить средства производства и поместить их в России. Но, как правило, этого не происходит. Доллары тратятся на товары потребления или уходят за границу.

Так что же должно быть в правильной экономике?

В правильной экономике не должно быть утечки факторов производства из страны. Всех факторов! В крайнем случае допустим лишь обмен одних факторов производства на другие!

Что препятствует правильной экономической стратегии?

Когда решение принимает более мелкий субъект (лицо или фирма), то он находится под давлением большей выгоды мировой экономики, и решение получается в его пользу, но не в пользу российской экономики. Поэтому в правильной экономике все решения по перемещению капитала наше общество должно в идеале принимать в обстановке «круговой поруки», хотя это и неудобно.

Конечно, и просто непроизводительная трата ресурсов – также утечка капитала, «утечка в никуда».

Все эти потери в «правильной» экономике терпеть нельзя.

Но мы несем сейчас самые тяжелые потери вот в чем: вся человеческая цивилизация создана из природных ресурсов трудом. И если человек один день хотел и мог трудиться, а экономика не предоставила ему такой возможности – то земная цивилизация потеряла один человеко-день, потеряла безвозвратно. Заменить его, возместить – уже нельзя. Вот где самые тяжелые потери из-за «реформ» – мы потеряли плоды труда целого поколения. Молодой парень, сидящий целый день за прилавком со жвачками, и сам этому не рад. Он мог что-то сделать, но ему этого не дали. И мы все должны переживать эту ситуацию еще сильнее. Потерял не только парень, потеряли все мы.

М.М. Голанский, о котором я упоминал, эмоционально говорит о том, что «глобальная экономика» останавливает производство в «неэффективных странах», рассматривая его как зряшную трату сырьевых и человеческих ресурсов. Это не точно – сырье и многие другие виды капитала западное общество порой из «отсталых» стран забирает, но ему дела нет до человеческих ресурсов! Вообще субъекты западной экономики живут, как колония бактерий, никаких моральных оценок они не используют, по крайней мере в «третьем мире». Поэтому растрата «человеческих ресурсов» в «отсталых» странах, влившихся в «мировую экономику», на самом деле гораздо сильнее, чем до того, когда эти страны были изолированы. В изолированных от мирового рынка странах человек что-то, хоть и «неэффективно», создает, но после прихода туда глобализма, в зависимости от условий, он либо начинает работать «эффективнее», либо выключается из товарного производства вообще, выкидывается в натуральное хозяйство.

Бывает ли так, что люди могут и хотят трудиться, но не имеют для этого возможности? Сколько угодно. Для труда нужны другие виды капитала, и их порой нет. Чем дальше, тем ситуация у нас в стране напоминает ситуацию в Китае 19-го и начала 20 века. Вспоминаю эпизод из мемуаров одного европейца, жившего там в 20-х годах. На улицах продавались сувениры – скорлупки грецких орехов, изукрашенные тончайшей, высокохудожественной резьбой. Почему ценнейший труд тратился на такой бросовый материал? А не было некоторых видов капитала! Серебро, нефрит, слоновая кость ушли из Китая, как и другие виды сырья, на Запад за опиум и соль. Соль, к тому же, была своя, китайская, но монополизирована европейцами!

Вот поэтому главный критерий правильности экономики – все ли граждане заняты добровольным производительным трудом? Есть ли у них все для этого необходимое? Сырье, оборудование, энергия, квалификация? Ведь производить надо не лишь бы что-то производить, а современное и полезное!

Если слишком много не по своей воле безработных, или занятость смещается сверх меры в непроизводительную сферу (разнос фломастеров по электричкам – крайне непроизводительно), то правители должны быть сменены и, возможно, наказаны, но главное, должна быть изменена политика.

Как добиться того, чтобы труд был не только производительным, но и полезным для других – другой вопрос, очень важный. Может быть, в будущем придется использовать и «западную парадигму» – но без выхода за пределы российского рынка. Я не могу утверждать, что так же хорошо понимаю перспективу, как текущую ситуацию, но не мне одному и решать, что делать.

Но запомним это: в основе нашей экономики должен лежать принцип максимального использования ценнейшего ресурса – человеческого труда. О том, что для этого нужно, поговорим позднее, сейчас чуть-чуть вернемся к дискуссиям 80-х годов.

Нужен ли в России рынок?

Второй ответ Петровичу

Приведу второй фрагмент того же письма и моего ответа на него:

«... мой собеседник сделал потрясающий вывод: рыночная экономика хороша тем, что регуляция в ней осуществляется теми же методами, что и в природе („выживает сильнейший»), а раз эта система „близка» природе, то и справедлива и является наилучшей. Я возразил: если бы человек подчинялся природе, а не пытался бы приспособить ее для себя, то мы и сейчас жили бы в пещерах (если жили бы)».

«Петрович!

Вторая проблема, затронутая в письме – истоки рыночной экономики.

Сначала насчет близости к природе. У нас в компании, в молодости, когда о ком-то говорили, что он «близок к природе», то имелось в виду, что он «от природы недалек».

Уверены ли вы с вашим другом, что в природе выживает сильнейший? Для бактерий это так. А уже для птиц и млекопитающих, кроме самых примитивных, это вовсе не так. Почти нет животных, которым не были бы свойственны те или другие формы общежития – в стае, стаде, группе. Вопреки тому, что иногда думают, стая дает возможность выжить покалеченному собрату, и иногда даже распространяет принципы взаимопомощи на другие виды – я как-то видел редкие кадры, как бегемот отбил антилопу у крокодила. Маугли – не вымысел. Слабый, но в стае – выживает, а сильный, но неуживчивый – погибает.

Попробуйте отобрать у собаки еду! Но у меня был случай как-то раз я приболел, и мой пес принес мне на подушку свою кость.

Все домашние животные – от природы коллективисты, даже домашние кошки. Они происходят от нубийской кошки, которая легко приручается, а очень похожая европейская лесная кошка – к общежитию с человеком непригодна. А почему? Лесная – по жизни индивидуалистка, а нубийская живет в норах небольшими коллективами.

По своим моральным качествам собака гораздо ближе к человеку, чем волк, но не из-за тысячелетней близости – она и одомашнена была именно потому, что психологически совместима, а волка человек так и не приручил.

Вся взаимопомощь в стае построена на принципе посильной взаимности. Я читал мемуары одного нашего полярника, по-моему, Федорова, в которых он много пишет о ездовых собаках – у него было время за ними наблюдать. В стае собак на зимовках были сложные отношения, и бывали случаи, когда всей стаей они разрывали какую-либо одну. Случаи для невнимательного человека необъяснимые, но Федоров заметил, что всегда эти «казни» были за дело – жертва была или вороватая, или беспричинно агрессивная, или даже просто ленивая – не тянет лямку, как все.

То есть это у нас в биологии – ты мне спину почесал, я тебе. Но если ты раз попользовался и не возместил, два – то иди-ка ты, милый друг, куда подальше!

То есть тот индивид, который получает блага, должен отдать столько же, и стая за этим следит. Нельзя пускать дело на самотек если возврат товаров и услуг не будет контролироваться со стороны, то ленивые или бестолковые индивиды разрушат «внутренний рынок стаи». Как легко догадаться, этот принцип общественного контроля ставит предел увеличению стаи – начиная с определенной численности контроль всех за каждым становится невозможным, и рано или поздно это отражается на качестве обмена.

Так что вы верно говорите, что «рыночная система близка к природе», потому что некоторые основы рынка коренятся даже в биологической природе человека. Это естественно для

человека – предложить что-то, ценное для другого, и ожидать, что тот что-то даст взамен. Даже если этот «тот» – собака.

Но вот только не надо путать рынок, то есть обмен вещами и услугами, и борьбу за существование, естественный отбор. И цель рынка – не в селекции, не в «выживании сильнейшего», а во взаимопомощи, в обмене плодами труда. И то чувство неловкости, которое возникает, когда не можешь отплатить за услугу, возможно, вполне инстинктивно.

Наша идеология в недавние годы не любила подчеркивать родство психики животных с человеческой, но ведь и многие потребности, на удовлетворении которых базируются целые сектора рынка, являются вполне биологическими. Это человеческий шовинизм – считать, что мы так уж далеко ушли от животных. Многое у нас общее, и не только красная кровь.

Конечно, неумение существовать в рынке снижает шансы индивида на выживание, как и другие дефекты поведения. Но отбора в рынке нет, он не для этого создавался, он от других механизмов произошел.

Конечно, человеческий рынок более сложен, чем обмен услугами в собачьей стае, но даже некоторые его механизмы могут осваивать не только люди.

Так, наиболее высокоорганизованные животные могут даже понять, что для других представляют ценность вещи, им самим не нужные. Вот пример: вокруг одного из храмов в Южной Индии живет стая священных обезьян, которая является туристической достопримечательностью. Тамошние макаки выпрашивают подачки у туристов, но не едой, а деньгами. Они разбираются в сравнительной ценности монет, а незадачливых шутников, дающих им монетку, не имеющую хождения, обезьяны могут и покусать. Обезьяны покупают то, что им надо – ну там, бананы, газету «МК» – у торговцев вокруг храма, освоивших вот такой экзотический рынок. Так как кроме ценности мелких монет эти макаки больше ничего в валютно-финансовой сфере не понимают, то их смело можно считать непосредственными предками «школы монетаристов».

Независим ли современный рынок от общества? Иногда даже говорят, что сначала возник рынок, а потом уже все остальные институты человеческого общества – община, государство. Так ли это?

Вот представьте себе ситуацию. Вы идете по переулку, а там бабуля с прилавка продает яблоки. Почему вы не просто берете яблоко, а платите за него? Ведь бабуля ничего вам сделать не сможет, даже если догонит?

А очень просто. Есть милиция, суд и тюрьма, и каждый человек принимает участие в рыночных отношениях, подсознательно учитывая существование этих государственных институтов. Кто не хочет или неспособен их учитывать, рано или поздно с ними знакомится, если государство цивилизованное. Вот поэтому государство первично, а нынешний, современный рынок – вторичен, и все разговоры о независимости рынка от государственного регулирования – глупости.

Кстати, когда говорят, что где-то люди цивилизованы и так, без жестоких наказаний, надо просто посмотреть повнимательней на историю такого общества. Да, англичане законопослушны, а лондонские «бобби» дежурят без оружия и дубинок, как у нас милиционеры когда-то. Но чудес не бывает. Просто в Англии триста лет подряд вешали за кражу носового платка, разве не отразилось это на «ментальности», извините за выражение, англичан?

Тут можно несколько вольно процитировать умнейшего нашего писателя-мариниста А.Б.Снисаренко, пишущего на исторические темы:

«Первые купцы, в гомеровские времена, были одновременно пиратами и бандитами. Подплывая к поселению какой-нибудь прибрежной общины, они мучительно соображали, оценивая соотношение сил. От этого зависела программа действия, что делать – налететь и ограбить или торговать? И местные, глядя на подплывающий корабль, решали в уме такую же экономическую задачу.

Торговля же с чужаками была делом рискованным. Не редкость были случаи, когда, усыпив бдительность местных несколькими сеансами мирной торговли, «купцы» захватывали столпившихся у кораблей женщин и отчаливали, за считанные минуты в десятки раз повысив рентабельность торговой экспедиции.

Зачастую в те времена чужеземца на всякий случай сразу убивали, это была единственная и очень действенная защита от коварства морских разбойников».

Какой рынок был тогда возможен? Только обмен между соседними общинами, поскольку соседи хоть и не любили друг друга, но знали, что от кого ожидать. Не было государств с их полицией и судами, зато существовало межобщинное право, регулировавшее отношения с помощью известных стандартных приемов вроде кровной мести. В этих условиях был еще не рынок, а обмен – пленницу на меч, шкуру медведя на пару овец, меру репы – на меру ячменя.

А первые государства, взимая некоторую мзду, обеспечивали для всех участников торговых операций общие и понятные «правила игры», и в конце концов именно эта форма рынка, а не гомеровская, привилась. Очень многие известные города возникли именно как укрепленные, безопасные рынки под патронажем местного авторитета (царька), а не как племенные убежища на случай войны. Тогда и появились предпосылки для настоящего рынка.

Так что рынок – это не борьба индивида с индивидом за существование. Голливудские герои – красивые, сильные и агрессивные индивидуалисты – вымерли миллионы лет назад, еще на стадии пресмыкающихся. Их нет в природе. Остались связанные взаимной защитой стаи, соединенные взаимопомощью общины, скрепленные внутренним рынком государства.

А теперь о справедливости рынка. Справедлив ли рынок? Да, рынок справедлив.

Человеку, да и любому существу, несмотря на весь стихийный коллективизм, присуще чувство, что он дает много, а получает мало. Ты можешь считать, что отдал достаточно, не меньше, чем взял, но так ли это? Как подтверждается справедливость обмена в коллективе, где нет рынка? Только мнением коллектива.

В стае зверей обмен услугами был не одномоментным, то есть если тебя защитили, то ты не в тот же момент должен был отдать долг, а когда надо будет. Если ты долгом сманкировал, то вокруг тебя начинало нарастать напряжение.

В условиях обмена товарами обмен считался справедливым, когда он происходил без принуждения, и его участники были удовлетворены. Мне нужна была шкурка лисы, и я согласен отдать сто мер ячменя. Для каждого обмена меру устанавливали потребности сторон.

И в обмене между людьми, благодаря наличию языка и чувства времени, был вполне возможен разнесенный по времени обмен – я даю тебе сейчас, а ты отдашь мне потом. Но такой обмен был ограничен кругом знакомых и доверявших друг другу людей – общиной.

А если меняешься с незнакомым, а он говорит, что отдаст потом, так верить или нет? А обмен выгодный, жалко упускать! Но человек все-таки существо более-менее разумное, и смог найти выход. Для случая людей малознакомых мог помочь делу материальный залог – какая-нибудь вещь, вообще ценная, но не нужная в данный момент ни продавцу товара, ни покупателю. Так появились деньги. В качестве денег выступали вещи ценные, небольшие и ликвидные, то есть такие, которые легко было поменять. Это были бронзовые или железные заготовки ножей, бусы, золото и серебро. У славян была единица «плат» кусок ткани, от него произошло слово «платить».

Монеты вообще первоначально были, видимо, заготовками бус – во всяком случае у склонных к традициям китайцев деньги долго делались в виде монет с дырочками. Но в некоторых провинциях Китая деньги были в виде бронзовых ножичков, да и иероглиф «деньги» содержит, по-моему, значок в виде ножика. Так было, потому что сам материал значения не имел, важно было, чтобы он имел широкую полезность. И древнегреческая монета «обол» первоначально была железным прутом заготовкой ножа, а 6 штук их называлась «драхмой» – «горстью» по-гречески. Железный пруток был не менее ходовой вещью, чем золотая бусина, и

потребность в железе гарантировала, что этот пруток у вас в любом месте возьмут. Понятно, чем гарантируется и ценность мешка зерна.

Чем обеспечивается само золото? Дело ведь не только в его редкости. Редких и уникальных минералов в мире много! Золото, видимо, должно быть обеспечено какой-то самостоятельной ценностью, которое в нем заключено. Причем ценностью, очевидной для всех.

Кто или что гарантирует ценность золота? Ценность не в предмете, а в отношении к нему со стороны людей. Зачем золото на необитаемом острове? В человеческом же обществе золото вполне обеспечено страстью женщины к украшениям и страстью мужчины к женщине. Поэтому золото и стало универсальным обменным товаром еще до потопа – везде, где есть человек – мужчина или женщина – путник мог выменять на золото еду, одежду, ночлег и другие услуги. То есть человеку важна не самостоятельная цена платежного средства (вполне возможно, что железный пруток в данный момент ни торговцу, ни покупателю не нужен), но важна гарантия, что он всегда это платежное средство может поменять на жизненные блага. Так единая обменная мера появилась из неодномоментного обмена между незнакомцами.

Но у денег появилось одно побочное качество – оказалось, что с их помощью можно разносить сделки по месту и времени, и, самое главное, заочно оценивать выгодность обмена самых разных предметов, что дало резкий импульс торговле. Конечно, внутри регионов (рынков), где действовали хотя бы сравнимые денежные системы. Но и между разными рынками был возможен обмен, и помогали в этом менялы весьма распространенная в древности профессия.

Так вот рынок, Петрович, справедлив. Ты сделал какую-то вещь, и считаешь, что по полезности для общества она соответствует ведру пшеницы, а покупатели не дают и полведра. И никакие твои убеждения, что ты затратил на ее изготовление массу сил и энергии, никого не убедят. Значит, твой труд, с точки зрения других людей, оказался мартышкиным трудом. А как еще измерить заслуги человека перед обществом? Только оценкой других людей. А оценка объективна, без круговой поруки и взаимного захваливания, когда оценивающим приходится жертвовать чем-то для себя ценным. Если согласен за чье-то изделие отдать плоды своего труда, тогда оно действительно полезно.

Вот посмотрите на ситуацию: некто закупает картину для музея, тратя чужие (государственные) деньги и покупая вещь не для себя. Так и тратились миллионы на что-то, по художественной ценности сравнимое с... молчу, молчу. Когда книги выпускались, не обращая внимания на то, будет ли кто-нибудь их читать, то в результате было выращено целое поколение литераторов, чьи творения совершенно непригодны для чтения.

Оценка труда рынком – самая справедливая оценка. Альтернатива рыночной оценке только одна – если все общество будет оценивать труды каждого человека – дает ли он столько же, сколько берет у общества, или же обмен неравноценен. А как это сделать в рамках общества, состоящего из тысяч и миллионов граждан? Даже если для всех видов деятельности разработать научные нормативы производительности, где гарантия, что произведены будут нужные в данный момент вещи? Труд-то бывает, повторюсь, и мартышкин – все вспотели, а результат никому не нужен. Труд должен быть умным, а умный труд – это когда что-то делают, имея в виду интерес потребителя. Так вот пока объективной оценки умного труда человека всем обществом не придумано, все идеи об отмене рынка – архиблагодарности.

Лишь если производятся такие блага, которые нельзя продать конкретному человеку – например, обороноспособность, то нельзя применять рыночные принципы, тут приходится государству собирать налоги. А вот оплачивать за счет налогов то, что потом потребляют конкретные люди – неправильно. Всякие там бесплатные квартиры и путевки в дом отдыха были чреватые злоупотреблениями – некто, не платя, ими пользовался, а некто – нет, и учесть было нельзя. Деньги ведь полезны еще и этим – можно посчитать, сколько каждый тратил! Ведь

бывало, что на кого-то расходовались огромные общественные ресурсы, но численно они никак не учитывались.

Но, конечно, рынок справедлив только тогда, когда покупаешь и продаешь без принуждения. Когда тебя не пускают на рынок, когда о цене тебе приходится договариваться с кем-то, кроме покупателя это уже не рынок. К сожалению, в этом-то и проблема: современный «свободный рынок» теряет те качества, которые делали его свободным. Принуждения быть не должно, но крестьянин может хоть год не продавать свои продукты, а горожанин должен есть каждый день. Это принуждение, хотя и неявное. Бывают и ситуации, когда средства обмена, принятые на данном рынке, по каким-то законам скапливаются у небольшой группы людей, и рынок парализуется – все хотят друг для друга работать, но не могут! Это тоже принуждение, принуждение к безделью.

Дело-то в том, Петрович, что современный «мировой рынок» большую часть истинно рыночных свойств потерял, а, кроме того, конкретно для нас он еще и смертельно опасен. Но основной принцип рынка для нас жизненно необходим: «делай то, ради чего другие захотят что-то делать для тебя». Экономика нашей страны лишь тогда будет нормальной, когда каждый субъект ее будет вынужден руководствоваться этим принципом, когда он не получит денег никак иначе, кроме как сделав что-то нужное другим».

Производительность труда

Читатель, возможно, уже начал ощущать какое-то внутреннее неудобство. Книга, как оказалось, имеет какое-то отношение к экономике... а где же «производительность труда»? Что это за рассуждения, если не провозглашена анафема «низкой производительности труда российского рабочего», с чего обычно начинаются и чем заканчиваются труды российских политиков и ученых?

Признаюсь – я отношусь к этому понятию без должного пиетета (уважения). Я не очень доверяю принятым оценкам и методам измерения этой величины.

Возможно, дело в личном опыте. Я работал на сборочном конвейере – это тяжелый труд, дальше интенсифицировать его уже некуда. Когда для того, чтобы, извините, сбегать на пять минут в туалет, надо посвистеть мастеру – мысль о том, что у американцев производительность труда в десятки раз выше – как-то отвергается сознанием.

И не рассказывайте друг другу, ради Бога, о роботизированных линиях. Я, конечно, не большой специалист, хотя писал диплом как раз по специальности «Роботы и манипуляторы», но знаю, что единственный роботизированный цех сборки кузовов фирмы «Ниссан» так и остался единственным в Японии, для съемок фильмов и показа президентам и премьер-министрам слаборазвитых стран. Японцы обнаружили, что корейцы и узбеки гораздо лучше, дешевле и надежнее роботов. У роботов масса ограничений при их использовании, и, если учесть затраты на изготовление самих роботов, то производительность труда поднимается ими не так уж сильно. Не подумайте, что я хую саму идею автоматизации, но польза роботов и автоматов заметна не всегда и лишь в действительно массовых производствах, когда продукция идет не тысячами, а миллионами единиц. А на Западе нет таких массовых производств, какие были у нас.

Не могу не рассказать одну историю: один мой знакомый как-то поехал в командировку в Японию, на неделю, и прожил там из-за своей дотошности три лишних месяца. Мы заказали там какой-то уникальный испытательный стенд, и этот инженер ездил его принимать. Оказалось, и японцы могут смухлевать – пытались сдать стенд с отступлениями от согласованных характеристик. Пока они устраняли замеченные недостатки, у инженера было время поболтать по заводу. По его наблюдениям, настоящие, не показательные производства в Японии ничем не отличаются от наших, особенно если к лицам не приглядываться. И бардак встречается, и грязь, и одеты рабочие так же, только пьянства на производстве нет (у японцев дру-

гая физиологическая реакция на алкоголь, они, как и турки, в нетрезвом состоянии к работе неспособны). Кстати, есть и стенды передовиков производства. В общем, не так уж сильно мы от них отличаемся.

Вернемся к «производительности труда». Почему мы о ней не говорим в этой книге? Потому что производительность труда в конкретном производстве – это расход рабочей силы на производство единицы продукции, то есть издержки лишь одного фактора производства, лишь одного ресурса. Но ресурсов-то много! Мыто насчитали пять групп! Почему же они не учитываются при анализе теми, кто «уперся рогом» в производительность труда?

Ну, предположим, мы добьемся превышения среднезападной производительности труда. Но победим ли мы в этом случае в глобальном соревновании? Если расход энергии в 4–8 раз больше, выигрыша-то все равно не будет!

То есть соревнование по этому критерию с западной экономикой мы заведомо проигрываем, и идеология, построенная на соревновании в производительности труда – в лучшем случае ошибочна.

Причина такой однобокости традиционного подхода экономистов кроется, возможно, в излишнем доверии Маркса к сообразительности других людей. Много у него умных вещей, понятых у нас, и, по-моему, даже и переведенных, неправильно.

Почему Маркс так напирал на производительность труда? Потому что он рассматривал проблемы экономики применительно к Западной Европе, географической зоне, практически не различающейся условиями. Там, действительно, достигнутый кем-то из конкурентов более высокий уровень производительности труда давал солидное преимущество. Другой-то разницы между странами Западной Европы нет! И по энергоемкости, и по транспортным возможностям все они практически в одинаковых условиях.

Именно это, на мой взгляд, имел в виду Сталин, когда отвечал на вопрос, в чем его подход к экономике отличался от марковского. Он ответил, что Маркс рассматривал экономику «в лабораторных условиях», а ему, Сталину, пришлось иметь дело с реальной жизнью.

Кроме того, Маркс считал, что все издержки можно в конце концов выразить через издержки рабочей силы. Так, Маркс полагал, что капитал – это прибавочная стоимость, овеществленный труд рабочих, присвоенный капиталистами. Ведь все создается трудом!

Пока не все экономисты признают, что в идеале цена продукта соответствует его «стоимости», то есть издержкам общественно необходимого труда, затраченного на изготовление этого продукта. А как же разница, то есть прибыль? Как же природная рента? Но практика показывает, что в совершенно конкурентном рынке цена, которую дают покупатели, неумолимо сближается с объемом издержек.

Но беда в том, что и эта идея Маркса, как и многие другие, была профанирована. Маркс считал, что затраты труда будут точно измеряться на всех этапах производства, но в нашей науке и практике на каждом отдельном этапе считали лишь производительность труда на данной операции, а не весь труд, который был затрачен ранее, на добычу сырья, изготовление оборудования, добычу топлива, строительство зданий и т. д. Да еще и занижали цену сырья. Считали, что энергия ничего не стоит, хотя, в физически-философском смысле, наоборот: ничто ничего не стоит, кроме энергии.

Поэтому-то наше производство, кроме совершенно неизбежных потерь, было еще и дополнительно энерго- и материалоемко.

Мы можем все это экономить, и должны, пусть даже мы и не догоним Запад.

Один мой знакомый, придерживающийся сходных с моими взглядов, был в Швеции. Его не удивило, что эта страна – на самом деле теплая, теплее Западной Украины, он это и так знал. Но вот что его поразило – что на автомобильном заводе «Вольво» ворота цеха – двойные, со шлюзом, чтобы тепло не уходило. Вы у нас видели двойные ворота?

Да, мы можем экономить. Но они уже экономят! В более теплой, чем Россия, Финляндии выпускаются массовым тиражом популярные книжки по энергосбережению, в домах ставятся герметичные окна с тройными стеклами. А у нас?

А теперь по производительности труда. Помните громкие крики, что мы уступаем в десятки раз «развитым странам»? Товарищи дорогие, ох и дурят нашего брата!

Так, по стандартной методике исчисления ВВП (внутреннего валового продукта) разница между Россией и США в выработке на одного занятого была в 9,3 раза. Не в нашу пользу. Но по более сложной и более объективной методике, разработанной Статистической комиссией ООН, разница уже в 5,1 раза – в США 51000 долл, в России – 10000. Но и это еще не все! Надо бы учесть, что в структуре нашего ВВП услуги занимают 20 %, в ВВП США – 75 %. По реальному, материальному сектору мы производили даже в 1993 году всего в полтора раза меньше американцев! Дело в том, что методику подсчета ВВП в Америке проверить трудно. Они считают не только конечный потребительский продукт, но и промежуточный, например, продажу комплектующих между фирмами-производителями и даже филиалами одной фирмы. И уровень монетизации у них выше. Что это такое? Грубо говоря, если я почищу ботинки вам, а вы мне, то в России это скорее всего будет бесплатно, и не войдет в ВВП и ВНП, а в США в этом случае сначала вы мне заплатите 10 долларов, потом я вам. В обоих случаях мы будем с начищенными ботинками и при своих, но в США ВВП увеличится на 20 долларов. Об этих, в общем, очевидных особенностях американской статистики писали и сами американцы – например, Василий Леонтьев.

Это то, что касается производительности труда. Теперь о такой штуке, как общественная производительность труда. Дело в том, что у нас в стране значительная часть рабочих, очень интенсивно трудясь, не производят продукцию. Результатом их труда является возможность работать для остальных – они производят топливо и обеспечивают теплоснабжение. Да снег, в конце концов, на улицах сгребают. Ну нет в других обществах таких работ! И нигде объемы собранного снега не учитывают. Поэтому наше общество в целом, при тех же, предположим, трудовых ресурсах и той же организации труда, все равно всегда выработает готовой продукции меньше.

Подводя итог, замечу: критерий производительности труда, конечно, применять можно, но он ограничен и не характеризует состояние экономики. Сравнивая наше общество с другими, необходимо считать удельный расход и других «факторов производства», как это сейчас называется.

Да, пока не забыл. Частенько в прессе можно встретить замечания «знающего человека», что две трети наших заводов нерентабельны, и дешевле купить соответствующую продукцию за рубежом. Это действительно так, с одним уточнением – достаточно ли рентабелен сам «знающий человек»? Он-то свою продукцию способен продать за доллары? Это надо иметь в виду и выдающемуся экономисту, и уважаемому профессору. Да, наши рабочие и крестьяне малоэффективны. Пусть так. А насколько эффективны выдающиеся экономисты и уважаемые профессора?

А те отставания по производительности труда в десятки раз, которыми козыряли в свое время идеологи реформ, как были фальшивками, так фальшивками и остались.

Не бойтесь!

Я хотел бы обратиться к тем читателям этой книги, которые причисляют себя к оппозиции.

Многие из вас с самого начала перестройки прониклись стойким отвращением к политике реформ и ее организаторам, другие прозрели несколько позднее. Но даже многие сознательные противники реформ оказались в стане оппозиции, просто потому что не любят Запад, или воров, или демократов, и т. д. То есть в основном на их выбор повлияло развитое чув-

ство собственного достоинства или интуиция, а не рассудок. А настало время – оно уже давно настало, на самом деле включать рассудок. Сколько можно жить эмоциями?

Еще раз повторяю важнейшее положение, которое до сих пор не доходит ни до реформаторов, ни до многих оппозиционеров. И те, и другие считают, что Запад купит наши заводы и фабрики, только первые думают, что это будет для нас хорошо, а вторые – что плохо. Но не правы ни те, ни другие. Запад не собирается скупать нашу экономику. Это невыгодно. Наша экономика в любом случае будет приносить им убытки. Нет смысла, живя в субтропиках, разворачивать в тундре какое бы то ни было производство, кроме плантаций морошки. Это имеет смысл только для тех, кто в тундре и живет, то есть для нас.

Но при беседах с оппозиционерами, независимо от их взглядов, чувствуется невысказываемое опасение. Эти люди в течение всего периода реформ боялись, хотя и не высказывали этого открыто, что политика реформ все-таки увенчается успехом. Многие боятся этого и сейчас.

В основном такие опасения присущи тем, кто не приемлет западное общество с морально-этических позиций. Их пугает, что Запад купит наши заводы, нефтяные месторождения и золотые прииски, что мы будем работать на капиталистических предприятиях, и в нашей стране окончательно возобладает западная мораль, с ее культом потребительства и вседозволенности.

Вдруг Запад вложит в нашу экономику сотню миллиардов долларов, вдруг придут в реформаторское правительство умные и честные люди, и сделают из нашей страны настоящую витрину капитализма. Что же делать тогда? Тем более, что каждого очередного реформатора (а сколько их было – не сосчитать!) СМИ характеризуют как умного человека, талантливого экономиста или администратора, и, как ни относись к пропаганде, какое-то воздействие она оказывает даже на стойких оппозиционеров. Вообще СМИ в профессиональном отношении хороши тем, что они предоставляют лживую, но привлекательную информацию для любого, какой бы политической ориентации он ни придерживался. «Обслуживаются» и духовные нужды оппозиционеров, и, если у оппозиционера есть какие-то заблуждения, то СМИ их очень профессионально закрепляют и усиливают. Национал-патриотам добавляют аргументов о «геноциде русского народа коммунистами», марксистам напоминают о «черносотенных взглядах» националистов, и т. д.

Вдруг жизнь в нашей стране в материальном отношении будет «рыночным капитализмом» улучшена?

Оппозиционеры стыдятся признаться в своих опасениях, потому что многие из них, будучи лично равнодушными к «мирским благам», признают нормальным стремление человека к лучшей жизни. И, борясь с реформами, чувствуют внутреннее неудобство. Получается, что оппозиция борется... против лучшей жизни для большинства народа!

Я хотел бы таких людей успокоить. Нет никакой опасности того, что мы сольемся с Западом в единое общество, даже несмотря на то, что такое желание у значительной части нашего народа есть. Западные реформы не могут увенчаться успехом в нашей стране ни в коем случае, ни при каких условиях. Они не приведут к лучшей жизни. И бороться против политики реформ надо потому, что они ведут к физической гибели страны, скорее всего в виде крупнейшей гуманитарной катастрофы, смерти большинства населения от голода и холода, а вовсе не из-за секса и наркотиков (кроме наркотиков, остальное не так уж плохо).

Если же вы, уважаемый читатель, сторонник реформ, то есть поддерживали Горбачева, искренне осуждали ГКЧП, а также если вы более одного раза голосовали за Ельцина – то не могу вас обрадовать. Мало того, что реформы кончились крахом и разорением страны. Но вы даже не сможете как-то устроить свою жизнь, уехав за границу.

Нет легких решений у «новых русских». Их не ждут на Западе. Кому они там будут нужны? Недвижимость отнимут за неуплату налогов – они ведь доходят кое-где до 30 % в

год, а источники-то доходов у них здесь, и они иссякают. И на Западе уже заранее развернута такая антирусская кампания, что в каждом русском видят мафиози. Так или иначе, вывезенных туда средств они лишатся. Я не буду приводить серьезных материалов (они есть) о реальных шансах эмигрантов устроить свою жизнь на Западе. Шансы незначительны, если вы не физик-ядерщик. Вы надеетесь обеспечить детям хорошее образование? Многие американцы тоже бы хотели... но в Америке выгоднее импортировать инженеров и врачей, причем их дети, став американцами, также не смогут стать врачами и инженерами.

Есть, впрочем, среди «новых русских» «красные директора», предприниматели, считающие себя патриотически настроенными капиталистами. Их духовным лидером является Лев Черной. Относясь с брезгливостью к «фанатикам-реформистам», они все-таки «в долгосрочной перспективе ориентируются на нормальные отношения с миром». Они «твердо верят, что барьер отчуждения будет преодолен». То есть они видят действительное отношение к нашей стране со стороны Запада, но все еще считают «климат отчуждения» плодом временного непонимания или даже реакцией на заявления «патриотов». Порой «Заявления» и «Обращения» этой социальной группы бывают столь искренними, что остается только удивляться: как такие богатые люди могут быть столь наивны? О «нормальных», то есть не унижительных для нас отношениях можно будет говорить, когда мы будем сильны, а добиться этого, не озлобляя Запад, нельзя. Неужели трудно это понять? А ведь о грозящей нам хозяйственной катастрофе эта категория знает не понаслышке.

Что же касается всех нас, то общее замечание таково: все предложения, как выйти из кризиса без резкого снижения жизненного уровня – несерьезны. Половина жизненного уровня обеспечивается за счет импорта. Любого жизненного уровня – даже у тех, кто вынужден кормить детей кашей из комбикорма. Сейчас импорт прекратится – как же уровню не упасть?

А импорт прекратится потому, что поступления валюты в страну неуклонно снижаются, а выплаты по долгам растут. И наши кредиторы в любой момент могут вообще «перекрыть кран», потребовав безусловной выплаты по кредитам. В этом случае включается механизм банкротства, и вся выручка от экспорта поступает заимодавцам. Пока этого не произошло, но может произойти в любой момент, и выбор этого момента за Западом, а не за нами. В любом случае импорт в 1999 году упал по сравнению с 1997 в несколько раз.

Поэтому-то легких решений нет и у будущих руководителей. Их, с одной стороны, будет обжигать народный «желудочный» протест, с другой – давление «новых русских», пытающихся отстоять остатки «прежней роскоши». Не отобрать у одних, не отдать другим, но и суммарный пирог-то уменьшается! К тому же свою долю требует и третий – наши друзья-заимодавцы с Запада.

Сейчас настает момент, когда приходит пора отдавать долги. Иллюзия благосостояния сменяется реальной нищетой на грани физического выживания.

Но с другой стороны – правильную парадигму нам все-таки придется принять, хотим мы этого или нет. Время свободного выбора кончилось, началось время «принудиловки».

Исторический пример

Но каким путем надо идти, к какой цели надо стремиться? И почему никто не нашел верной цели? Ведь если бы кто-то предложил что-то разумное, неужели бы за ним не пошли? Разве народ не мудр? Почему он не видит выхода сам?

Ответ, на мой взгляд, очевиден. Выход из ситуации не виден обществу, потому что не соответствует его желаниям, его умонастроению. Но бывает ли такое?

И бывали ли в нашей истории случаи, когда все хотели поступать определенным (неправильным) образом, но к успеху вел другой путь, который обществу в целом был не виден? И почему общество его не видело?

На мой взгляд, такая ситуация была у нас неоднократно, и вот, пожалуй, один из ярких случаев.

Все знают, что Кутузов – великий полководец. Но мало кто задумывался, чем же он велик. Он воевал всю жизнь, но не выиграл ни одного знаменитого сражения, ничего подобного громким победам Наполеона или Суворова у него нет – ни Измаила, ни Аустерлица. То поражения, то отступления, то довольно спорные победы с ничейным счетом. Когда задумываешься об этом, то сначала возникает какое-то неприятное чувство – а может быть, авторитет Кутузова – дутый? Может быть, он просто плыл по течению, а народ и русская зима сами все сделали? Трактовка его личности Толстым, надо сказать, лежит в русле именно такого взгляда на эту историческую фигуру.

Вот Наполеон – это да. Армии под его управлением были на полях сражений на голову выше своих соперников. Они били всех – и русских, и англичан, и саксонцев, и австрийцев, и пруссаков, и янычар. Они дрались артиллерией, «как человек кулаками», огромные массы конницы (революционное новшество!) сметали и пехоту, и отлично вымуштрованную, но малочисленную кавалерию европейских армий. Тактика боя у Наполеона была передовая, суворовская, и недаром горячим желанием Суворова было «встретиться с мальчиком, чтобы все взятое им вернуть». Под «взятым» подразумевались как раз суворовские нововведения. Суворов бивал наполеоновских маршалов, но лицом к лицу с Наполеоном они не встретились, и вопрос – кто сильнее – так и остался открытым.

В то же время как стратег Наполеон был никто. Его армии, даже в Европе, еще до встречи с противником теряли до четверти состава, из-за болезней и голода! Он совершенно не интересовался судьбой своих солдат. Наполеон не имел ни малейшего представления о государственном устройстве и особенностях России. Вторгшаяся в Россию Великая Армия не имела ни полевых кухонь, ни палаток, ни нормальных лазаретов – уже в Смоленске на перевязки использовали пергаменты из городского архива.

Но если уж Наполеону удавалось вывести свою армию на генеральное сражение, сделать с ним ничего не удавалось – на поле боя он лучше всех управлял своими солдатами, и те его не подводили.

Насколько отличен от него был Кутузов! Перед Бородиным Кутузов заготовил десять тысяч подвод для раненых и десять тысяч санитаров для их эвакуации с поля битвы, а Наполеон своих раненых просто бросил.

И Суворов, и Наполеон называли Кутузова соответственно хитрецом и хитрой лисой – такое совпадение отзывов разных людей говорит, что эта оценка личности Кутузова – объективна, и, поскольку исходит от полководцев, то имеются в виду не только качества «лукавого царедворца». Когда после катастрофы союзной нам австрийской армии под Ульмом Кутузову пришлось уводить от уничтожения русскую армию долиной Дуная, от Браунау до Брюнна, французам ничего не удалось с ним сделать. Лягаясь как конь, Кутузов не отдал ничего и не пожертвовал никем – а отступление, что ни говори, труднейший вид действий. Действуя постоянно лишь частью сил (остальные-то должны уходить), надо сдерживать все силы противника, и части прикрытия надо, постоянно чередуя, то разворачивать в боевой порядок, то сворачивать в походный, да еще и из перевернутого фронта. Выполнявшие свою задачу войска, не допустив задержки, надо пропускать в колонну сквозь развернутые сменные части. Все это технически очень сложно, здесь полководец должен быть в первую голову просто военным профессионалом, но ему нужны еще и понимание местности, и хладнокровие, и, конечно, хитрость. Малейшая заминка – и «хвост», а то и вся армия, были бы потеряны. Я уж не говорю о такой «мелочи», что арьергард русской армии должен был в каждом столкновении с французским авангардом безусловно побеждать.

Это отступление – шедевр военного искусства.

Но в то же время – и об этом осталась масса свидетельств – Кутузов всячески избегал генерального сражения с Наполеоном, даже в конце кампании 1812 года.

Так вот почему мы говорим, что вообще в ту эпоху Наполеон проиграл, а Кутузов победил? Дело в том, что, не проиграв вчистую ни одной битвы, Наполеон проиграл свою главную войну. Можно сколько угодно спекулировать на эту тему, но Наполеон потерял не только величайшую (вплоть до Гитлера) всеевропейскую армию, но и дело всей своей жизни, и не по своей глупости, а из-за ума Кутузова.

Ум Кутузова проявился в простом признании очевидного факта: Наполеон – величайший полководец-тактик того времени, и, сразившись с ним, в лучшем случае можно устоять, но победить его, маневрируя на поле боя, атакуя, нельзя. Он делает это лучше! И сражение с ним, кончившееся вничью, вовсе не гарантия того, что следующее не кончится катастрофой. Отходить, отбиваясь, Кутузов умел, как оказалось, мог и устоять под ударом Наполеона в генеральном сражении. Говорят, что Кутузов считал рискованным в ходе решающей войны учиться побеждать Наполеона на поле боя. Да нет же, дело не в риске. Кутузов совершенно определенно был уверен, что будет неминуемо разбит, если попытается разбить армию Наполеона.

Вот поэтому Кутузов и «построил золотой мост» Наполеону для выхода из России, а не попытался захлопнуть его армию. Да, планы Кутузова нельзя назвать величественными – он хотел не громкой победы, а всего лишь совершенного истребления неприятеля и спасения отечества. Да, Кутузов отступал, уворачивался, он ни разу всерьез не атаковал Наполеона, не уничтожил его артогнем и молодецкой штыковой атакой. Но и Наполеон ничего не мог сделать с Кутузовым, то есть Кутузов не был плохим полководцем! Французы атаковали – русские отбивались. Французы наращивали удар – он приходился уже по пустому месту. Французы уходили – русские вцеплялись в них сзади.

Французские генералы с обидой вспоминали, что они раньше Кутузова успели бы к Малоярославцу, если бы тот не посадил своих солдат на подводы. Это было не по правилам, но у Кутузова в решающий момент войны оказалось под рукой несколько тысяч телег с упряжными лошадьми, видимо, по чистой случайности. И Великой Армии пришлось идти не по благодатной Украине, а по выжженной Смоленской дороге.

Наполеон, по его собственному признанию, побеждал в сражениях, потому что во всех деталях продумывал их заранее, в отличие от своих противников. Зато в войне в целом он поступил согласно другому своему принципу: «надо ввязаться в бой, а там посмотрим». А у Кутузова была идея, он ее реализовал, и эта идея оказалась правильной.

Кутузов, я так понимаю, точно рассчитал, что Наполеону не удастся обеспечить фуражом более 50 тысяч лошадей. И старый профессионал оказался прав – еще перед попыткой прорыва на юг Наполеону пришлось отправлять безлошадную кавалерию на Запад пешим порядком. А был лишь сентябрь!

Кутузов понимал войну, а Наполеон – нет. Что радости Наполеону, что он непобедим? От его «Гранд Арми» осталось в живых 5 000 человек. Это от пятисот или шестисот тысяч!

Кстати, план Кутузова не был планом гения-одиночки – министр обороны Барклай-де-Толли придерживался тех же взглядов, что и Михаил Илларионович. Он, видимо, и был автором этого плана, ведь вообще именно Барклай-де-Толли был генератором нестандартных решений вспомнить хотя бы его вторжение в Швецию... через замерзшую Балтику! Самым удивительным было не то, что операция удалась и привела к нейтралитету Швеции, а как сама мысль могла прийти в голову военному профессионалу – марш целой армии в течение нескольких суток, с ночевками на льду... аналогов в истории ни до, ни после не было и не предвидится.

Вернемся к плану войны с Наполеоном: почему же общество в целом не видело этого плана и не приняло его от «немца» (шотландца Баркляя), и с большим скрипом послушалось Кутузова?

Потому что важнейшей предпосылкой этого плана было признание неприятного и неприемлемого для всего русского общества того времени факта: мы не можем победить Наполеона тем способом, который считался тогда правильным – разбив его армию в генеральном сражении. Кутузов знал, что сделать этого нельзя. Именно поэтому его план войны был непопулярен. Не могло русское общество прийти к этому плану «своим умом». Мы теряли одну из столиц, теряли значительную часть страны, мы претерпели осенью 1812 года национальное унижение – впервые за 200 лет неприятель вторгся в сердце России. Но Кутузов последовательно и целенаправленно свой план выполнял.

Бородинское сражение было нарушением его плана, это была уступка общественному мнению, Кутузов сражения не хотел, но не уступить не мог даже он. Русская армия страстно желала одного – умереть под стенами Москвы – кто бы мог воспротивиться?

Хотел ли Кутузов победить при Бородине? Ни в коем случае. Он лишь надеялся сберечь сколько можно солдат и офицеров. Сохранив половину армии, Кутузов победил – он мог теперь реализовать свой план...

Вот дилемма – все российское общество рвалось в бой. Не было солдата, офицера, генерала, который боялся бы сражения, который хотел бы отпустить армию Наполеона, как потом оказалось, умереть своей смертью. Но принимать правильного сражения было нельзя. Кутузов признал превосходство Наполеона в тактике и оперативном искусстве и наверняка уничтожил его.

Мало кто понял Кутузова, но не из-за его чрезмерной мудрости предпосылка к плану Кутузова была для всякого русского оскорбительна, только в этом было все дело. Признать реальное положение дел не всегда трудно, но порой очень обидно, и обида мешает действовать правильно. И Сунь-цзы говорил: «Если полководец чрезмерно обидчив, его могут спровоцировать».

Ведь даже и Кутузову не удалось до конца выполнить свой долг перед Россией, ему не удалось уберечь всех нас от страшной ошибки. Все слои русского общества – и царь, и дворянин, и, возможно, крестьянин – больше всего хотели тогда освободить Европу от «узурпатора». Но на самом-то деле не надо было «освобождать» Европу европейцы легли под Наполеона, пусть бы сами с ним и кувыркались, как хотели, нам-то какое дело? Второй раз в Россию «Буонапарте» на аркане бы не затащили!

Таким было мнение Кутузова, и об этом на смертном одре весной 1813 года просил он царя. А царь просил прощения у него за то, что не послушался. Кутузов ответил «Я-то прошу, простит ли Россия?».

Мы знаем об этом разговоре со слов лишь одного человека – чиновника для поручений, который его подслушал, спрятавшись за ширмой. Достоверность его не стопроцентная, но даже если он выдуман сама идея этого диалога не могла появиться на пустом месте. Нечего нам было делать в Европе, Кутузов знал Европу и понимал, что, пытаясь играть какую-то роль там, русское общество ошибалось.

И можно лишь гадать, что было бы, если бы Александр внял-таки мольбам Кутузова и не пошел в Европу вслед за Наполеоном. Дело даже не в тяжелых поражениях нашей армии в 1813 году от тех же французов, того же Наполеона. Вся история России повернулась бы в другом направлении! Не было бы финансового кризиса, вызванного необходимостью содержать русскую армию за рубежом, не было бы Священного Союза, не было бы позорной роли «европейского жандарма», не было бы, возможно, и Крымской войны.

Это я к тому, что все наше общество страстно хочет, чтобы российская валюта была самой лучшей. Чтобы не за долларом в мире гонялись, а за рублем, и чтобы рубль был надежней золота. Потому что считается, что правильная победа в экономическом соревновании – это когда рубль свободно конвертируется, да к тому же и постоянно растет по отношению к другим валютам. Но вот только верны ли такие представления?

Ошибки оппозиции

Все наше общество подвели наши же успехи за предыдущие 70 лет. Все, что мы хотели, у нас получалось. В каждом прямом столкновении с остальным миром мы выигрывали. Например, самое честное соревнование – военное, там каждый строй показывает все, на что он способен. В войне мы победили безоговорочно.

Довольно долго в западном мире считалось, что критерий прогрессивности страны – ее темп промышленного развития. Но экономика СССР добилась таких темпов, которые до сих пор в западных учебниках экономики приводятся как рекордные. Несколько превышали наши только показатели небольших азиатских стран, которые «накачивались» всем западным миром, и то в течение короткого времени. Этот рост советской экономики в 30-е – 50-е годы – неопровержимый факт, признанный всем миром, и странно, что у нас он не признается.

Что уж говорить о космосе, о бомбе – никаких причин для «комплекса неполноценности» у нас не было. А культура? Даже на Западе признано, что в искусстве 20-го века после Первой мировой войны появился лишь один новый полноценный художественный стиль, и это был стиль соцреализма (модерн и авангард на самом деле появились ранее), а Запад ничего такого не родил. Даже жизненный уровень был, как оказалось, неплох, хотя с 50-х годов каждое новое руководство страны оказывалось экономически безграмотным. Незадолго до перестройки в рейтинге городов мира по качеству жизни в первой десятке было три советских города, и ни одного американского, хотя среди критериев была и обеспеченность товарами. Тем не менее, даже этот параметр не отбросил наши города в конец списка. Запад победил нас, просто показывая глянцевые картинки. Если бы мы знали реальную картину даже западного образа жизни, то умонастроение общества было бы иным уже в 80-х годах, а не к концу 90-х.

В 80-х годах от советской, коммунистической идеологии осталось не так уж много, и именно эти-то остатки нам и повредили. Мы считали, что нам все по плечу, и настолько были в этом уверены, что «просчитывать варианты» и не пытались. Мы действительно могли все, на что способно было в двадцатом веке остальное человечество, могли мы и в 60-х годах высадиться на Луне (вопреки распространяемым мифам, еще Хрущев официально заявил об отказе участвовать в «лунной гонке», так как это было очень рискованно). Но возможность – была.

Вот эта уверенность во всемогуществе и была первой предпосылкой неверного выбора цели всем обществом, не только реформаторами. Мы не могли войти на равных в мировой рынок. Ошибка тут была в том, что мы могли все, кроме одного: мы не могли сделать издержки на промышленное и сельскохозяйственное производство меньше, чем в остальном мире. Вот это нам не подвластно.

Во-вторых, мы, несмотря на предупреждения советской пропаганды, подсознательно приняли неверное представление о движущих мотивах Запада. Многие, слишком многие вплоть до нападения НАТО на Югославию думали, что целью Запада является объединение всех стран в единое рыночное сообщество, богатое и свободное.

Это надо подчеркнуть, потому что многие простые сторонники реформ думали, что Запад настроен главным образом против нашего ВПК и нашей военной машины, и, стоит нам разоружиться и перевести военные заводы на мирные рельсы, как опасения Запада будут развеяны.

Если бы оппозиция раньше начала объяснять, что нет опасности скупки нашей экономики – есть только опасность ее уничтожения, то обстановка в обществе в 90-х годах, возможно, была бы иной. Ведь многим рабочим все равно, что производится на его предприятии и кто будет директором, японец или американец, лишь бы платили зарплату.

Не придет на наш завод крепкий хозяин из Германии. Наши заводы и нефтяные прииски нужны только нам самим, и мы сами, как рабочие руки, тоже нужны только нам самим, а больше никому мы не нужны.

Мало провозглашать, что не надо надеяться на иностранные инвестиции, просто потому что мы сами с усами, как об этом заявляют и видные оппозиционеры, и даже некоторые предприниматели. Так создается впечатление, что к нам со всех сторон лезут с этими самыми инвестициями, а мы по своей сиволапости от них отмахиваемся. На самом деле нет никаких идеологических причин для отказа от иностранных инвестиций. Китайцы используют их, и правильно делают, с их помощью они строят все более современную промышленность, но у нас так не получится, как бы мы этого ни хотели.

Из-за наших особых условий нам нельзя ожидать иностранных инвестиций, какие бы законы у нас ни принимались. И ведь отсюда следует, что все вложения якобы в экономику России имеют на самом деле иную природу. Это в значительной степени ростовщические деньги, которые вместо благосостояния приносят разруху. Или того хуже – это деньги, которые напрямую направлены на уничтожение каких-то предприятий и отраслей, или предназначены для людей и структур, ведущих разрушительную работу против нашей страны.

То есть само присутствие иностранных средств в каком-то месте – это сигнал тревоги, это SOS, это сирена и мигалка! Так просто иностранные деньги не могут у нас появиться! Либо это признак какой-то дыры в экономике, через которую утекают наши невосполнимые ресурсы, либо там копошится гнездо отвратительных вредителей, и нужны дуст и керосин.

Мы не можем победить в экономическом соревновании с Западом. Это многих оскорбляет. Да, но ведь соревнования бывают разные! Запад побеждает нас по критерию «эффективности», то есть соотношению выручка/издержки – и то только потому, что он контролирует новые промышленные регионы с низкими накладными расходами и низкой зарплатой рабочим.

Но даже не достигнув победы в этом, очередном соревновании, точнее, не участвуя в этом соревновании, мы можем выжить как народ и как государство. Разве этого мало? А всего-то надо изолироваться от мировой экономики. С нашим-то опытом – плевое дело.

И меры в этом направлении уже предлагаются и временами даже реализуются.

Мер этих три: госмонополия на внешнюю торговлю, прекращение вывоза капитала и отмена конвертации рубля, то есть нецелевого выделения валюты кому угодно. Если валюта выдается безусловно, то есть на благоусмотрение, то высока вероятность, что она будет потрачена в ущерб отечественной экономике.

Эти меры почти одновременно начали предлагаться в 1998 году в целом ряде публикаций. Зачастую не экономистами, а, в основном, «технарями» и историками. Это говорит о том, что историческая наука и технические дисциплины у нас пока есть.

Были в прессе статьи о ситуации в России летом 1917 года (она во многих чертах сходна с нынешней), и о пакете предлагавшихся тогда мер (отмена коммерческой и банковской тайны, запрет на вывоз валюты и т. д.). Они один в один применимы сейчас. Тогда их осуществили большевики, интересно, кто это сделает сейчас.

Летом 1998 года даже в Совете Федерации появилось заявление 16 сенаторов, основанное на разработке Аналитического управления СФ. Предположительно разработка базировалась на идеях С.Глазьева. Почему я говорю «даже»? Потому что и сенаторы – часть существующей экономической системы, и ожидать от них желания что-то менять трудно. Говоря конкретно, как у нас происходят сейчас выборы в регионах? Без финансовой поддержки каких-то коммерческих структур участие в выборах невозможно. А чем в 90-х годах жили коммерсанты? Экспорт нефти, цветных металлов, импорт продовольствия, табака, производство водки.

Тем не менее, разработка содержит ряд правильных предложений монополия на экспорт газа, прекращение импорта за счет госбюджета продукции, выпускаемой в стране и т. д. Излишне говорить, что эти меры половинчатые. Если госмонополия на газ, то почему не на

нефть? Не на аммиак и мочевины? Не на черные и цветные металлы? То же касается и других стабилизационных мер.

Но неполнота их предложений не страшна. Сама жизнь их усовершенствует. Решимость в принятии даже таких мер вызовет такую цепную реакцию и в обществе, и на Западе, которая приведет в конце концов к их полному комплексу. Половинчатость в действиях будет просто невозможна. Сказав «А», придется говорить и другие буквы алфавита, и быстро. Начав откат в либерализации внешней торговли, придется идти до конца, и в этом за граница нам поможет. Меры по изоляции нашей экономики от мировой приобретут характер снежного кома: в ответ на действия наших властей, например, по повышению таможенных тарифов, Западом будут тут же предприняты экономические, политические и военные санкции. Это неизбежно.

В отношениях с «мировой экономикой» мы либо рыночное государство, либо – нет.

Это, кстати, не зависит от того, какая экономика у нас внутри – рыночная или плановая. Это никого в мире не интересует, также как рабовладельческий у нас общественный строй или феодальный. С их точки зрения, мы должны быть открыты для мировой экономики – и никаких гвоздей!

Все эти экивоки понадобились мне только для категоричного утверждения: вся наша политика и идеология должны отторгнуть идею соревнования с мировой экономикой по критерию эффективности.

Пусть даже иностранный товар появится на наших прилавках – он не должен, благодаря его более низкой стоимости в производстве, пользоваться форой в цене перед нашим, аналогичным по потребительским качествам.

Иностранный покупатель наших природных ресурсов не должен иметь преимущества перед собственным потребителем. А он имеет! То, что наши города замерзают при сохранении 130 млн. тонн экспорта нефти ежегодно – лишь одно проявление этого более общего явления.

Итак, принимая решения, мы должны постоянно помнить одно: в конкуренции по сравнительным издержкам мы проигрываем. Это мы должны иметь в виду всегда. Также надо иметь в виду, что это не единственный вид конкуренции, и конкурируют не только на рынке товаров!

Так повезло нам или нет?

Отгалкиваясь от правильного понимания ситуации, можно предположить, какой должна быть политика разумного правительства нашей территории. Я сознательно не упоминаю ее названия – когда-то это были, наверно, Хазария, Булгария, Великая Пермь, Русь, потом Золотая Орда, потом Россия, потом СССР, потом Российская Федерация. Границы порой смещались, и довольно значительно, на нашей территории создавались и исчезали государства, пользовавшиеся, кроме русского, и другими языками.

Но правильная экономика на территории Восточной Европы должна быть одна, и она не будет зависеть от этнического состава населения нашей страны. Да и что такое «этнический состав»? В конце концов, мы называем себя «славянами» или «татарами» с большой долей условности – генетически мы имеем мало общего с людьми из крошечных придунайских или северокитайских племен древности, и культура у нас другая, да и язык – разговаривать с ними без переводчика мы бы не смогли.

И религия тут вовсе не причем. Славяне – не такие уж фанатичные христиане, да и татары – не все поголовно воины джихада. Принципы устройства экономики в нашей стране должны учитывать особенности наших условий, а не пресловутый «менталитет».

Основная особенность образа жизни в нашей стране – любой результат достигается нам труднее, чем жителям других стран. И не все мы можем компенсировать даже и более интенсивным трудом!

Даже собирательство на нашей территории менее продуктивно, чем в Западной Европе. Между прочим, грибное изобилие уцелевших к настоящему времени лесов Германии значи-

тельно превосходит наше, и собирать грибы там можно чуть не круглый год. Та территория просто биологически более продуктивна, и выражается это в разных формах, но всегда в одну сторону. Но поэтому те территории гораздо плотнее освоены человеком, а это не всегда плюс.

Если мы занимаемся скотоводством, то нам приходится обходиться менее продуктивными, но более выносливыми породами домашних животных, и конечной продукции мы получаем меньше, относительно затрат кормов, площади пастбищ и труда пастухов. Даже северные олени в Финляндии и Норвегии более продуктивны, чем у нас.

Если мы занимаемся земледелием, то, как показал профессор МГУ доктор исторических наук Л.В. Милов, выращенного едва хватает крестьянину для прокормления себя и своей семьи, а для городов и аппарата управления остается совсем немного, гораздо меньше, чем в Западной Европе, и ситуация не определяется недостатком пахотных земель – сил у крестьянина, даже русского, порой не хватает и на имеющиеся. Проблема в том, что на нашей территории из озимых культур устойчива только рожь, а все остальные возделываемые культуры, если и дают урожай (это бывает не каждый год), то втрое-вчетверо меньший, чем в Европе, при работе крестьянина без сна и отдыха в течение пятимесячного земледельческого сезона (норма урожайности пшеницы для Швеции – 77 ц/га, для России – 14 ц/га). Но и в оставшуюся часть года крестьянин занимается буквально выживанием – нигде нет столь трудных условий для жизни, как у нас.

Если же на нашей территории будет существовать индустриальное общество, то его экономика из-за специфических условий Средне-Русской равнины также будет специфической. Я уж молчу про Поволжье, Урал и Сибирь! В процессе производства значительная часть ресурсов и труда будет расходоваться на преодоление неблагоприятных условий. Это кроме необходимых производственных издержек! И это при производстве почти любой промышленной продукции!

Поэтому себестоимость нашей продукции по сравнению с аналогичной по потребительским качествам, но произведенной в других странах, будет выше. Поэтому производить здесь продукцию из других стран сюда не поедут и инвестиций не дадут. Капитал к нам сам собой не потечет! Индустриальное общество на нашей территории всегда будет вынуждено опираться только на собственный капитал – то есть овеществленный труд предшествующих поколений и накопленные ими материальные запасы, других опор у такого общества нет и никогда не будет. И крайне трагичной ошибкой любого правительства нашей страны является допущение оттока этого капитала и других ресурсов с нашей территории. Извне нам никто ничего не пришлет и пирожка не подсунет.

Таковы особенности жизни здесь. И совершенно все равно, кто здесь будет жить после нас – пусть большинство через сто лет будет за смешанным еврейско-чеченско-армянским населением. Основной чертой хозяйства страны должно быть то же – закрытость экономики от конкуренции с мировой. Платой же за ошибочное открытие экономики будет падение и без того невысокого уровня жизни, может быть после кратковременного лихорадочного подъема.

Наверно, неприятно такое читать? Но это так. Против природы не попрешь.

Так что же, лучше уезжать? Да, кто хочет, кто считает, что ему здесь делать нечего – пусть уезжает. Таково мое мнение – держать здесь таких людей – себе дороже. Америку можно только поздравить: она приобретает новых граждан, которые – случись что – всегда помогут своему государству, всегда подставят плечо. И детей своих так же воспитают.

Я это говорю не потому, что недолюбиваю их – Россия не доллар, чтобы ее все любили. Наоборот, я на их стороне – зачем людям мучиться? Пусть едут в ту страну и к тому народу, который им кажется приятнее. Это их проблемы – ведь есть индивидуумы, которые даже своим полом недовольны, и идут на мучительные операции и огромные затраты, чтобы его изменить. В результате, правда, получается все равно имитация, но это тоже их проблемы. Не запрещать же такие операции, в самом деле?

Тем более я не осуждаю уехавших не по причине нелюбви к России, а по другим причинам. Их не много, но они есть. Любовь, например – ведь и не в Швецию порой уезжают, а и в Зимбабве. Дело молодое, не нам запрещать.

Вот кто мне действительно не нравится – так это те, кто недовольны нашим народом и нашей страной, но не уезжают. Подсознательно я воспринимаю их как каких-то агентов, которым не разрешают вернуться к своим, пока они не выполнили здесь какое-то таинственное задание. А они не могут его выполнить и поэтому всем недовольны!

Нам же надо в этом случае только соблюсти свой интерес, не допустить вывоза при эмиграции того, что им не принадлежит, и все. Больше всего расстраивает, когда вывозят образование – «элиту» учили за счет тех средств, которые отрывались у рабочих и крестьян, а пользоваться образовательным капиталом будет Запад. Тут надо что-то придумать. Но не надо делать из эмиграции пугала! Не обезлюдеем, может, кто и к нам приедет.

Русский народ хреновый, конечно, но лучше его нет, и страны лучше нет. Кого-то и из других стран наша может привлечь, не все люди одинаковы, природа любит шутки шутить – где-то сами собой рождаются люди с русским менталитетом. Пусть они и приезжают. (О русском народе я пишу только потому, что лучше его знаю. Но ко всем народам, населяющим Восточную Европу, вышеизложенное также относится.)

Недавно я побывал на Севере, там, откуда я родом, провел там две недели. В той деревне, где я останавливался, вопреки опасениям, народу сейчас немногим меньше, чем раньше, хотя население сильно сменилось. Прежних жителей – поморов – почти нет, там осели люди из России, чьих родителей или их самих по складу характера привлекло северное раздолье, лес, рыбалка. Кого только нет! И из тамбовских дворян, и из ссыльных украинских кулаков, и из Центральной России, и из Южной. И поляки встречаются, и белорусы. У кого дед китаец, у кого – негр. Северный говор исчез, повесть называют сараем, хотя северными диалектными словечками стараются козырять перед посторонними. Но и быт, и хозяйство остались во многом теми же – ведь никакие другие там просто невозможны. Правда, некоторое увлечение «субтропической» архитектурой наблюдается (окна, на мой взгляд, делают в новых домах великоватыми), но со временем придет и лучшее понимание местных реалий.

А прежние жители разъехались, кто в 30-е, кто после войны осел в городах, кто уже потом. Потянуло в город, что ж поделаешь, там можно работать от звонка до звонка. «Зачем пахать – лучше в городе порхать». Север тянет, но больше новичков – когда там родился и вырос, когда постоянно живешь среди обычного пейзажа, привыкаешь, не ценишь. Из отцовской деревни многие стали большими людьми – кто в ЦК, кто в Звездном городке, кто просто в Северодвинске титановые подлодки варил. Или как мой отец – крестьянин и лесоруб, а во второй половине жизни – шифровальщик, и вроде бы неплохой.

Еще когда выезд из нашей страны был затруднен, мне случалось говорить на эту тему со знакомыми – немцами и евреями – для которых проблем с выездом было меньше. Но, будучи по увлечениям охотниками, фотографами, они говорили: «А что я там буду делать?». И некоторые остались до сих пор – а, значит, видимо навсегда.

Так что засели Нечерноземье папуасами – и те, кто выживут, будут класть русские печи и рубить избу «в лапу», будут сажать репу, а не батат, собирать клюкву, а не ананасы. И жить будут общинами, а не хуторами. А папуасское правительство после нескольких сот лет проб и ошибок будет каленым железом выжигать любую попытку осуществить вывоз капиталов и ресурсов за границу. Даже не только вывоз, а любую попытку пропихнуть саму идею вывоза в любой форме. Вместе с идеологами «врастания в мировой рынок».

Что же касается привлекательности или непривлекательности нашей страны, то приведу в вольном изложении слова Конрада Лоренца, австрийского ученого, Нобелевского лауреата. Он этолог, то есть изучал поведение животных, их «язык», но также писал книги – не менее интересные, чем, например, книги Джеральда Даррела. Его специфические знания сделали

его крупным философом, он по-другому, чем мы, видит взаимосвязь всего живого на Земле, поскольку ему приходилось часто встречать в поведении животных вроде бы человеческие черты, и наоборот.

Так получилось, что он посетил нашу страну, не по своей воле, а будучи врачом полевого госпиталя вермахта. Отдельных воспоминаний об этом периоде жизни у него нет, но замечания, обличающие его зоркий взгляд психолога, рассыпаны по текстам книг, и многие из них необычны для немца (австрийцы все-таки считают себя немцами, хотя и «верхними»). Так, его удивила такая наша особенность: в стайке белоголовых белорусских ребятишек обязательно крутились две-три собаки, в то время как «нормальная верхненемецкая собака, завидев нормального верхненемецкого мальчишку, улепетывает со всех ног». Говорящая деталь!

Лоренц много думал о будущем человека как биологического вида, и вообще его взгляды трудно назвать оптимистическими. Так вот мнение этого человека – а к его мнению стоит прислушаться – таково: «все цивилизации (имеются в виду не только индустриальные – А. П.) разрушают свою среду обитания, и исключением является только цивилизация, сложившаяся в Северо-Восточной Европе». Он свое мнение специально не мотивировал, но у него никогда не было излишне спорных или легкомысленных умозаключений. Я ему верю, с его стороны – виднее. Вот в этом я вижу преимущество нашей страны над другими. Ведь мы освоили ее более тысячи лет назад, но почти не ухудшили, а то, что стало хуже – легко привести в норму за какой-нибудь век. Конечно, при плохом правительстве мы можем попытаться загадить и всю Восточную Европу, но при хорошем – можем сделать так, чтобы точка зрения Лоренца была верна и далее. Помните, у Маркса: «стихийно развивающаяся цивилизация оставляет за собой пустыню». Так нам надо лишь, чтобы развитие нашей цивилизации было не стихийным, а разумным, и у нас появится редкий шанс!

А еще, как мне кажется, пора внести небольшую оптимистическую струйку в изложение.

Не стоит особенно расстраиваться из-за того, что вы прочитали ранее. Бог не попустит! Как ни странно, ситуация не так трагична, как должна бы быть, даже сейчас, и не все из негативной информации верно. Я уже упоминал, что по реальной продукции, которую «можно пощупать», на душу населения еще в начале 90-х годов США превосходят нас лишь в полтора раза! И это несмотря на нашу сумасшедшую энергоемкость. Ведь наша экономика выросла в российских условиях, и, при всей нашей безалаберности, у нас действуют самые разные компенсационные механизмы. Мы до сих пор превосходим Запад в остроумных, дешевых технологиях. Они действительно хороши – только это не значит, что они обеспечат нам конкурентоспособность на мировом рынке. Тот реальный ВВП 80-х годов был достигнут в отсутствие конкурентоспособности!

Мы даже приспособляемся к чужим технологиям, введенным у нас дураками-начальниками. Все видели, что в каждом современном магазине-«стекляшке» несколько входных дверей, «как в Европе». Совершенно естественно, что у нас открыта только одна. Также совершенно естественно, входя в тамбур магазина, мы делаем маневр и идем к дальней внутренней двери тамбура, хотя напротив входной тоже есть дверь. Но мы прекрасно знаем, что она закрыта. Причина понятна – энергосбережение, или, по-нашему, сквозняк. Никакого Закона или Указа на этот счет нет! Причем и летом, по инерции, делается так же. Иностранцев туристов, посещающих нашу страну в основном летом, этот русский обычай удивляет и кажется чем-то необъяснимым.

А сколько лет наш человек ведет – и успешно – борьбу с дураками, запрещающими стеклить лоджии? А ведь застекленная лоджия на солнечной стороне снижает зимой теплоотдачу через стену вдвое-вчетверо! В русских домах будущего две-три стены обязательно будут обнесены застекленной галереей.

Все это я веду к тому, что мы можем жить в государстве с передовой промышленностью и наукой, обеспеченном продуктами питания, с лучшей в мире экологической обстановкой. Государстве, ни от кого не зависимом, государстве, у которого будут друзья.

Пусть в рейтингах западных институтов мы не будем стоять высоко, и пусть даже мы не войдем в какую-нибудь «десятку» или «двадцатку» – в этом ли дело? Немаловажно, что недовольные этим всегда должны иметь возможность уехать туда, куда они хотят – это создаст в обществе психологический комфорт.

С чего нужно начать?

Сначала географический экскурс, и довольно далеко – в Африку.

Наш побратим в Африке

Как вы уже поняли, есть в мире страны, находящиеся по сравнению с другими в не совсем хороших условиях. Например, пустынные но их и странами трудно назвать, ведь где нет воды, там нет практически и населения. Но есть довольно населенные государства, которые, тем не менее, не могут влиться в экономику мира, хотя они и не такие замороженные, как мы и Монголия. Это те, кто расположен в глубине своих континентов, без удобных транспортных путей. Железные дороги и тем более автотрассы – это дорого, и по действующим в мире «правилам игры» в таких странах никогда не будет обрабатывающей промышленности. Исключение – южноамериканский Парагвай, так как он стоит на «океанской» реке, и расположен между довольно развитыми и перспективными Аргентиной и Бразилией.

По терминологии М.М.Голанского, это «отсталые» страны. В основном они расположены в Африке, из остальных это Афганистан, Непал, Боливия. Интересно, что Швейцария имеет все предпосылки, чтобы быть «отсталой» страной, но... банки, банки правят миром, ребята! А Швейцария – их родина!

Как вы уже поняли, мой любимый политический деятель на Западе – Маргарет Тэтчер. И вот как-то раз она, видимо, стараясь посильнее выразить свое отношение к Советскому Союзу, назвала нас «Верхней Вольтой с ракетами».

Была тогда такая страна в Африке. И действительно, по европейским понятиям она не самая развитая – так, кофе собирают, козоводство там развито... и все. 7 миллионов населения. Хотя и какая-никакая история есть – государства там были с 11-го века. Уходя оттуда, французские колонизаторы оставили там короля – ну, так, молодой человек, по моральным и интеллектуальным качествам – что-то вроде Немцова или Бревнова, да и внешнее сходство было, тоже курчавенький. Жил он в основном во Франции, и госказну туда же забрал. Небольшая казна, примерно на «Мерседес» и жене на леопардовую шубку.

Уже после появления тэтчеровской характеристики случился, как водится, в этой Верхней Вольте государственный переворот. Король и казна остались в Европе уже насовсем, а к власти пришел один армейский капитан. Не помню уже, как его звали, видел фотографию – умное, интеллигентное лицо, в очках, хоть и офицер. И решил этот капитан жизнь в стране переделать на лучший лад. Но как это сделать? Ведь жители-то все знают, где они живут – в Верхней Вольте! Причем без ракет.

Знаете, с чего он начал? Он переименовал страну. Стала она называться Буркина-Фассо. А значит это название – «Родина Честных Людей». Вот так.

А уже потом начал переделывать, что мог. Что-то, наверно, получилось – ведь если президент хотя бы казну не разворовывает, то жизнь не может быть хуже, чем при том короле!

Я даже не знаю, как там дела сейчас обстоят – времени много прошло. Сам капитан трагически погиб – против него тоже устроили переворот. Хоть и Буркина-Фассо, а дураков там тоже, видимо, хватает. Но потом был беспрецедентный в истории государственных переворотов эпизод – удачливый путчист при вступлении в освободившуюся должность в своей «тронной речи» оправдывался, объясняя, что он не планировал убивать капитана – дескать,

ему предложили сложить полномочия, но его охрана стала стрелять... так вышло. Настолько этот капитан был, видимо, уважаем в стране. Действительно, столица там Уагудугу – городок небольшой, все видели, что окошко бунгало президента всегда светило допоздна, и все знали, что он думал о том, как ему лучше устроить жизнь своего народа.

История драматическая, но на карте мира есть теперь страна с таким странным названием – Родина Честных Людей. Я даже думаю, что доведись сейчас Тэтчер придумывать нам обидную кличку – она постаралась бы выбрать какую-нибудь другую страну. Она ведь неглупая женщина, эта Тэтчер! Зачем ненужные ассоциации?

Но слово вылетело. Так что мы теперь – не по своей воле «Буркина-Фассо с ракетами». Так сказать, в потенци. Нам надо лишь не подвести народ-побратим, о котором мы, честно говоря, ничего не знаем. Но я думаю, не подведем.

То есть, конечно, не стоит ожидать общественной поддержки политики, ориентированной на интересы страны, пока в обществе не произойдет перелом. Но он уже начался: никогда ранее не было такого отторжения телевизионной пропаганды даже состоятельной частью населения. А по результатам исследований среди молодежи выявлено, что сейчас процент ориентированных на интересы страны втрое выше, чем 10 лет назад. Приходит время патриотической политики.

А когда в обществе происходит смена настроений, тогда открывается возможность объяснить ему, что наша страна не так плоха, как некоторые о ней говорили последние годы. Нужно лишь выбрать правильный путь.

Автаркия

На мой взгляд, для создания жизнеспособного государства на российской территории нужно лишь одно:

ВНУТРЕННИЙ РОССИЙСКИЙ РЫНОК ДОЛЖЕН БЫТЬ ИЗОЛИРОВАН ОТ МИРОВОГО.

Я сказал эту фразу, которой, как черт ладана, боятся демократические журналисты, политологи и экономисты. Стоит только намекнуть на благотворность изоляции российского «экономического пространства», как начинается жуткий, отвратительный для слуха визг: «автаркия!», «международная изоляция России!», «железный занавес!», «экономический ГУЛАГ!». Реакцию легко предсказать, фантазия у сторонников «мировой экономики» небогата.

Но полностью ли изолирован? Или частично?

Попробуем сначала рассмотреть вопрос теоретически – а можно ли полностью изолироваться от внешнего мира, а если нельзя, то почему? И если мы все-таки решим, что изолироваться не стоит, то, на каких основах должно базироваться наше взаимодействие с внешним миром? И что оно нам даст?

Полная изоляция от внешнего мира, или самодостаточность, или изоляционизм, или полное самообеспечение – по-научному называется «автаркия». К ней призывают сейчас те, кто по горло наелся мировым рынком. Согласно «Президентскому посланию 1999 года», такие призывы – подрыв российской государственности, не больше, не меньше. Зная аристотелево определение государства, можно сказать, что подрыв российской государственности начался давно.

Уже привычно слышать заклинания из уст тех, кто считает себя «реформаторами» и «демократами»: «изоляционизм не нужен, вреден, бессмыслен». Так любит говорить Л. Черной – предприниматель, сделавшийся миллионером на приватизации российского алюминиевого комплекса и внешней торговле алюминием.

Приводят иногда и якобы цитату из Маркса с тем смыслом, что ограниченная экономика якобы обречена на гибель. Странная мысль любая экономика ограничена территориально – например, современная ограничена по крайней мере размерами земного шара. И поэтому она

обречена? Не знаю, говорил ли так Маркс, но приводящие эту цитату явно не в ладах со здравым смыслом.

Поэтому ни одна сколько-нибудь разумная экономическая теория вовсе не может утверждать, что самодостаточная экономика невозможна. Возможна.

Даже и небольшая страна может сколь угодно долго существовать по-робинзоновски, лишь бы ее население не превышало возможностей страны по производству продовольствия. Правда, развитие в такой изолированной стране может полностью остановиться – из-за отсутствия противоречий. Так, в начале 17-го века, одновременно с нашим Смутным временем, в Японии тоже происходили непростые события. После изгнания из страны европейцев (они вдохновили антиправительственное восстание японских христиан) и самоизоляции страны там наступил технический регресс. Вышло из употребления огнестрельное оружие и прекратилось использование денег (даже и не знаю, минусы это на самом деле или плюсы), вернулись платежные средства в виде мешков с рисом.

Другое дело, что современные средства обороны (а в покое никого в мире не оставляют, кто упал – того съели) требуют технического прогресса, который при полной изоляции затруднен. Американская эскадра коммодора Перри пушками заставила Японию в 19-м веке открыться мировому рынку, на свою голову. Японцы тогда этого не хотели, но их пушки были неконкурентоспособны по сравнению с американскими.

Кстати, японцы в считанные годы наверстали тогда отставание то есть период «автаркии» не ослабил какую-то коренную способность нации к техническому прогрессу. Отчасти поэтому я считаю, что мы, дважды в 20-м веке войдя в мировую пятерку лидеров, сможем занять достойное место в мире и в 21-м.

Если мы не хотим, чтобы нас, как японцев 19-го века, «открывали», надо иметь хорошую военную технику, то есть современную, а в ней порой используется разный «дефицит». Даже у нас во время войны не хватало некоторых видов сырья, и вовсе не из-за технической отсталости, просто нет у нас, и все. Экзотический пример: ну не живет у нас шеллачный червец – а шеллак, использовавшийся и во время войны в некоторых специальных приборах, ни одна самая развитая страна заменить не смогла. Сейчас хрома нет, а в производстве специальных сталей заменить его нечем. Сурьмы нет, процессоров «Пентиум», мало вольфрама, мало урана, да мало ли чего.

Поэтому полная автаркия невозможна практически.

А вот желательна ли?

Даже если оставить в стороне военный аспект экономики – неприятная это наука, как бы убить побольше и подешевле – есть и в обычной жизни доводы против полной автаркии. Ведь мы говорим, что экономика построена на человеческих потребностях – то есть желаниях, для удовлетворения которых человек согласен трудиться.

Что такое «автаркия»? Это полная изоляция от мира. Что выкопал, то и съел. Хорошо ли это? Нет, это плохо. Кофе у нас не растет, а многие без него жить не могут. Был такой случай в истории, в 1813 году немцы восстали против Наполеона, потому что континентальная блокада оставила их без кофе и сахара.

Человек сформировался в Старом Свете как биологический вид без доступа к табаку и какао, значит, эти вещи для нас не необходимы. Но найдем ли мы в себе силы отказаться от этих порочных привычек выкурить сигарету и съесть шоколадку? Лучше нашего шоколада – только швейцарский, но какао-бобы растут в тропиках. Из-за этих роскошеств мы нуждаемся во внешней торговле, так как у нас и приличный табак не растет. У нас нет хлопка, цитрусовых.

Я не буду это долго обосновывать – каждому понятно, что жить при автаркии можно, но современное общество слишком завязано на международную торговлю. Да что говорить, даже в доледниковую эпоху зафиксировано распространение каменных орудий и украшений далеко от места их изготовления. И наша история не подтверждает благотворность автаркии – у нас

были периоды бурного роста промышленности при сохранении обширной внешней торговли. Значит, полная изоляция по крайней мере не необходима. Значит, если не интеграция в мировую экономику, то, по крайней мере, внешняя торговля желательна.

К сказанному надо добавить: самое неприятное в условиях автаркии – повышенный расход ресурсов из-за мелкосерийного производства. Мы – не такая уж большая страна. Наш рынок ограничен по объему, но не по разнообразию потребностей, и мы используем огромную номенклатуру изделий, многие из которых потребляются в небольшом количестве. Для их производства в условиях автаркии придется разворачивать огромное количество специализированных мелкосерийных производств. Мелкие серии плохи тем, что на единицу продукции уходит больше сил и получается больше отходов, чем в крупных сериях. Для производства многих видов продукции нельзя обойтись без развертывания технологического оборудования и оснастки «по полной программе» – независимо от того, сто эмалированных кастрюль будет производиться или миллион. Чем крупносерийнее производство, тем более эффективным его можно сделать.

Выгодно было бы выменять небольшую партию чего-то «у них» на часть крупной серии, производимой «у нас». Иначе, при нашем-то расходе ресурсов на выживание, мы еще дополнительно будем нести убытки из-за мелкосерийности.

Конечно, разнообразие красит жизнь. В США даже патроны к «Калашникову» выпускает чуть ли не десяток фирм, и стрелок-любитель может хвастаться перед друзьями любимой маркой. Там практически нет предмета, у которого не было бы «двойника», выпускаемого конкурентом. Но это во многом декорация: при всей непохожести телевизоров и огромном количестве их производителей кинескопы для них очень долго выпускались всего тремя фирмами, лишь сейчас к ним присоединился Самсунг.

В современном мире очень распространено так называемое OEM-партнерство. При этом продукция производится вскладчину несколькими фирмами. После того, как изделия сходят с одного-единственного конвейера, OEM-партнеры ставят свой «лэйбл» и реализуют самостоятельно. Таким образом, например, производятся популярные у нас фотообъективы «Солигор», поразительно дешевые для «японской» фототехники. Одновременно в мире продаются абсолютно идентичные объективы под марками «Косина», «Вивитар», «Фойхтлендер» и т. д. Это как раз OEM-партнерство. Кстати, производят «японскую» фототехнику и электронику сейчас, конечно, на самом деле Китай. Юго-Восточная Азия и даже Ирландия, так как тамошнему рабочему можно меньше платить, чем японцу.

Если вам приходилось относить в ремонт старый ксерокс или лазерный принтер не очень популярной фирмы, то вы, возможно, замечали, что ремонтники первым делом листают потертые брошюры – таблицы соответствия. На самом деле некоторые устройства, идущие под маркой «Эпл», например, выпускаются «Кэноном» или «Хьюлетт-Паккардом». Причина та же – ну невыгодно выпускать тысячами, а сотнями тысяч выгодно. В мире это понимают, пора понять и нам, что мелкие производства не всегда выгодны.

Есть в мире уникальные производства, снабжающие своей продукцией все страны. Например, станки для часовой промышленности делали только в Швейцарии, там же производили штампы для деталей кузова практически всех автомобильных производств мира. Некоторые микропроцессоры выпускаются лишь в одном месте, например, специализированный чип – электронные часы, устанавливаемые на все материнские платы персональных ЭВМ, какая бы фирма их ни выпускала, делаются на одном заводе фирмы Моторола. До перестройки некоторые серии микросхем, производимых в Зеленограде, расходились по всему миру, и не потому, что японцы не могли их скопировать – разворачивать свое производство оказалось дороже, чем покупать. И даже сейчас Зеленоград держит в мире первенство по чипам для наручных часов, и не просто держит, а захватил подавляющую долю рынка – конкурентам оказалось невыгодно

заново разворачивать производство по устаревшей, 5-микронной технологии. Правда, не знаю, кому это производство принадлежит, нам или все-таки каким-нибудь, мягко говоря, японцам.

То есть в идеальном случае, когда решается вопрос о разворачивании производства нового типа машин, надо просто считать – может быть, выгоднее произвести дополнительно партию уже освоенных производством машин и поменяться с иностранцами? Вот для таких расчетов понадобятся профессиональные (и высокооплачиваемые) экономисты! Вот в этом главная задача технологов и экономистов – точный расчет издержек в альтернативных технологических процессах. Будет ли выгода по сравнению с другими странами? С учетом нашей энергоёмкости? Если будет – можно и продавать, точнее – меняться.

Мы говорили о невыгодности экспорта продукции, технология которого в мире распространена. Но если мы будем выпускать по уникальной – чрезвычайно массовой технологии – то в этом случае, за счет отличий в технологии, такое производство может быть более выгодным.

Еще раз: если наша промышленность будет производить все, то значительная часть производств будут мелкосерийными, что – технологи знают – верный путь к разорению. У нас 130 тысяч предприятий – а современное общество нуждается в гораздо большем числе производств!

Но нужен справедливый обмен, а как его достичь? Вот это первый и главный вопрос – как достичь справедливого обмена. Есть принцип – рынок является справедливым, когда продажа и покупка на нем происходят без принуждения. А для этого нужно сильное государство, то есть не такое, где президент смотрит буквой, а где экономика способна обойтись своими силами в случае шантажа и принуждения.

В порядке анекдота – но не совсем анекдот. До афганской войны серьезным экспортным производством у нас было изготовление галош, продавали мы за рубеж миллионы пар, правда, в основном в Афганистан. Никто не решался отобрать у нас такой экзотический сектор рынка – эта технология в мире была утеряна, как строительство пирамид.

Это еще одна иллюстрация к той же мысли – конкурентоспособной может быть почти любая продукция, лишь бы ее хоть как-то можно было использовать, и лишь бы цена соответствовала ее потребительской стоимости.

Итак – автаркия не нужна. Но изоляция нужна! Так в чем же должна быть изоляция?

Поправка

Как уже показано выше, основной и первой бедой для нашей экономики является утечка капитала. А что такое капитал? Валюта? Нет, как раз валюта – не всегда капитал. Если она предназначена для закупки чего-то необходимого для производства – тогда да. Если же она используется для покупок для себя, душу потешить – это не капитал. Вот сырье, энергия, оборудование, помещения – вот это всегда капитал!

Капитал – то, что может использоваться в процессе производства.

Понимаете суть дела? Если дебилу-наследнику достался завод, и он начал, вместо продолжения производства, распродавать станки – то что это такое? Это дебилизм чистой воды. Нормальные люди продают не капитал, а продукцию.

Поэтому продажа сырья – и есть сама по себе утечка капитала. Если бы мы меняли один вид капитала – сырье – на какой-либо другой, то такая продажа еще оправдана «трудовой протестантской этикой», да и любой другой трудовой этикой. Но пускать основной капитал в распыл... Нет, таких деятелей западный человек всерьез никогда не воспримет. Поэтому почти неприкрыто и издеваются «их» лидеры над «нашими».

Также видами капитала являются оборудование и комплектующие, и тут не всегда легко провести разницу между экспортом и вывозом капитала. Если оборудование отнимается у отечественной промышленности, или если часть выручки от такого экспорта не возвращается в

страну, или если выручка от продажи оборудования не используется для закупки оборудования же – то это одна из форм вывоза капитала.

Сырье вывозить сложно – объемы и вес бывают довольно велики по сравнению с конечным продуктом, и во многих странах, непригодных для промышленного производства, все-таки первичную обработку сырья производят на месте, за счет чего некоторые «слаборазвитые» как-то живут. Но за время советской власти, с эпохи Брежнева, как на трех, создали целую систему экспорта ресурсов, а сейчас упорно поддерживается «режим наибольшего благоприятствования» – у нас пока просто смешные по сравнению со всем миром транспортные тарифы, поэтому пока вывоз капитала в виде промышленного сырья легок. Но это пора прекращать – впрочем, инфраструктура сырьевого экспорта как раз и выслужила срок, в частности, «труба». Она была рассчитана примерно на 35 лет, они уже почти и кончились.

Так что же, никакое сырье не продаем?

Конечно, если в хозяйстве перекоп – одного вида капитала много, другого мало – то можно поменять, но нельзя менять капитал на потребительские товары! Это, как выражаются в определенной социальной среде, «западло». Капитал можно менять только на капитал!

И если уж в припадке государственной мудрости наши деятели допустили факт продажи национального капитала, то рвать на теле волосы по поводу судьбы долларов, полученных от этой продажи – уже немного поздно. Не для того экспортеры взяли на себя эту трудную ношу – доллары получать – чтобы с кем-то делиться. Хотя все, конечно, понимают, что стоны по поводу утечки валюты – лишь имитация озабоченности, особенно перед выборами.

Надо позаботиться о сохранении всего капитала страны, а не только в виде валюты.

Вспомним, о чем мы говорили – высшей целью для нас является предоставление каждому возможности трудиться и трудом зарабатывать себе на жизнь. Что для этого нужно, кроме желаний, рук и головы? Производственный капитал. Вот его и надо сохранять, насколько это возможно. И ныне, и присно, и во веки веков.

Прекратить утечку капиталов можно единственным методом – ликвидировать саму возможность этого. Ну так что, хождение доллара запрещаем, за попытку продать доллар – «три года расстрела» и т. д.?

Давайте не будем торопиться. Давайте сначала примем правильный закон.

Ведь мы говорили – вывоз капитала экономически выгоден. Значит, экономическими методами бороться нельзя, надо организационными, законодательно. Так как данная проблема у нас основная и никогда никуда не денется, то закон этот должен быть для нашей страны основным. Он у нас уже есть – Конституция. Если новой не будем принимать, то надо принять Поправку – «Первую Поправку» примерно следующего содержания:

«Общественный строй России – капитализм. Высшей целью капитализма является сохранение и приумножение капитала. Капиталом является все, что может быть использовано для производства. Вывоз капитала из России запрещен»

Если кто икнул, прочитав это, то вдумайтесь: а что тут такого? Тут, кстати, про частную собственность я ничего не говорю, ни полсловечка. Капитализм и государственный бывает. Капитализм и частная собственность – не синонимы, это разноуровневые вещи! Просто сейчас уже начали нести по кочкам и «капитализм», и «рынок», а ведь их у нас еще не было, мы их не попробовали! То определение «капитализма», к которому мы привыкли – «на основе частной собственности на средства производства» – идеологическое. На самом деле капитализм – это человеческая деятельность, постоянно направленная к увеличению капитала. Для нас именно такая направленность экономики в масштабах страны – жизненная необходимость, поскольку в нашей стране в условиях открытости рынку естественной целью деятельности экономических субъектов является ликвидация капитала путем его вывоза из страны.

С моей точки зрения, опасность для России того «капитализма», который мы знаем по учебникам, заключается только в возможности вывоза капитала, в денежной или натуральной

форме. Все другие опасности частного (бывает и не частный) капитализма, то, чего боится левая оппозиция, на мой взгляд, преувеличены. Во всем мире есть определенные механизмы, юридические, налоговые и т. д., позволяющие ограничить возможность владельца капитала использовать его только в свою пользу, а, тем более, в ущерб обществу. Чтобы избежать нынешней ситуации – все общество беднеет, а некоторые богатеют – нужно знать, как и почему это происходит. И не так уж жизненно необходимо, на самом деле, отбирать «многомиллиардные состояния» у Вяхирева или (свят, свят) даже у Чубайса – на самом деле владельцы их просто управляют целыми отраслями промышленности, и даже прибыль от них не используют на собственное потребление. И если они будут управлять ими и дальше, но не во вред стране, а на пользу – кто против? Просто придется поставить, к примеру, тому же Вяхиреву некоторые рамки в его деятельности.

Особенность частнособственнического капитализма, действующего в однородной по издержкам среде, в том, что кто эффективно управляет, тот, в конце концов, перехватывает ресурсы у неэффективных. И у нас должен существовать метод передачи ресурсов тем, кто может их применять эффективнее, на пользу всему обществу, состоящему из нынешнего населения и будущих поколений. Я тут рецептов не предлагаю, предлагаю самостоятельно подумать.

В конце концов, можно даже и оставить название «частная собственность», но из прав собственника убрать одно – право вывоза за границу, которое может принадлежать только обществу в целом – или в лице государства, или даже с помощью еще не существовавшего у нас механизма – когда любой вывоз будет осуществляться на основе консенсуса между административными структурами и органами народного представительства. Такого у нас еще не было, но это необходимо.

Еще больше уступлю – да мне нет дела, какая у нас будет форма собственности. Пусть хоть коммунизм. Лишь бы капитал (средства производства разного рода) из страны не вывозились, все желающие могли работать и чтобы производство было эффективным – производились лишь нужные вещи. И чтобы доступ потребителей к товарам не ограничивался нерыночными мерами («черный ход – завмаг – товаровед»).

Согласно Первой Поправке из страны нельзя будет вывозить сырье (в том числе теплоносители), комплектующие, оборудование, инструмент. Все, что может быть использовано для производительного труда, понадобится нам самим, для реализации того самого основополагающего принципа – чтобы каждый желающий трудиться из нынешнего и будущих поколений был по возможности обеспечен средствами производства.

Но мы ведь говорили, что не все виды сырья у нас есть. Значит, нужна Вторая Поправка – «Под общественным контролем допустим обмен одних видов основного капитала на другие. При этом допустим обмен невозобновляемых российских ресурсов только на невозобновляемые».

Итак, нефть или газ можем продавать? Нет, так как они могут использоваться в производстве. Менять можем? Да, на уран или вольфрам (помните – «государства торгуют меной вещей» – Н.М. Карамзин). А на зерно? Нет, на зерно мы можем менять только гидроэлектроэнергию, лес или клюкву. Причем при обмене капиталом выгодно менять сырье (возобновляемое, конечно) на трудоемкие в изготовлении машины.

А что же мы можем просто продавать? Только те потребительские товары, которые нельзя использовать в производстве. А если под видом потребительских товаров кто-то попытается вывозить сырье? Это придется контролировать так же, как американцы контролировали использование своих «стратегических» товаров в соцстранах, хотя и по другим причинам. Они как-то раз запретили продажу за рубеж каких-то электронных игрушек, потому что в них была микросхема, однотипная с применявшейся в каком-то оружии.

Так и у нас, если окажется, что что-то из проданного где-то используется в промышленности, то экспорт такого товара прекращается и производится расследование.

Забавно, но примерно аналогичный подход (запрет на вывоз сырья, или, точнее, на вывоз сырья под видом потребительских товаров) действовал и раньше, хотя он и не был документально зафиксирован.

Помню такую байку 70-х годов: японцы покупали у нас минеральную воду. По пути бутылки выбрасывали в море, ящики разбивали и дощечки из твердого дерева использовали в мебельной промышленности. Когда это вскрылось, ящики заменили на пластмассовые, и японцы покупать воду перестали. Интересно здесь то, что ящики заменили, то есть применили сходный принцип.

Схема внешней торговли будет такова: вырученные от продажи наших товаров валютные средства используются на закупку импорта. Импорт на торгах раскупают наши оптовики. Они же и формируют заказ на закупку импорта за рубежом, а закупки за границей производятся по тендеру (по конкурсу) – это важно, иначе неизбежна коррупция, как в советские времена. Кто и как продает за границей наши товары, чтобы не было нам ущерба? Есть варианты, но... это уже детали, все это решаемо, было бы желание. Эти экспортно-импортные торги идут и у нас в стране: для экспорта также закупают товар у нашего производителя. Надо ли подчеркивать, что никакого «экспортного» исполнения внутри страны не должно быть – доступность всех товаров для всех граждан и для Торговой палаты должна быть одинакова. Кто делает высококачественный товар, получает за него не валюту, а много-много рублей, гораздо больше, чем те, кто делает средний. И за эти рубли сможет купить и импорт, если захочет.

Аналогично решается вопрос с путевками – сколько валюты выручили от продажи буржуйам путевок в Россию, на столько купили путевок на Канары. Обычно простых новых русских пугают, что при изоляции не будет туризма с чемоданом долларов. С чемоданом – не будет. Но вот припоминаю, что при устройстве на работу в «фирму» особо предупреждают, что отпуск – две недели, через пару лет – уже три, но уходить надолго – дурной тон. Если человека нет на рабочем месте месяц, и фирма не развалилась, значит, он не нужен. Поэтому разъезжать по границам нормальный человек в принципе часто и много не может, а кто может – те жулики и нечего о них беспокоиться.

Надо ли в такой обстановке запрещать хождение доллара или его вывоз из страны? А зачем? Откуда он, доллар, возьмется-то у нас в стране при разумной политике? Экспортированные средства производства возвращаются средствами производства, товары – товарами.

Зачем была нужна валюта в СССР? На нее можно было купить то, что на рубли было нельзя. Такая организация торговли являлась преступлением, хотя и выросла из вынужденных и оправданных в свое время Торгсинов. Подоплека этого преступления проста: верхний класс того времени, имея (номинально) небольшие денежные доходы, реально получал потребительских товаров на гораздо большие суммы. Если бы цены на товары в «Березках» формировались рыночным путем или на основе точного расчета спроса-предложения, как в 30-е годы, эта проблема была бы снята. Но тогда «верхнему классу», для поддержания своего жизненного уровня, пришлось бы назначать оклады в несколько раз большие! То есть ценность валюты в наших глазах на самом деле «вообразительна». Если бы импортом потребительских товаров у нас в СССР занимался совет из фарцовщиков, и он бы и устанавливал цены на импорт – не было бы никаких проблем с «дефицитным импортом». Только надо, чтобы в таких советах участвовали все фарцовщики, а не некоторые, особо отобранные начальством из своих отпрысков, как сейчас.

Если кто из сторонников советского образа жизни оскорблен моими словами про фарцовщиков, то извините – а внешней торговлей у нас в СССР ясноглазые идеалисты занимались? Да это тот же слой. Они, начиная с эпохи Хрущева, монополизировали внешнюю торговлю в интересах своего класса – да они, кстати, сейчас и правят, в первой-второй производных.

Ну вот почему у нас в стране джинсы не производились? Трудно было запланировать их выпуск? Ведь у тех, кто решения принимал, дети и внуки ходили в джинсах, что ж они, не знали, что молодежи нравится? Это тянулось десятками лет, еще в начале 80-х писали, что фарцовщики из своих прибылей могли перед Госпланом памятник бронзовый поставить, в виде джинсов с пятиэтажный дом.

Да все просто: те, кто правил тогда, организовали для себя, для своего класса монополию на джинсы, и все. Ведь именно этот класс был «выездной».

Поэтому организация внешней торговли – дело, требующее максимальной открытости, а не «коммерческой тайны». Кстати, фирменные джинсы у нас делались, и неплохие, но только на экспорт.

В общем, я не хочу сказать, что знаю все. Но, на мой взгляд, без этих мер мы не решим проблем, накопившихся в нашей экономике со времен Хрущева.

Что же касается запрета на владение долларами, то давайте разберемся. Откуда в банках в нашей стране появляется сейчас валюта, в наличной и безналичной формах? Либо это какая-то производная от иностранных кредитов, и с этим надо разбираться, либо выручка от продажи сырья. Вообще говоря, нынешний владелец валюты волен распоряжаться ей как хочет – ведь ему разрешили продавать наши ресурсы как свои собственные? Это же не преступление? Значит, выручка, за вычетом налогов, его. Хозяин – барин. Если же кто-то купил валюту за рубли в обменнике, то ведь это не было запрещено. То есть, перед тем как требовать от владельцев валюты, чтобы они не использовали ее так, как они хотят (а запрет на вывоз – именно такое требование), надо подробно это обосновать. Говоря конкретно, надо признать, что продажа сырья за доллары, а также последующая продажа этих долларов населению – преступление или ошибка, требующие исправления. Надо признать, что простая продажа долларов, полученных в кредит – мошенничество. А без этих признаний (с наказанием виновных) все громкие крики о контроле за вывозом валюты – словоблудие, да еще и незаконное.

Что же касается той валюты, что имеется у нас в стране на руках, то я просто не понимаю тех, кто обещает привлечь их в экономику. «Сдайте добровольно доллары, и мы ими заплатим долги Лондонскому клубу!» На кого эти призывы рассчитаны?

Да и, начистоту, не верю я, что у нас в стране ходит сейчас сорок миллиардов долларов. Ведь при выезде из страны пассажиров никто никогда не проверял, на каждом самолете в Европу улетал не один миллион все годы «реформ». Миллиарда два-три осталось, не больше, так что не стоит овчинка выделки.

А то, что переведено за границу – нам придется забыть. Конечно, правоохранительные органы, при удаче, вернут миллион-другой, но Запад – и немцы, и американцы – недвусмысленно дают понять, что денег не вернут. В отличие от поляков, любого бандита представляют нам в лучшем виде, в наручниках, но и только. Вывезенных им денег – ни цента.

Так что – «все уже украдено до нас». Надо сырье охранять, а доллары, полученные от его продажи, уже не поймать. «Зубами не удержал – губами разве удержишь?»...

Заключение

Все факты нынешнего состояния нашей экономики подтверждают мою концепцию: экономика нашей страны должна быть четко отграничена от мировой экономики. Но закономерности развития экономики приняли современную форму сравнительно недавно, примерно 300 лет назад, когда на Западе началась промышленная революция, что же действовало раньше?

А это очень интересно: почему наши пути с Западом разошлись уже давно? Почему экономика, да и все государственное устройство нашей страны всегда, с сумерек истории, так разительно отличалось от соответствующих институтов Западной Европы? Ведь оттуда родом значительная часть наших предков! Да и с другими соседями сходство у нас небольшое. Нельзя ли использовать сходный подход и выяснить, в конце концов, в чем же дело?

Ответ, видимо, возможен, и начало ему положено фундаментальным трудом современного нам ученого. Это член-корреспондент РАН С.В. Милов, профессор МГУ, заведующий кафедрой истории России эпохи феодализма. Он выпустил в 1998 году монографию «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., РОССПЭН, 1998). Фактический материал книги относится в основном к 16–18 векам, но не ограничивается только этим периодом. А общий смысл этой книги примерно таков: из-за особых условий России объем прибавочного продукта хозяйства русского крестьянина всегда был, есть и будет меньше, чем в Западной Европе, то есть русское общество – общество с минимальным объемом прибавочного продукта. Эта мысль, пожалуй, вполне заслуживает наименования закона.

Что же следует из этого фундаментального вывода? Это значит, что после вычета того, что нужно крестьянину и его семье, он может отдать государству, то есть его аппарату управления, гораздо меньше, чем западноевропейец. Поэтому на Западе для содержания одного воина или чиновника достаточно, например, десяти крестьян, а у нас нужна сотня.

Но ведь процесс управления везде одинаков!

Один человек может эффективно управлять лишь четырьмя-пятью подчиненными, на всех уровнях, поэтому, например, низовое военное подразделение в армиях всех времен и народов – пять человек. Даже если по разным причинам делались отделения большей численности (скажем, десять бойцов), все равно жизнь заставляла делить его пополам и иметь дополнительного командира над второй половиной. То же происходит и на более высоких уровнях, напрямую управлять десятью заместителями ни один начальник не может.

В делах гражданских такого постоянного и интенсивного процесса управления, как в армии нет, но определенная пропорция между управляющими и управляемыми должна соблюдаться. Ну, например, нагрузка на налогового инспектора не может в разных обществах различаться в десятки раз – силы человеческие примерно одинаковы.

Я вообще не встречал сравнительного анализа систем государственного управления у нас и в Европе или Азии, а то, что попадалось, было написано в идеологических целях и к употреблению оказывалось непригодно.

Как же вдесятеро меньший государственный аппарат или офицерский корпус могут выполнять те же функции? Вот где непаханое поле для историка и обществоведа. Очевидно, что государство у нас функционирует как-то по-другому, чем на Западе. Скорее всего, наше население как бы больше вовлечено в процесс управления, хотя внешне это незаметно. Но по некоторым отрывочным сведениям можно сделать именно такой вывод. Так, среди крепостных крестьян административные обязанности выполняли десятские, пятидесятские и сотские, и в армии, как ни странно, на солдатском уровне тоже существовали свои структуры управления.

Во Франции, например, судейские и нотариусы составляли отдельные и политически очень сильные общественные прослойки. Парламент, с которым Людовик XIV собачился по поводу того, кто же является государством, именно из судейских состоял, а не из народных

депутатов, как можно сейчас ошибочно подумать. А вот кто в России заключал сделки по домовладениям, например? Как описано у Лескова (не придумал же он это из головы), делалось все самостоятельно, лишь на «общественных началах» выборный вел «китрать» с регистрационными записями. И все! Специального нотариуса просто бы не прокормили.

Эта структура общественного устройства перекочевывала и в государственные органы.

Вот конкретные примеры из специфической области государственного устройства – а именно из военной истории XVIII–XIX веков.

Так, в Крымскую войну, в ходе наступления на Черной Речке 4 августа 1852 года, почти все офицеры были выведены из строя штуцерным огнем, был убит и командующий, генерал Рead. Но вполне организованные атаки войск без офицеров продолжались, и некоторые были даже более успешны, чем предыдущие. У Сергеева-Ценского приводится характерный диалог генерала и солдата, взятый из чьих-то мемуаров:

«– Лезервы нам дайте!

– А тебя кто послал?

– Товарищи.

– А офицеры где?

– А все поубиванные!»

Это не признак какого-то сверхчеловечества – храбрецы везде есть, но аналогичных примеров в военно-исторических трудах я что-то не встречал. Считается, и, как правило, так и бывает, что при разрушении управленческой пирамиды, когда офицеров остается меньше половины, армия превращается в толпу. Но в русской армии сохранялась система управления, перенесенная из сельской общины, хотя ее «функционеры» не носили знаков различия. Кстати, в фундаментальной работе В. Белова по русскому крестьянскому быту «Лад» устойчивость русской армии объясняется в большей степени влиянием устройства патриархальной семьи, чем общины – я думаю, противоречие незначительно.

В мемуарах генерала Ермолова, относящихся к периоду наполеоновских войн, приводится такой эпизод: короткое время нашей европейской армией командовал генерал Винценгероде, который отличился, в частности, тем, что для повышения маневренности армии распорядился продать имущество солдатских артелей, без совета с солдатами. Оказывается, все солдаты объединялись в артели по 50–70 человек для финансово-хозяйственных целей и заработка, и в походе, и в местах постоянной дислокации. Сменившему Винценгероде Кутузову пришлось отменять эти распоряжения, и Ермолов особо отмечает неудовольствие солдатских товариществ. Он упомянул об этом случае не как об историческом анекдоте, а как об иллюстрации того, почему немцев нельзя использовать в русской армии (был у Ермолова такой пунтик). Действительно, как может командовать армией генерал, не знающий очевидных вещей о ее устройстве?

Увы, несмотря на то, что такая особенность явно не была для русских офицеров того времени секретом, упоминаний о ней нигде, кроме этого рассказа, нет. Такова уж беда русских мемуаристов – о том, что «все и так знают», никто не пишет.

Тоже своеобразный случай: во время Семилетней войны первое крупное сражение с пруссаками (при Гросс-Егерсдорфе) произошло в крайне невыгодной ситуации. Наш лагерь был укреплен, но противник атаковал с тыла, откуда его не ждали. При попытке построиться (без правильного линейного строя воевать тогда, по западноевропейским понятиям, было нельзя) части перемешались, солдаты по ходу дела разбили бочки с вином – и пошла потеха. Прусский король, хорошо видя обстановку в лагере русских, понял, что битва уже выиграна. Более того, и русский командующий – иностранный военный специалист Фермор, с криком «коня мне!» ускакал с поля битвы. Тем не менее русские солдаты, встав кто куда попал, выдержали атаку, и хотя у нас потерь было больше (17 тыс. против 11 тыс. у пруссаков), сражение кончилось вничью.

Претензий к Фермору впоследствии не было – он проявил профессионализм, по крайней мере в оценке ситуации. И Фридрих уже тогда понял, что управление в русской армии, при внешней похожести, явно осуществлялось не по западноевропейскому образцу.

А помните, как у Н.Островского говорится о порядках в Первой Конной? Когда оплошавшего бойца судили сами, ночью, без командиров и комиссаров?

Только не надо возражать, ссылаясь на горбачевские «восемнадцать миллионов чиновников» или современную численность генералов. На самом деле, все они не имеют отношения к процессу управления. Мы говорим об исторических ситуациях, когда каждый управленец действительно управляет. Нынешний «аппарат управления» – во многом просто армия безработных с относительно высоким пособием. Проверить легко – почти никто из современных управленцев не может принять какое-нибудь решение, которое вызовет реакцию в слое управляемых. Приводной связи нет, шестеренки крутятся вхолостую.

Как гласит один из законов Паркинсона – при достижении аппаратом управления порога численности в 3000 чиновников – он уже не нуждается в объекте управления.

И нынешние генералы – это не те генералы. Кстати, для государственной казны после производства они обходятся дороже лишь из-за канта на брюки, денежное содержание у них мизерно. Просто в современных условиях у власти нет других возможностей поощрить заслуженных или перспективных офицеров, а для них само генеральское звание представляет ценность. И армия сейчас не та – пожалуй, в российской истории не было периода, чтобы она состояла в основном из 18–19 летних. Это, скорее всего, неправильно.

В 19-20-м веках российская государственная власть увеличила «аппарат управления», доведя его до европейских стандартов. Но прибавочный продукт не обманешь! Этот аппарат все равно по необходимости вдесятеро более дешевый. И это касается не только государственного аппарата. Вообще соотношение между производящими и прочими классами у нас по необходимости (по «закону Милова») должно быть другим, например, у нас должно быть меньше количество торговцев на тысячу рабочих и крестьян. Или эти торговцы, при той же численности, что в Европе, будут жить хуже.

И общественная пирамида у нас не может быть такой же сложной, как там, и верхи в нормальных условиях у нас всегда ближе к низам, по сравнению с Западом. Да так на самом деле, конечно, и было. Эта разница хорошо видна и сейчас, стоит посмотреть на отношения, например, в британской армии. Один мой знакомый общался с англичанами, служа в Западном Берлине. Чтобы офицер говорил с солдатом? Да никогда! Только с сержантом, и то только через нижнюю губу. У нас и в царской армии ничего похожего не было. Я уж не говорю, что телесные наказания в русской армии были отменены раньше, чем в других европейских армиях.

Несомненно, у взаимоотношений государственной власти и народа в России было очень много отличий от Западной Европы, но как о них узнать? Немного помогают мемуары иностранцев, но для них многое было непонятно, и языка они, как правило, не знали. Конечно, они записывали то, что их поразило – ну, например, когда дворцовый слуга в ответ на подначку царя отвечает «Врешь, собака!» (в присутствии иностранного посла), а Иван Грозный только посмеивается – то как иностранный посол мог такое не упомянуть? А вот наши-то авторы того времени о таких вещах и не написали.

Конечно, и иностранные свидетельства не совсем объективны, слишком сильно влияние пропаганды Запада. Она действовала всегда. Так, откройте любую книгу западного путешественника на Русь, хоть 15-го, хоть 19-го века, и обязательно найдете там замечание, что на Западе свобода, а у нас ее нет, причем без всякого обоснования. Корни этого штампа лежат где-то уж очень глубоко.

Так, вам не преминут заметить, что на Западе давно не было крепостного права. Да, не было. Но в средние века на европейских дорогах стояли патрули, и попавшихся «бродяг», то

есть тех, кто не мог доказать, что он местный арендатор, тут же вешали. А крепостного права не было! Иди куда хочешь, кругом свобода.

На самом же деле вполне объективные факторы, отличающие нашу страну, действовали всегда, и их действие проявлялось по-разному, в зависимости от того, по каким законам жило общество. И заселение территории финскими и балтскими племенами, и расселение славян с 6-го века происходило очень своеобразно, и государство образовалось не так, как королевства Западной Европы, и феодализм у нас был другой, по сути, это даже не был феодализм.

Что-то дополнительно узнать об истории удастся, когда можно будет определить, как экономика влияла на жизнь в разных странах. Ведь условия отличались порой настолько, что это делает историческую обстановку в чужой стране для нас просто непредставимой! Так, в «Записках о галльской войне» упоминается, что о важных событиях галлы передавали весть по стране таким вот образом: каждый житель кричал о новости соседу. О случившемся утром к вечеру узнавали за 160 миль от места действия! А возможно ли это было в России, в любую историческую эпоху? И причина невозможности этого – чисто экономическая, у нас нельзя прожить крошечным клочком земли, и, поэтому, не могут крестьяне на протяжении сотен верст жить бок-о-бок. Отчасти поэтому предлагавшаяся Столыпиным «хуторская система» (по опыту Виленского края) в России не прижилась – далековато получалось жить. Россия-Россией, но и другие народы Восточной Европы тоже что-то хуторами не живут, а все довольно большими селами.

Во время одной из многочисленных войн Москвы с Тверью был, говорят, случай, что в течение летней кампании противостоящие армии не смогли встретиться, просто не нашли друг друга в лесах и болотах между княжествами.

Сейчас уже общепринято, что феодализм возник тогда, когда всадник на коне оказался сильнее десятков пехотинцев (поэтому в европейских языках «кавалер» или «рыцарь», то есть феодал, означает «всадник», «конник»). В античную эпоху этого не могло произойти, потому что седло со стременами и подпругами современного типа появилось не ранее рубежа нашей эры, а без него всадник не слишком сильнее пехотинца. Почему западноевропейские крестьяне оказались поработаны феодалами? Как оказалось по археологическим данным, в Европе юго-западнее Рейна и Дуная преобладала воловья упряжка, и крестьяне не могли противостоять конным бандитам. В остальной же части Европы, северо-восточнее Эльбы, феодализм установился очень нескоро, так как там крестьяне пахали на конях, и кандидаты в феодалы преимущественно перед земледельцами не имели.

Да и позднее, структура нашего общества была с западной точки зрения алогичной – в военном отношении класс крестьян неизмеримо превосходил русских «феодалов», но крепостничество пало позднее, чем в Европе. На Западе же при первой возможности (появление огнестрельного оружия) с рыцарями было покончено. Более поздние, абсолютистские дворяне – это уже совсем не то.

Значит, российское крепостничество лишь внешне похоже на западноевропейское, а по сути это другое явление.

При рассмотрении же взаимоотношений нашей страны с Западной Европой, необходимо иметь в виду следующее: в любом государстве правящий слой (элита) живет только за счет прибавочного продукта. Так вот, российская элита всегда беднее, всегда чувствует себя обделенной. Ей никогда не достичь того уровня жизни, который свойственен «элите» Запада. И если основные производящие классы России не слишком озабочены мыслями об этой разнице, хотя бы в силу постоянной занятости, то имеющая более обширные контакты с Западом элита может сравнивать. Комплекс неполноценности особенно сильно обострялся после победоносных войн, когда она в массе своей знакомилась с жизнью своих западных коллег. Как же так, мы им дали, а живем хуже?

Информационная открытость последнего времени дала сходный и даже усиленный эффект – любознательный русский офицер видел в Европе все стороны жизни, и плохие, и хорошие, а в наше время СМИ жизнь Запада показывает выборочно, только с выигрышной стороны.

В конце концов, если рассуждать цинически, с финансовой точки зрения Западу проще и дешевле купить российского чиновника за взятку или интеллектуала за литературную премию, чем нам – западного.

Довольно многих «наших» в принципе можно купить просто за вид на жительство на Западе, но западного за российский паспорт – довольно трудно. Бывали, правда, исторические эпохи, когда от резни и перенаселения к нам ехали французские гугеноты и шотландские католики, но это были другие времена.

Вот эти особенности нашей страны часто проявлялись с плохой стороны. Такое случилось сейчас, бывало это и раньше. Стоило народу начать чуть менее заботиться о государстве, а элите – чуть-чуть продаться внешним врагам, как сразу начинались крупные неприятности. Как ни удивительно, несмотря на потенциальную бедность нашего государства, врагов у него всегда много. Элита даже не то чтобы полностью продавалась – просто начинала с тоской сравнивать свое положение со статусом шляхтича или шевалье, и это отражалось на ее преданности интересам государства. Невозвращенцы в ранге послов бывали и в царские времена.

Обычно такие ситуации возникали вслед за чрезмерным напряжением сил всего народа и государства – как после правления Ивана Грозного или Сталина. Освободившись от царской палки, правящая элита начинала с упоением грызться за власть, забыв о государстве, а народ, избалованный тем, что царь долгие годы все знал и умел, не сразу успевал спохватиться. Государство разваливалось, и лишь многолетние бедствия снова сплачивали страну воедино. При чем сейчас, если продолжить аналогию со Смутным временем после Ивана Грозного, смута еще далеко не кончилась, и даже еще как следует не началась.

Так что наши общественные структуры всегда будут проще, чем на Западе, а «элита» будет нуждаться в постоянном присмотре и контроле со стороны управляемых. А так как наш пряник всегда будет менее сладок, то кнут должен быть потолще. И так как на удачного царя надежды мало, стегать этот кнут должен не сверху вниз, а снизу вверх.